

Магнитогорский государственный технический университет
им. Г. И. Носова

Libri Magistri

2019. № 1 (7)

**ФИЛОЛОГИЯ В XXI ВЕКЕ:
НА ОСТРИЕ НАУЧНЫХ ПОИСКОВ
ГУМАНИТАРИСТИКИ**

Научный рецензируемый журнал

Издается 4 раза в год
Основан в феврале 2015

Магнитогорск
2019

Nosov Magnitogorsk State Technical University

Libri Magistri

2019. № 1 (7)

**PHILOLOGY IN THE XXI CENTURY:
AT THE FOREFRONT OF SCIENTIFIC
RESEARCH OF HUMANITIES**

Scientific peer-reviewed journal

Published four times a year
Founded in February 2015

Magnitogorsk
2019

ISSN 2587 – 6945

LIBRI MAGISTRI

Научный рецензируемый журнал

Основан в феврале 2015 г.

2019. 1 (7). Филология в XXI веке: на острие научных поисков гуманитаристики

Редакционная коллегия:

Т. Е. Абрамзон – ответственный редактор, д-р филол. наук, профессор кафедры языкознания и литературоведения Магнитогорского государственного технического университета им. Г. И. Носова (Россия, Магнитогорск);

С. В. Рудакова – научный редактор, д-р филол. наук, профессор кафедры языкознания и литературоведения Магнитогорского государственного технического университета им. Г. И. Носова (Россия, Магнитогорск);

А. Ф. Строев – д-р филол. наук, профессор кафедры сравнительного литературоведения университета Париж-III (Новая Сорбонна) (Франция, Париж);

Л. Росси – профессор русской литературы Миланского государственного университета (Италия, Милан);

М. Боровски – кандидат гуманитарных наук, адъюнкт по кафедре русской литературы и культуры Вроцлавского университета (Польша, Вроцлав);

Н. В. Кононова – д-р филологии, ассоциированный профессор Латвийского университета (Латвия, Рига);

Р. Кидэра – канд. филол. наук, внештатный преподаватель, Досися университет в Японии (Япония, Киото);

Слободанка Владив-Гловер – адъюнкт-профессор в Школе языков, литератур, культур и лингвистики, университет Монаша (Австралия, Мельбурн);

Т. М. Попович – д-р филол. наук, профессор Белградского университета (Сербия, Белград);

А. В. Растягаев – д-р филол. наук, профессор, заведующий кафедрой филологии и массовых коммуникаций Самарского филиала Московского городского педагогического университета (Россия, Самара);

А. К. Гладков – канд. ист. наук, старший научный сотрудник Отдела западноевропейского Средневековья и раннего Нового времени Института всеобщей истории РАН (Россия, Москва);

А. П. Власкин – д-р филол. наук, профессор кафедры языкознания и литературоведения Магнитогорского государственного технического университета им. Г. И. Носова (Россия, Магнитогорск);

В. Л. Коровин – д-р филол. наук, доцент кафедры истории русской литературы Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова (Россия, Москва);

В. А. Котельников – главный научный сотрудник Отдела новой русской литературы Института русской литературы («Пушкинский дом»), зав. группой по изучению и изданию наследия К. Н. Леонтьева (Россия, Санкт-Петербург);

М. А. Амелин – русский поэт, переводчик, литературный критик и издатель, главный редактор «Объединенного гуманитарного издательства» (Россия, Москва);

Н. В. Налегач – д-р филол. наук, профессор кафедры журналистики и русской литературы XX века Института филологии, иностранных языков и медиакоммуникаций Кемеровского государственного университета (Россия, Кемерово);

О. Г. Лазареску – д-р филол. наук, профессор кафедры русской литературы Московского педагогического государственного университета (Россия, Москва);

Ю. В. Сложеникина – д-р филол. наук, профессор кафедры филологии и массовых коммуникаций Самарского филиала Московского городского педагогического университета, декан филологического факультета (Россия, Самара);

А. В. Петров – технический редактор, д-р филол. наук, профессор кафедры языкознания и литературоведения Магнитогорского государственного технического университета им. Г. И. Носова (Россия, Магнитогорск);

Т. Б. Зайцева – технический редактор, д-р. филол. наук, доцент кафедры языкознания и литературоведения Магнитогорского государственного технического университета им. Г. И. Носова (Россия, Магнитогорск).

Картинка для обложки – бесплатная картина:

Literary and Philosophical Society of Newcastle, Newcastle upon Tyne, United Kingdom
<https://beckyleung.com/michael-d-beckwith-575798-unsplash/>



2019. 1 (7). Philology in the 21st Century: at the Forefront of Scientific Research in Humanities

Editorial Board:

Tatiana Abramzon – editor-in-chief, Doctor of Sciences (Philology), Professor of the Department of Linguistics and Literary Studies, Nosov Magnitogorsk State Technical University (Russia, Magnitogorsk);

Svetlana Rudakova – scientific editor, Doctor of Sciences (Philology), Professor of the Department of Linguistics and Literary Studies, Nosov Magnitogorsk State Technical University (Russia, Magnitogorsk);

Alexandre Stroev – Doctor of Philology, Professor of the Department of Comparative Literary Studies, University Paris-III (New Sorbonne) (France, Paris);

Laura Rossi – Professor of Russian Literature, Milan State University (Italy, Milan);

Marcin Borowski – hD, Assistant Professor, Department of Russian Literature and Culture, University of Wrocław (Poland, Wrocław);

Natalia Kononova – Doctor of Sciences (Philology), Associate Professor at the Department of Russian and Slavic Studies, University of Latvia (Latvia, Riga);

R. Kider – Associate Professor, Candidate of Sciences (Philology), Freelance Lecturer, Doshisha University in Japan (Japan, Kyoto);

Slobodanka Vladiv-Glover – Adjunct Associate Professor in the School of Languages, Literatures, Cultures and Linguistic, Monash University (Australia, Melbourne);

Tanya Popovich – Doctor of Sciences (Philology), Professor of World Literature and Literary Theory, University of Belgrade (Serbia, Belgrade);

Rastyagaev Andrey Viktorovich – Doctor of Sciences (Philology), Professor, Head of the Department of Philology and Mass Communications, Moscow City University (Samara Branch) (Russia, Samara);

Alexander Gladkov – Candidate of Historical Sciences, Senior Scholar of the Department of the Western European Middle Ages and Early Modern times of the Institute of General History of the Russian Academy of Sciences (Russia, Moscow);

Alexander Vlaskin – Doctor of Sciences (Philology), Professor of the Department of Linguistics and Literary Studies, Nosov Magnitogorsk State Technical University (Russia, Magnitogorsk);

Vladimir Korovin – Doctor of Sciences (Philology), Department of History of Russian Literature, Lomonosov Moscow State University (Russia, Moscow);

Vladimir Kotelnikov – Doctor of Sciences (Philology), General Research Officer of Department of New Russian Literature of Russian Literature Institute (the Pushkin House), Russian Academy of Sciences, Group Curator of K. N. Leontiev writings Publication Group (Russia, Saint Petersburg);
Maxim Amelin – Russian Poet, Translator, Literary Critic and Publisher, Chief Editor of the United Humanitarian Publishing House;
Natalia Nalegach – Doctor of Sciences (Philology), Professor of the Department of Journalism and Russian Literature of the 20th century, Kemerovo State University;
Olga Lazarescu – Doctor of Sciences (Philology), Professor of the Department of the Russian Literature, Moscow State Pedagogical University (Russia, Moscow);
Slozhenikina – Doctor of Sciences (Philology), Professor, Head of the Department of Philology and Mass Communications, Moscow City University (Samara Branch) (Russia, Samara);
Alexej Petrov – Technical Editor, Doctor of Sciences (Philology), Professor of the Department of Linguistics and Literary Studies, Nosov Magnitogorsk State Technical University (Russia, Magnitogorsk);
Tatiana Zaitseva – Technical Editor, Doctor of Sciences (Philology), Assistant Professor of the Department of Linguistics and Literary Studies, Nosov Magnitogorsk State Technical University (Russia, Magnitogorsk).

Cover picture – free picture:

Literary and Philosophical Society of Newcastle, Newcastle upon Tyne, United Kingdom

<https://beckyleung.com/michael-d-beckwith-575798-unsplash/>



СОДЕРЖАНИЕ

РАЗДЕЛ I. Национальная модель мира в литературе

Каширина В. В., Никольский Е. В. Эволюция художественного канона в агиографии мучеников (на примере жития новомученика Александра Никольского) 11

Никольский Е. В. Сакрализация национального начала в творчестве русских поэтов консервативного направления 33

Бедрикова М. Л. Специфика изображения художественного пространства в автобиографической прозе К. Петрова-Водкина («Хлыновск», «Пространство Эвклида») 62

РАЗДЕЛ II. Поэтика Ф. М. Достоевского

Макаричев Ф. В. Функция иронии в романах Ф. М. Достоевского 71

Макаричева Н. А. Гендерологические искания Ф. М. Достоевского в повестях «Дядюшкин Сон» и «Село Степанчиково и его обитатели» 79

РАЗДЕЛ III. Филология и междисциплинарные связи

Вальчак Д. Конфискация и уничтожение икон как элемент государственных репрессий по отношению к старообрядцам (на материале рассказа Н. С. Лескова «Запечатленный ангел» и романа П. И. Мельникова-Печерского «В лесах») 90

Гараева Л. А., Зайцева Т. Б. Аватар читателя городской библиотеки 102

Ваганова М. Ю. Технологический процесс саморазвития студентов на основе осознания и преодоления трудностей чтения 119

РАЗДЕЛ IV. Лингвистика. Методика преподавания иностранных языков. Перевод и переводоведение

Калинина М. В. Лингвоцинизмы и нарушение этико-речевых норм в современной коммуникации 126

Харитонова С. В. Анализ перевода рекламных слоганов продукции компаний мобильных телефонов 134

Царан А. А. Личностно-ориентированные технологии обучения английскому языку с применением методик НЛП 147

АВТОРАМ 155

CONTENTS

Part I. National Model of the World in Literature

Kashirina V. V., Nikolsky E. V. The Evolution of the Artistic Canon in Hagiography of the Martyrs (on the Example of the Life of New Martyr Alexander Nikolsky) 11

Nikolsky E. V. Sacralisation of the National Principle in the Works of Russian Poets of the Conservative Direction 33

Bedrikova M. L. K. Petrov-Vodkin's Autobiographic Prose («Hlynovsk», «Euclid's Space»): Specifics of Representation of the Art Space 62

Part II. Problems of Dostoevsky's Poetics

Makarichev F. V. F. M. Dostoevsky's Novels: Function of Irony 71

Makaricheva N. A. Novels "Uncle's Dream" and "The Village of Stepanchikovo": F. M. Dostoyevsky's Genderological Quest 79

Part III. Philology and Interdisciplinary Connections

Walczak D. Confiscation and Destruction of Icons as Elements of Government Repressions Against Old Believers on the Basis of Nikolai Leskov's Story "The Sealed Angel" and Pavel Melnikov-Pechecky's Novel "In The Forests" 90

Garaeva L. A., Zaitseva T. B. Urban Library: a Reader Avatar 102

Vaganova M. Yu. The Process of Self-Development of Students on the Basis of Awareness and Overcoming the Difficulties of Reading 119

Part IV. Linguistics. The Methodology of Teaching Foreign Languages. Translation and Translation Studies

Kalinina M. V. Modern Communication: Linguocinism and Violation
of the Ethic-Linguistic Norms 126

Kharitonova S. V. Analysis of the Translation of Advertising Slogans
of Products of the Companies of Mobile Phones 134

Tsaran A. A. Personality-Oriented Technologies of Teaching
the English Language Using NLP Techniques 147

TO AUTHORS 155

РАЗДЕЛ I. НАЦИОНАЛЬНАЯ МОДЕЛЬ МИРА В ЛИТЕРАТУРЕ

ББК 83.3(2Рос=Рус) + 86.372
УДК 821.161.1; 23/28

В. В. Каширина¹

Российская академия живописи, ваяния и зодчества

Ильи Глазунова (Москва)

v_kashirina@mail.ru

Е. В. Никольский²,

Карпатский университет имени Августина Волошина

eugenius-09@ukr.net

ЭВОЛЮЦИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОГО КАНОНА В АГИОГРАФИИ МУЧЕНИКОВ (НА ПРИМЕРЕ ЖИТИЯ НОВОМУЧЕНИКА АЛЕКСАНДРА НИКОЛЬСКОГО)

В статье, посвященной анализу формирования и эволюции агиографического канона, рассматривается житие новомученика протоиерея Александра Никольского (1879–1938), чьи потомки проживали в г. Магнитогорске. Представлено краткое житие новопрославленного святого, составленное правнуком о. Александра, д.ф.н. Е.В. Никольским, проанализирована его кандидатская диссертация «Процесс духовного христианского совершенствования по изображению епископа Феофана», написанная в 1911 г. в Московской духовной академии и получившая положительные рецензии ректора Академии, епископа Волоколамского, vicария Московской епархии Феодора (Поздеевского) и инспектора Академии, профессора Александра Павловича Шостыина.

Выявлены основные особенности современного агиографического канона жития новомученика Александра

¹ Каширина Варвара Викторовна – доктор филологических наук, профессор кафедры Основ гражданственности Российской академии живописи, ваяния и зодчества Ильи Глазунова (Москва), член Научно-издательского совета по изданию Полного собрания творения святителя Феофана, Затворника Вышенского, г. Москва, Россия

² Никольский Евгений Владимирович, доктор филологических наук (Dr.hab), профессор, доктор богословия, магистр религиоведения, эксперт Научно-издательского совета по изданию Полного собрания творения святителя Феофана, Затворника Вышенского, Карпатский университет имени Августина Волошина, г. Ужгород, Украина

Никольского: документализм, широкое использование воспоминаний потомков. Интимность повествованию придают личностные характеристики новомученика и лирические отступления автора. Сравнение житий нового времени с житийным канонem, а также исследование агиографии XIX–XX вв. позволяют выявить такую тенденцию ее развития, как размывание форм и границ жанра. С выпадением жития из богослужения Православной Церкви оно стало во многом подчиняться общим закономерностям литературного процесса. При этом крайне существенно, что вся литература нового времени развивается в направлении все большей секуляризации, что определяет и возрастающую секуляризацию агиографии. Традиционное нравственно-назидательное понимание агиографического произведения сейчас отходит на второй план, что приводит к значительному усилению психологизма в житии.

В настоящее время жития новомучеников не изучены как объект и словесного искусства и как жанр, стоящий на грани художественной и документальной литературы, что обуславливает актуальность обращения к данной теме.

Ключевые слова: агиографический канон, документальная проза, житийный жанр, новомученики, канонизация, протоиерей Александр Никольский (1879–1938), биография.

Формирование и эволюция агиографического канона. Житие – это словесная икона святого, его идеальный образ. Житие отличается от биографии, как икона от портрета, как проповедь от лекции, что обусловлено его изначальной тесной связью с богослужением.

Подобно иконе, житие пишется по канону, то есть по определенным правилам. Житийный канон, как и канон иконописный, сложился в Церкви не сразу. В первые века христианства агиографические сочинения отличались значительным разнообразием. И лишь со временем в христианской письменности для описания подвига святого сложились определенные литературные формы. Выработка принципов составления канонического жития в значительной степени связана с именем св. Симеона Метафраста (X век). Именно в его капитальном агиографическом своде были отработаны правила написания жития с точки зрения его структуры, содержания, стиля. Считается, что житийный канон более или менее окончательно сложился к XII в. В соответствии с его требованиями написана основная часть древнерусских житий [3; 4].

Агиографический канон предполагает определенную композицию жития: повествование о жизни святого как бы обрамляется введением и послесловием агиографа. Во введении автор, как правило, говорит о своем достоинстве, испрашивает помощи Божией в изображении подвига святого, приводит параллели из Священной истории, подтверждая их многочисленными библейскими цитатами. Иногда вступление сокращается до признания автором своей греховности и недостойнства.

Существуют житийные каноны для каждого лика святых. И это не случайно. Единообразие житийного описания обусловлено не литературными жанровыми особенностями, а самой жизнью, имеет своим источником единообразие подвига. Зная, к какому лику (мученическому, святительскому, преподобническому) принадлежит подвижник, мы можем предугадать и в общих чертах представить его путь к святости, его подвиг. Канонизация формы и содержания жития нисколько не стесняет авторскую индивидуальность и творчество агиографа. *Канон в средневековой литературе ни в коей мере не являлся аналогом штампа*, поскольку свобода творчества не мыслилась вне определенных рамок, вне типических черт и нравственных схем, определяемых представлениями о христианском идеале [7; 8].

Важно понять, что каноническое житие изображает человека в его святости, поэтому оно, как правило, не говорит о грехах и ошибках подвижника, подобно тому, как на иконе святой изображается в своем «итоговом» (преображенном, прославленном, бесстрастном) состоянии, которое явилось плодом его жизненного подвига. А тернистый путь этого подвига с неизбежными для каждого человека согрешениями в иконе остается как бы «за кадром». Приблизительно то же самое мы видим и в житиях. В византийской и древнерусской агиографии святой представлен изначально безгрешным, с детства преуспевающим только в добродетелях. Его естественные немощи и грехи не упомянуты, поскольку они не являются предметом нашего назидания (образцом для подражания) и причиной нашего молитвенного обращения к святому, – ведь мы молимся ему как сосуду Святого Духа, предстателю перед Богом, достигшему вершин добродетели.

Но из этого правила есть исключения. О грехах святого канон позволяет говорить при описании его жизни до обращения в христианство или до вступления на путь подвижничества, чтобы тем самым еще более оттенить его добродетели после обращения, чтобы показать, что на вершины святости можно подняться даже

из самых глубин порока. Примерами этому могут послужить достаточно подробные описания греховной жизни прп. Марии Египетской и мч. Вонифатия до их обращения ко Христу. В житии могут описываться искушения святого, его немощи, сомнение в своих силах, уныние, даже падения и после его обращения. Но делается это исключительно с назидательной целью, чтобы показать, почему подвижник пал и как он восстал от своего падения [1; 2].

Итак, житие не ставит своей целью исчерпывающе пересказать биографию, как икона не стремится передать абсолютное портретное сходство. У него, как и у иконы, совершенно другая задача. ***Житие рисует духовный портрет святого, рассказывает о его пути к святости, о типе его подвига.***

По поводу достоверности житий хочется сказать и следующее. Трудно предположить, что агиограф сознательно вводил своих читателей в заблуждение, сознательно приводил ложные сведения о святом. Другое дело, что не всегда есть возможность досконально проверить все известные факты. Любой историк, в том числе и агиограф, может ошибиться.

Агиографический канон, определяющий содержание и форму житийного произведения, практически оставался неизменными до XIX века, до прихода в русскую словесность новых литературных норм. Конечно, не только это, но и религиозное состояние русского общества в целом привело к тому, что содержание, сущность жития и его место в культурном контексте подверглось значительным изменениям. Житие сблизилось с биографическими и историческими произведениями того времени. Изображение духовного облика святого стало уступать место описанию внешних фактов его биографии. Повествование жития разворачивалось уже не в плане вечности, а в рамках земной истории. Кроме того, с изменением языка, на котором пишется житие, ослабла его связь с богослужением, по-прежнему использующим только церковнославянский язык. Выйдя из круга православного богослужения, утратив священный язык, житие и само перестало быть частью священнодействия, приблизилось к разряду собственно литературных произведений.

На форму и содержание жития не могло не оказать влияния малое число канонизаций с XVIII в. до революции и фактически полное их отсутствие в советское время, до тысячелетия Крещения Руси. Поэтому жития, написанные в XX в., характеризуются значительной неоднородностью. Возможные принципы правильного составления житий современных подвижников сейчас еще только начинают

осознаваться. Среди авторов житий нет единства в понимании своих целей и задач, в выборе литературных средств.

Тем не менее, просматриваются некоторые общие тенденции, свойственные большинству современных агиографических произведений. В первую очередь, – это *тенденция к беллетризации жития*, стремление сделать жанр более художественным, тем самым облегчив его восприятие для читателя. Авторы, сохраняя точность в передаче исторических событий, описывают их в достаточно яркой, иногда чисто художественной манере. Живость литературных образов, динамика развития событий создают значительный контраст с историческим житием XIX в. В то же время эти особенности в некоторой степени сближают современное житие с образцами древнерусской литературы. Но разница между древнерусским и современным подходом к написанию жития, конечно, есть. Древнерусский книжник руководствовался нормами житийного канона, а современный писатель – своим пониманием литературных задач этого жанра и, во многом, нормами современной светской литературы. В то же время многие агиографы отказываются от собственного комментария к излагаемым фактам, от явно выраженного авторского отношения к происходящему, стремятся донести до читателя (практически документально) голос самого подвижника, не внося в его звучание своих собственных комментариев.

Несмотря на то, что в последние десятилетия наблюдается активизация агиографического творчества, возвращения этого жанра к его древнерусским истокам не происходит, и многочисленные новые жития отходят от канона все дальше и дальше.

Сравнение житий нового времени с житийным канонам, а также исследование агиографии XIX–XX вв. позволяют выявить такую тенденцию ее развития, как размывание форм и границ жанра. С выпадением жития из богослужения Православной Церкви оно стало во многом подчиняться общим закономерностям литературного процесса. При этом крайне существенно, что вся литература нового времени развивается в направлении все большей секуляризации, что, таким образом, определяет и возрастающую секуляризацию агиографии. И традиционное нравственно-назидательное понимание агиографического произведения сейчас отходит на второй план. Это приводит к значительному усилению психологизма в житии. В нем теперь изображается не столько идеальный облик святого, сколько просто конкретная личность, обычный человек, стремящийся ко спасению и достигающий его тяжелым путем искушений и ошибок.

Житие становится более драматичным, полным сложных коллизий, лишенным абсолютной однозначности, как и сама современная жизнь.

Именно такие тенденции мы наблюдаем и в описании новомучеников XX в. С этим типов житий дело обстоит проще, чем с сакрализованными биографиями иерархов и аскетов. В христианской Церкви только пострадавшие за Христа и веру христианскую удостоиваются мученического венца. Все другие страдания – за своих любимых и близких, за родину и соотечественников, за великие идеи и идеалы, за научные истины, какими бы ни были они высокими, к святости отношения не имеют. Особо отметим, что мученичество есть высшее свидетельство об истине веры. Оно означает свидетельство до смерти. Мученик свидетельствует о Христе умершем и воскресшем, с Которым он соединен любовью. Он свидетельствует об истине веры и христианского учения. Он принимает насильственную смерть. Церковь с самым бережным вниманием хранит воспоминания о тех, кто отдал свою жизнь, чтобы свидетельствовать о своей вере. Деяния мучеников составляют свидетельства Истины, написанные кровью [9].

Ведь знаком истинности христианской любви, постоянным, но особенно красноречивым в наши дни, является память о мучениках. Их свидетельство не должно быть забыто. Церковь первого тысячелетия родилась из крови мучеников: «Sanguis martirum – semen christianorum» («кровь мучеников – семя христиан»).

Для канонизации мученика необходимо доказать два обстоятельства: убийство христианина по религиозным мотивам и наличие страшного выбора: верность Христу (или Его заповедям) или смерть. Если человек выбирал второе, то он становился мучеником. Основным источником для современных мартирологов стали архивные материалы и свидетельства лиц, знавших того или иного новомученика лично.

В дальнейшей части статьи мы поделимся собственным опытом по составлению жития новомученика на примере жизнеописания протоиерея Александра Матвеевича Никольского (1879–1938) в соотношении с документальными материалами.

Автор жития – правнук отца Александра – доктор филологических наук Евгений Владимирович Никольский обратился к изучению духовного наследия святителя Феофана Затворника Вышенского; данный проект был реализован в Издательском Совете РПЦ МП. В ходе исследования феофановедческих материалов была обнаружена кандидатская диссертация о. Александра Никольского «Процесс духовного христианского совершенствования по изображению епископа Феофана» [6], в которой с необыкновенной

ясностью и глубиной рассматриваются вопросы нравственного богословия. В 2010 г. (то есть через 100 лет после того, как о. Александр приступил к написанию своей диссертации о Феофане Затворнике) Евгений Владимирович стал экспертом Научно-редакционного совета по изданию творений святителя Феофана, Затворника Вышенского, приняв участие в значительном издательском проекте Русской Православной Церкви. Хорошо зная украинский язык, Евгений Владимирович много работал в архивах Киева и других городов Украины и России и внес значительный вклад в подготовку издания.

Отец Александр написал свою работу о святителе Феофане в 1911 г., когда еще не состоялось официального прославления Вышенского подвижника, но когда Феофан Затворник являлся признанным авторитетным богословом и церковным писателем.

Тот факт, что два поколения в одной семье посвятили свои научные изыскания виднейшему богослову и духовному писателю XIX в., не является простым совпадением. В этом чувствуется несомненная воля Божия и небесное благословение святителя. Правнуку отца Александра, продолжающему изучать духовное наследие святителя Феофана, своими трудами также хотелось бы послужить людям, и, публикуя настоящее исследование, воздать дань благодарной памяти своему предку.

Жизнеописание священномученика Александра Никольского.

О ранних годах жизни отца Александра известно немного. Александр Матвеевич Никольский родился 1 августа 1879 г. в селе Золотарево Мценского уезда Орловской губернии в семье потомственного священника Матвея Вениаминовича Никольского, бывшего духовником семьи Нилусов и крестившего их сына Сережу, будущего известного церковного писателя. Интересно отметить, что двоюродный дед отца Александра, протоиерей Самуил Федорович Никольский, преподавал в Орловской семинарии. Мать будущего богослова, украинка Людмила, происходила также из духовного сословия. В доме царили мир и любовь. Родители мальчика были примерными семьянинами, отличались добропорядочностью, трудолюбием, долготерпением, отзывчивостью ко всему живому. В их семье любили животных – лошадей, кошек, так исподволь супруги прививали Александру любовь к Божиему творению.

Матушка Людмила обладала редкой добротой, глубокой набожностью и старалась с детства приучить сына к искренней молитве, приводя в пример слова Иоанна Златоуста о том, что душа без молитвенного обращения к Богу мертва и бездыханна. На благодатную почву упало зернышко материнского слова. Александр

от всей души радовался Божественной красоте окружающего мира, прославляя Творца, создавшего весь видимый мир.

Александр Никольский окончил Орловское духовное училище, затем Орловскую семинарию. Уже в студенческие годы он был талантливым проповедником, не раз получая поощрения от церковного начальства. Однокурсники относились к нему с любовью и почтением. Будучи человеком глубоким, собранным и серьезным, Александр Матвеевич вместе с тем был общительным и внимательным к людям. В свободное от богослужения и учебы время он любил совершать дальние прогулки в одиночестве, любясь красотой родной земли и благодарил Творца. Любил он и голубей, порою надолго уединялся в голубятне, заботился о птицах, понимал он и лошадей, которые по-своему чувствовали его любовь и доброту.

После окончания Орловской семинарии Александр Матвеевич женился на польской дворянке Софье Александровне Санютыч-Курочицкой, представительнице древнего, но обедневшего рода, восходившего к тверским Рюриковичам и королю Владиславу-Ягайле. История их любви примечательна. Молодой семинарист был приглашен в усадьбу, чтобы давать уроки младшей дочери ясновельможного пана. На благочестивого юношу обратила внимание хозяйка имения Мария Иосифовна Курочицкая (урожденная фон Фризель), женщина богобоязненная, любившая богословские беседы. А ее дочь София в ту пору блистала в петербургском свете, дружила с Матильдой Феликсовной Кшесинской, в особняке которой танцевала с Великим князем Кириллом Владимировичем. Вернувшись из столицы, София познакомилась с Александром Матвеевичем и полюбила его. Однако она прекрасно понимала, что брак будет неравнородным, что отец из-за кастовых предрассудков не примет ее выбора. Она решила посоветоваться со своей подругой, имевшей связи при дворе. Матильда Кшесинская внимательно выслушала Софью и твердо сказала, что «титул дело наживное, а любовь – либо есть, либо нет». Вскоре влюбленные тайно покинули усадьбу и обвенчались. Позже они примирились с отцом невесты, который принял ее выбор.

В 1906 г. от руки владыки Серафима (Чичагова), епископа Орловского и Севского, Александр Матвеевич Никольский принял священническую хиротонию. Отец Александр служил сначала в селе Золоторево, а потом был переведен в село Гремяче под Карачевым, в той же Орловской губернии. В 1907–1911 гг. он проходил обучение в Московской духовной академии в Сергиевом Посаде, где написал исследование об аскетике «Процесс духовного христианского

совершенствования в освещении святителя Феофана Затворника», за которое получил степень кандидата богословия.

После окончания академии отец Александр преподавал в Карачевском духовном училище, окормлял не только простой народ, но и склонную к вольнодумству интеллигенцию. Последнее было непростым делом; однако, в отличие от других пастырей того времени, отец Александр находил с ними общий язык. А. М. Никольский хорошо играл на гитаре, знал не только церковные канты, благочестивое наследие культуры XVIII столетия, но и романсы, народные песни и очень изящно их исполнял. Он мог выпить бокал вина, сыграть партию в шахматы. Представители земства его так и называли «светский батюшка». При этом его влияние было очень ярким: люди становились ближе Богу и церкви.

В 1917 г. новое правительство постановило отделить Церковь от государства. Из-за болезней детей и необходимости ухода за престарелой тещей Марией Иосифовной фон Фризель-Куроцицкой (+ 1918), зверски избитой во время большевизского погрома ее усадьбы, семья не смогла выехать за границу. Двоюродный брат матушки, пан Михал Саютыч-Куручицкий, поехал в 1919 году на разведку в Варшаву, но был арестован при попытке пересечения советско-польской границы и расстрелян.

Тогда начался период исповедничества для священника и его семьи, оставшейся в СССР. Духовное училище было закрыто, и отец Александр всецело посвятил себя пастырской работе и молитве. Церковные таинства стали совершаться скрытно: за крещение или венчание люди подвергались не только оскорблениям и понуканиям, – их увольняли с работы, они становились объектом репрессий. Семья новыми властями стала именоваться «ячейкой общества», а не союзом свыше, школы сделались тоже государственными, где больше не преподавали Закон Божий. До сих пор мы пожинаем горькие плоды такого отношения советского государства к Церкви, ведь познание Истины может дать только изучение Священных книг, а духовное развитие – заботливый батюшка. Что говорить, если даже новогоднюю елку вскоре объявили «порождением поповщины» и запретили!

К 1919 г. власть большевиков окрепла, и преследования священнослужителей усилились. Под маской обличения «тунеядцев» и «обманщиков» народа новая власть начала открытый террор по отношению к христианам. Это время стало началом беспрецедентных гонений на Церковь. Публично устраивались «обличительные» диспуты между священниками и «идеологами нового времени», имевшие целью опорочить учение Церкви и пригвоздить к «позорному столбу всех попов»; под улюлюканье толпы

сбрасывались колокола; начались аресты верующих; кого-то насильно выдворяли из страны.

Широко развернувшаяся идеологическая борьба против Православной Церкви достигла своей цели. Вздурораженная толпа в предвкушении благ, которые обещала новая, «народная» власть, под видом восстановления социальной справедливости грабила дома священников, нередко посягая на жизнь священнослужителей и членов их семей, крушила иконостасы, выламывая священные лики из серебряных и золотых окладов. Осквернялись монастыри, уничтожались церковные книги. Тяжелые свинцовые тучи большевистских погромов, казалось, навсегда сокрыли чистое небо над золотыми куполами церквей.

Эти тяжелые времена застали семью Никольских в селе Гремячее. Из просторного дома их переселили в ветхую лачугу, выкинули шкафы с книгами и подшивками светских и духовных журналов, которые собирались десятилетиями.

Отец Александр не покинул свой приход, несмотря на претерпеваемые бедствия, делал духовное дело, – дело всей жизни. В нем пылал дар Духа, помогающий вынести гораздо больше, чем может вытерпеть человек. Опьяненные легкой наживой, прикрываясь благородными целями, под видом помощи голодающим, представители новой власти искали у священника золото и драгоценности. Семью лишили гражданских прав – подростки Александр и Евгений были отчислены из Ленинградского университета по причине социального происхождения, Софья Александровна зарабатывала на жизнь шитьем.

В это время активизировалась деятельность обновленцев и иных церковных группировок. Отец Александр всегда поддерживал Святейшего Патриарха Тихона, от которого в 1925 г. получил наперсный крест и сан протоиерея.

Всю свою последующую жизнь отец Александр служил в Карачевском районе Брянской области, в селах Гремячево и Речицы. Обладая даром проповедника, разъяснял Священное Писание, стараясь передать всю глубину Божественного учения, учил жить по заповедям Христовым. Он не только поучал и наставлял в православной вере своих прихожан, занимался нравственным воспитанием молодежи, утверждением православных и христианских установлений, но давал практические советы по житейским вопросам, помогал в приобретении предметов первой необходимости, лечил прихожан, покупал для них медикаменты. Со всей полнотой любящего сердца отец Александр жил со своими пасомыми, отчески заботясь об их благе

и спасении. Люди ценили батюшку за беззаветное служение Господу и за необыкновенную доброту. Он всегда был готов прийти на помощь. Очень часто, приходя на требы в дом в бедную семью, не только не брал у них никаких денег, но отдавал им все деньги, какие у него были при себе, все, до последней копейки. Любой человек в любое время мог прийти к нему со своими проблемами, своей болью, и получить добрый совет и утешение. Никому и ни в какой просьбе отец Александр не отказывал, всех принимал с любовью и участием.

Новые власти предлагали отцу Александру отказаться от сана. Некоторые его знакомые священники так и поступали, устраиваясь потом довольно неплохо: кто становился учителем, кто счетоводом. Но о. Александр ни о чем подобном даже думать не мог. Он прекрасно понимал, что его ожидает и сознательно шел по пути исповедничества.

30 сентября 1937 г. отец Александр был арестован. На 29 сентября приходится память святой Людмилы, в честь которой была названа младшая дочь отца Александра, а 30 сентября – в день памяти Веры, Надежды и Любви и матери их Софии – были именины у матушки. В семье Никольских оба празднование совмещали.

Днем, когда семья сидела за праздничным столом, к дому Никольских подкатил черный воронок. Чекисты ворвались в комнату. Мать и дочь были перепуганы, девочка заплакала. Но батюшка и в такой ситуации сумел ее утешить: «Вот, Люся, посмотри, какая машинка за мной приехала, а я еще никогда на таких не катался», – и вышел на улицу.

На следующий день Софья Александровна почла в местное ЧК с передачей для супруга. Но ее встретили с матерной бранью: «Тебя, дворяночку, тоже приберем и кокнуем, как твоего попа, со всеми твоими вырожденками..., катись, антисоветская мразь, пока еще цела». За месяц до ареста о. Александр, предчувствуя свою участь, сказал жене: «Если со мной что-то случится, уезжай в Сибирь и спасай детей». Софья Александровна исполнила его волю.

Отца Александра осудили по второму пункту 58-й статьи за антисоветскую агитацию. В Информационном центре ФСБ РФ по Орловской области сохранилось архивное дело, из которого можно узнать, как вел себя отец Александр на допросах.

– Обвиняемый Никольский, следствие располагает данными о том, что вы среди населения и верующих проводили антисоветскую агитацию, направленную против мероприятий советской власти. Вы признаете это? – спрашивал следователь.

– Нет, этого я не признаю.

– Вы показываете неправду. Следствию известно о том, что вы летом 1937 года агитировали против новой конституции, распространяя о ней клевету.

– Нет, этого я также не признаю.

– Вы опять показываете неправду. В июне 1937 года вы распространяли клевету о колхозах, о якобы плохой жизни в колхозах.

– Этого я также не признаю.

– Вы лжете, в октябре 1937 года вы высказывали контрреволюционные террористические настроения по адресу руководителей партии и советского правительства. Требуем прекратить заипирательства и дать правдивые показания.

– Повторяю, контрреволюционных террористических настроений я нигде не высказывал.

– Вы также обвиняетесь в том, что высказывали гнусную клевету по адресу советского правительства и советских законов.

– Никакой клеветы по адресу законов и советского правительства я не высказывал.

К делу привлекли и так называемого «свидетеля», который показал, будто Александр Матвеевич говорил: «Это не советская власть, а изверги, закрыли все церкви, полное гонение на верующих, всех верующих арестовывают ни за что», а также сетовал, что при царе такого не было. Имелся в виду один случай. Отца Александра пригласили в соседнюю деревню напутствовать умирающего. Батюшка попросил в колхозе лошадь. Ему, естественно, отказали, и он по жаре пошел пешком. Потом за чаем рассказал об этом, а «бдительный свидетель» (его имя сохранилось в следственном деле, но разглашать его мы не станем) донес о разговоре в компетентные органы. Отцу Александру припомнили еще и то, что он, несмотря на запреты властей, после закрытия церкви совершал богослужения в сарае, принимал там исповеди, крестил и венчал, что по случаю засухи в 1937 г. устроил крестный ход по полям и прочую «антисоветскую деятельность». Часто допросы продолжались без перерыва в течение нескольких суток, сопровождаясь угрозами и, по-видимому, пытками, и потому неоднократно прерывались. Полгода его мучили, содержали в нечеловеческих условиях, в тесном помещении каземата людей было столько, что можно было только стоять вплотную друг к другу.

Несмотря на истязания, угрозы и показания лжесвидетелей, Александр Матвеевич себя виновным не признал. По обвинительному заключению, объявленному на заседании особой тройки при Управлении НКВД СССР по делу Никольского Александра

Матвеевича по обвинению в контрреволюционной деятельности была назначена высшая мера наказания – расстрел. Приговор был приведен в исполнение в тюрьме города Брянска 16 февраля 1938 г.

Семья отца Александра выжила на Урале в городе Магнитогорске, где она просуществовала почти полвека фактически как семья ссыльных. Софья Александровна скончалась в 1970 г., навсегда сохранив в своем сердце память о своем убиенном супруге. Ее невестка, жена сына Евгения, благочестивая христианка Анна Давыдовна Гранатырь, высланная на Урал с Волыни, почитала о. Александра как мученика и благодарила Бога за брак с его сыном. Она и научила своего внука Евгения, ставшего филологом и богословом, чтить память прадеда и обращаться к нему в молитвах. На Брянщине люди называли отца Александра «святым» еще при жизни, и надолго сохранили в сердце память о добром батюшке. Позднее, почти через 30 лет после его гибели, земляки вспоминали своего родимого батюшку и рассказывали о нем его детям и внукам.

С просьбой рассмотреть вопрос о канонизации отца Александра в лике новомучеников правнук, оказавшийся в эмиграции пятой волны и работавший в Варшавском Университете (Польша), обратился в ближайшую православную организацию (ПЦУ), которая могла бы решить вопрос о канонизации о. Александра. Для этого он приехал на аудиенцию к митрополиту Львовскому и Сокальскому Димитрию (Рудюку), доктору богословия и церковной истории. Просвещенный иерарх, ознакомившись с документами, сказал проф. Е. В. Никольскому, что препятствий к канонизации нет, благословил всю семью и друзей на домашнее почитание убиенного священника и рекомендовал по этому вопросу обратиться в г. Ужгород к епископу Кириллу (Михалюку), главе комиссии по канонизации святых. По благословению епископа Кирилла, разделившего стремления правнука и активно содействовавшего ему, были подготовлены материалы для канонизации, изучив которые, Комиссия вынесла положительное заключение, и назначила дату прославления на 5 декабря 2018 г.

В этот день после литургии в храме Трех Святителей в Ужгородском замке, которую совершил владыка Кирилл в сослужении епископата, а правнук помогал ему в качестве иподиакона, был зачитан акт о прославлении протоиерея Александра Никольского в лике святых. Хор пропел тропарь и кондак новомученику, а когда епископ вышел на амвон из алтаря и благословил народ написанной в закарпатском стиле иконой, на которой был изображен отец Александр, в старинном, покрытом барочными

изразцами замковом окне, заиграло солнце. Солнечный свет стал своего рода знаком того, что небо благословило память убиенного священника. Во время проведения епископ Кирилл отметил, что память протоиерея Александра будет совершаться 16 февраля, в день после Сретения Господня, когда новомученик «отпраздновал Сретения в мрачной советской тюрьме, вознеся на встречу к Господу нашему Иисус Христу, победив своим мученичеством саму смерть». В настоящее время икона о. Александра находится в храме Двенадцати апостолов в Ужгороде и перед нею молятся православные закарпатцы.

***Кандидатская диссертация о. Александра Никольского
«Процесс духовного христианского совершенствования
по изображению епископа Феофана»***

Как стало известно в ходе изучения феофановедческих материалов, дореволюционные работы студентов и магистрантов Академии хранятся в составе рукописного фонда Московской духовной академии (НИОР РГБ. Ф. 172). Среди них – кандидатская работа студента LXVI выпуска о. Александра Матвеевича Никольского «Процесс духовного христианского совершенствования по изображению епископа Феофана» [6], которая является одной из самых ярких студенческих работ, посвященных анализу нравственных вопросов в трудах святителя Феофана.

Процесс духовного совершенствования человека святитель Феофан делит на три стадии: обращение к Богу, очищение или самоисправление, освящение. Следуя этой логике, и диссертант выделяет три основных главы.

В первой главе «Общие богословские воззрения преосвященного Феофана, как основания его взглядов на христианское совершенствование» [6, 15–66] анализируется процесс обращения человека к Богу как начало духовного христианского совершенствования. Основная задача христианина, по мысли святителя Феофана, – это «Богообщение, живой союз с Богом». И поэтому в работе необходимо ответить на вопрос, что надо сделать человеку для приготовления себя для вселения Бога, построения невидимого храма в сердце человека.

Вера, по святителю Феофану, составляет основу и сущность личного момента действительного участия христианина в усвоении ему спасения Христова. В работе автор ставит вопрос: «В чем же выражается и проявляется внутренняя работа самого благодетельствованного человека?» [6, 31–32]. Для христианского совершенствования необходим внутренний подвиг: «...все, что человек предпринимает для своего спасения – действия, упражнения, труды, –

сводится к тому, что он должен предпринять в новой жизни подвиг, притом подвиг должен быть в жизни христианина не случайным явлением...» [6, 33–34], чтобы противостоять врагам спасения: плоти, миру и диаволу. Средства спасения для христианина заключаются в Церкви: иерархия, слово Божие, таинства и обряды [6, 43].

Во второй главе «Начало духовного христианского совершенствования: обращение человека к Богу» [6, 67–97] описан путь восхождения человека по духовной лестнице добродетелей.

Третья глава «Необходимость трудничества или подвига при духовном христианском совершенствовании после обращения» [6, 97–104] содержит три раздела.

В первом разделе третьей главы «Выражение трудничества в положительном делании или самопринуждении / хранении духа ревности и упражнении сил в добре» [6, 105–151] говорится о необходимости ревности в христианской жизни, с которой «должно быть тесно связано терпение, которое, по определению преосвящ. Феофана, имеет две стороны: будучи обращено внутрь, оно есть постоянство в добре, – и в этом отношении не обуславливается ничем внешним, а есть нераздельная и всегдашняя черта доброго настроения. Будучи же обращено ко вне, оно есть сносливость, перенесение всех трудностей, встречаемых на добром пути, или при исполнении созревающих внутри добрых начинаний» [6, 108].

Святитель Феофан выделяет три главные силы души – ум, волю и чувство, поэтому и духовное совершенствование, по мысли А. Никольского, должно быть подразделено на три вида, вести соответственно к образованию ума, воли, сердца и чувства [5, 117].

«Образования ума должно состоять в том, чтобы напечатлеть в нем истины веры так глубоко, чтобы они составляли существенную потребность его духовной природы, без которых он не мог бы обходиться. Упражнения эти следующие: чтение и слушание Слова Божия, отеческих писаний, житий св. отцев, взаимное собеседование и испрошение совета у опытных людей [6, 118]. «Образование воли состоит в напечатлении в ней, путем упражнения в частных добродетелях, – смирения, кротости, терпения, воздержания и пр., – настроения, противоположного главным немощам воли – своеволию, непокорности, нетерпению ига. Общее к тому средство – самоотверженная покорность воли Божией – выражается, с одной стороны, в исполнении по порядку в каждый день, возможных по положению каждого, с другой – в навыке узнавать и исполнять волю Божию во всех случаях жизни...» [6, 120].

«Образование сердца состоит в воспитании в нем вкуса ко всему божественному, духовному, с равнодушием или даже отвращением ко всему другому» [6, 140], однако сам «процесс образования сердца долг и труден. Сочувствие к плотскому, страстному, самоугодному долго еще прорываются из сердца и по обращении, и после опытов трудничества над очищением сердца. На первых порах сочувствие все лежит на стороне прежней страстной жизни; оно только удерживается в пределах силою решимости. Потом начинает являться сочувствие к добру; далее оно уравнивается с противоположным сочувствием к страстному; после берет верх над сим последним; затем, сочувствие к страстному умирает, а, наконец, и все страстное, плотское, самоугодливое становится неприятным, душа начинает мерзить им. Средство или делание, направленное к образованию сердца – все вообще наше священнослужение во всех его видах – и общее, и частное, и домашнее, и церковное, а главным образом – движущийся в нем дух молитвенный» [6, 141].

Во втором разделе третьей главы «Выражение трудничества в отрицательных занятиях – подвиги самопротivления, или борьба со страстями и похотями» [6, 152] дается определение страстей, рассматривается процесс их образования. Святитель Феофан определяет страсти как «худое настроение воли». «Более частное деление страстей – это деление их на телесные и душевные. Источное начало первых – плотоугодие. Виды его: похоть блудная, чревоугодие, сластолюбие, леность, изнеженность, блуждание чувств, говорливость, рассеянность, непоседливость, вольность во всем, смехотворство, празднословие, сонливость, дремание зениц, жажда приятного и всякого рода творения угождая плоти в похоти [6, 158].

Душевные страсти отец А. М. Никольский вслед за святителем Феофаном подразделяет на три части:

а) в умственной части – своеумие, вера в свой только ум, прекословие, восстание на ум Божий, сомнение, дмение и кичение, пытливость, расхищение ума, блуждание помыслов;

б) в части желательной – своеволие, непокоривость, властолюбие, жестокость, предприимчивость, самонадеянность, себе присвоение, неблагодарность, любообладание, лихоимание;

в) в части чувствующей – потрясающий покой и мир сердца страсти, или разного рода приятности и неприятности: гнев, зависть, ненависть, злоба, месть, осуждение, презорство, славолюбие, тщеславие, тоска, печаль, скорби, уныние, радости, веселости, страхи, надежды, ожидания [6, 159].

В третьем разделе третьей главы «Телесные подвиги и порядок внешней жизни у обратившегося к Богу по духу жизни новой» автор утверждает, что «не только духовная сторона подвижника, но и его телесная природа должна принимать непосредственное, активное участие в подвиге христианского совершенствования, так как последняя есть приемник созревающего в душе» [6, 181]. Средства к стеснению плоти – пост, бодрствование, труд и нравственная чистота [6, 182].

Четвертая глава «Предел духовного христианского совершенствования в достижении бесстрастия. Живое Богообщение, как следствие бесстрастия, или чистоты сердца подвижника» [6, 207] посвящена изложению третьей степени христианской жизни – это указание предела духовного христианского совершенствования, которое выражается в бесстрастии, следствием или плодом которого бывает живое Богообщение – цель всех трудов и подвигов христианина.

В Заключении дана характеристика святителя Феофана как прекословие, восстание на ум Божий, сомнение, дмение и кичение богослова-нравоучителя, указано на значение его трудов для нравственного и аскетического богословия, и христианской психологии.

Как отмечает А. Никольский, «имя преосвящ. Феофана тесно связано с именем науки православно-христианского нравоучения. В каждом труде по нравственному богословию можно найти на видном месте его имя, выдержки из его сочинений, а в некоторых трудах целые отделы излагаются по его сочинениям» [6, 230] и пишет об особенностях духовного наследия Феофана Затворника: «Что касается впечатлений, вынесенных нами из всех сочинений преосвященного Феофана, – это назидательность, искренность, теплота и задушевность. Более всего, кажется, и сам преосвященный заботился об этих качествах своих писаний: «Как дорого умягчить сердце! – восклицает он. – Оно одно заменяет все правила и все руководства. Умягчите свое сердце и сокрушите его, и оно тогда само научить вас всему» [6, 289].

В «Журнале собраний Совета Московской духовной академии» в «Богословском вестнике» за 1912 год [7, 286–291] были опубликованы два отзыва на кандидатское сочинение о. Александра Никольского:

1) Ректора Московской духовной академии, епископа Волоколамского, викария Московской епархии Феодора (Поздеевского);

2) Инспектора Академии, профессора Александра Павловича Шостыгина (1862–1916).

Владыка Феодор, высказывая ряд справедливых замечаний, отмечал высокий уровень сочинения, где содержался «первый опыт систематизации аскетических взглядов нашего выдающегося отечественного подвижника-святителя» [7, 289].

Положительные отзывы заслуженных оппонентов, актуальность темы и глубина ее раскрытия свидетельствуют о незаурядном богословском и личностном таланте отца Александра, ставя его исследование в ряду важнейших по Феофановской тематике.

Краткие выводы. Особенности современного агиографического канона в житии новомученика Александра Никольского

Составление жития протоиерея Александра происходило в несколько этапов. Первым делом стал анализ родовых преданий. У выживших в ссылке детей священника, его сына Евгения и дочери Людмилы, автор жития (правнук новомученика) узнал детали жизни их отца. Из всего материала нужно было выбрать ключевые моменты жизни отца Александра. Начало жития вполне традиционно: автор пишет о благочестии и духовных традициях семьи будущего святого. Следующим моментом стало обращение в архив ФСБ РФ, автору прислали выписку из дела. Но на этом поиски не закончились. Затем наступило тяжелое для правнука ознакомление с полной версией расстрельного дела, которое удалось получить с очень большим трудом. Из него выделены были два момента:

1) у Александра Матвеевича Никольского был выбор. Ему неоднократно предлагали отказаться от пастырского служения и делали соответствующие предупреждения.

2) Арест, суд и последующее расстрел были осуществлены во время гонения на христианство в Советском Союзе, то есть смерть произошла по религиозным мотивам.

Документальный материал автором жития был творчески переработан в соответствии с канонem. Но принципиального расхождения между документами и житийной схемой не наблюдалось. Точнее было бы сказать, что документы просто укладывались в традиционные рамки агиографического канона. Более того, они подтверждали духовный подвиг о. Александра.

Именно документальные материалы стали теми красками, которыми были нарисована словесная икона новомученика. При работе произошла и документация семейных преданий. Однако при написании жития необходимо было решить вопрос о соотношении старой схемы канона и новой тенденции к беллетризации.

Для современного читателя византийская матрица не может работать. Поэтому в житии подробно освещается судьба матушки, польской дворянки Софьи Александровны Санютыч-Курочичкой и ее придворных связей. Эта история показала, что ради любви будущий новомученик был готов идти на испытания, что подчеркивало человечность будущего святого.

Таким образом, автор жития в целом следует агиографическим канонам, но сознательно допускает некоторые исключения из правила, что проявилось, например, в описании обстановки в семье будущего мученика, в анализе его кандидатской диссертации, в рассказе о том, как его семья выжила на Урале.

Житие завершается кратким повествованием о канонизации о. Александра, историей ее подготовки и описании самой церемонии. Этот рассказ сопровождается лирическими авторскими отступлениями, повествующими о встречах с иерархами, их дружеском участии в прославлении. Житие дополнено пейзажными зарисовками. Например, как особое небесное знамение, рассматривается появление солнечного света в самый момент канонизации. Данные факты включены в житие для того, чтобы создать «времен связующую нить» и проиллюстрировать то богословское положение, что решение о канонизации – это дело Церкви, а не только желание потомка почтить память предка.

В настоящее время жития новомучеников не изучены как объект и словесного искусства и как жанр, стоящий на грани художественной и документальной литературы. Во-первых, еще предстоит построить их типологии посмотреть на какие аспекты из жизни того или иного подвижника акцентируется внимание, что становится основой для их внедрения в житийный текст, а какие моменты опускаются и почему. Какова роль тех или иных, а также документальных материалов в общей архитектонике жития того ли иного новомученика.

Второй момент, на который хотелось бы обратить внимание, – это сопоставление конфессиональных традиций при составлении житий новомучеников. Например, в Московском патриархате и в Киевском патриархате, а также у греко-католиков наблюдаются некоторые отличия в составлении житий. В греко-католических житиях зачастую речь идет не только о страданиях святого, сколько о всей его жизни предшествующих периодов, причем довольно подробно. В описаниях православных новомучеников XX в. говорится больше об их страданиях. Современному читателю, даже глубоко верующему христианину, важно понимать не только то, как человек пожертвовал собой ради высших истин, но как он жил до периода испытаний. Таковые основные наблюдения о современных житиях, которыми мы хотели бы поделиться с благосклонными читателями.

Литература

1. Антонова, М. В. Сюжетные топосы в агиографии. Постановка вопроса / М. В. Антонова // Вестник Брянского государственного университета. – 2013. – № 2. – С. 172–175.
2. Дорофеева, Л. Г. Проблемы изучения русской агиографии / Л. Г. Дорофеева // Слово.ру: Балтийский акцент. – 2017. – № 8 (1). – С. 11–23.
3. Климова, М. Н. К изучению житийной традиции в русской литературе XIX–XX веков / М. Н. Климова // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2009. – № 4. – С. 156–161.
4. Краснова Н. А., Краснов, А. Г. Мотивы жития и агиологических жанровых вариантов / Н. А. Краснова, А. Г. Краснов // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. – 2012. – № 14 (2–3). – С. 740–747.
5. Никольский, А. М., протоиерей. Процесс духовного христианского совершенствования в освящении святителя Феофана Затворника / А. М. Никольский. – М.: URSS, 2017. – 152 с.
6. Никольский, А. М. Процесс духовного христианского совершенствования по изображению епископа Феофана. Рукопись. 1911 / А. М. Никольский // НИОР РГБ. Ф. 172. К. 318. Ед. хр. 9. – 138 с.
7. Отзывы на работу священника Александра Матвеевича Никольского «Процесс духовного христианского совершенствования по изображению епископа Феофана» // Богословский вестник. – 1912. – Т. 1. – Февраль. – С. 286–291.
8. Растягаев, А. В. Проблема художественного канона древнерусской агиографии / А. В. Растягаев // Вестник Самарского государственного университета. – 2006. – № 5–1. – С. 86–92.
9. Юрьева, Т. В. Канонизация святых русской церкви как культурологическая проблема / Т. В. Юрьева // Гуманитарный вектор. Серия: Философия, культурология. – 2015. – № 2 (42). – С. 140–148.

References

1. Antonova, M. V. Syuzhetny`e toposy` v agiografii. Postanovka voprosa [Subject top wasps in the hagiography. question statement] // Vestnik Bryanskogo gosudarstvennogo universiteta [The Bryansk State University Herald]. – 2013. – № 2. – S. 172–175.
2. Dorofeeva, L. G. Problemy` izucheniya russkoj agiografii [Problems of Studying Russian Hagiography] // Slovo.ru: Baltijskij accent [Slovo.ru: the Baltic accent]. – 2017. – № 8 (1). – S. 11–23.

3. Klimova, M. N. K izucheniyu zhitijnoj tradicii v ruskoj literature XIX–XX vekov [On the learning (investigation) of hagiographic tradition in russin literature of XIX-XX centuries] // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta [Tomsk state pedagogical university bulletin]. – 2009. – № 4. – S. 156–161.
4. Krasnova, N. A., Krasnov, A. G. Motivy` zhiitiya i agiologicheskix zhanrov`x variantov [Hagiographcal motives as the main component of hagiography as a genre and this genre subdivisions] // Izvestiya Samarskogo nauchnogo centra Rossijskoj akademii nauk [Izvestiya of the Samara Russian Academy of Sciences scientific center]. – 2012. – № 14 (2–3). – S. 740–747.
5. Nikol'skij, A. M., protoierej. Process duxovnogo xristianskogo sovershenstvovaniya v osveshhenii svyatitelya Feofana Zatvornika. – Moscow: URSS, 2017. – 152 s.
6. Nikol'skij, A. M. Process duxovnogo xristianskogo sovershenstvovaniya po izobrazheniyu episkopa Feofana. Rukopis`. 1911 // NIOR RGB. F. 172. K. 318. Ed. xr. 9. – 138 s.
7. Otzy`vy` na rabotu svyashhennika Aleksandra Matveevicha Nikol'skogo «Process duxovnogo xristianskogo sovershenstvovaniya po izobrazheniyu episkopa Feofana» // Bogoslovskij vestnik. – 1912. – T. 1. – Fevral`. – S. 286–291.
8. Rastyagaev, A. V. Problema xudozhestvennogo kanona drevnerusskoj agiografii // Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2006. – № 5–1. – S. 86–92.
9. Yur`eva, T. V. Kanonizaciya svyaty`x ruskoj cerkvi kak kul`turologicheskaya problema [Canonization of the Russian Church Saints as a Cultural Problem] // Gumanitarny`j vektor. Seriya: Filosofiya, kul`turologiya [Humanitarian Vector]. – 2015. – № 2 (42). – S. 140–148.

THE EVOLUTION OF THE ARTISTIC CANON IN HAGIOGRAPHY
OF THE MARTYRS (ON THE EXAMPLE
OF THE LIFE OF NEW MARTYR ALEXANDER NIKOLSKY)

V. V. Kashirina

Doctor of Philology, Professor of the Department of civics,
member of the scientific and publishing Council for the publication
of the Complete collection of the creation by St. Theophanes,
the Recluse Russian Ilya Glazunovs Academy of painting,
sculpture and architecture (Moscow, Russia)

E. V. Nikolsky

Doctor of Philology (Dr. hab.), Professor, doctor of theology, master of religious studies, expert of the scientific and publishing Council for the publication of the Full collection of the creation by St. Theophanes, the Recluse, Carpathian University named after Augustine Voloshin (Uzhgorod, Ukraine)

Abstract

The article, devoted to the analysis of the formation and evolution of the hagiographic Canon, examines the life of the new Martyr Archpriest Alexander Nikolsky (1879-1938), whose descendants lived in Magnitogorsk. The article presents a brief life of the newly-blessed Saint, compiled by the great-grandson of fr. Alexander, Professor E. V. Nikolsky, who analyzes his spiritual heritage—the candidate's dissertation "The process of spiritual Christian perfection by the image of Bishop Theophanes", written in 1911 in the Moscow theological Academy, which received positive reviews of the rector of the Academy, Bishop of Volokolamsk, vicar of the Moscow diocese Theodore (Pozdeevsky) and inspector of the Academy, Professor Alexander Pavlovich Shostin.

The main features of the modern hagiographic Canon of the life of the new Martyr Alexander Nikolsky are revealed: documentalism, wide use of descendants' memories. The intimacy of the narration is given by the personal characteristics of the new Martyr and the lyrical digressions of the author. A comparison of the lives of the new time with the hagiographic Canon, and a study of hagiography XIX–XX centuries allow to identify the trend of its development, as the blurring of forms and boundaries of the genre. With the loss of life from the worship of the Orthodox Church, it became largely subject to the General laws of the literary process. At the same time, it is extremely important that all the literature of the new time is developing in the direction of increasing secularization, which determines the increasing secularization of hagiography. The traditional moral and edifying understanding of hagiographic works now fades into the background, which leads to a significant increase in psychology in life.

Currently, the lives of the new martyrs are not studied as an object and verbal art and as a genre that stands on the verge of fiction and documentary literature, which determines the relevance of the appeal to this topic.

Keywords: hagiographic Canon, documentary prose, hagiographic genre, new martyrs, canonization, Archpriest Alexander Nikolsky (1879–1938), biography

Поступила в редакцию 09.01.2019

ББК 83.3(2=411.2)

УДК 8; 82.02/.09

Е. В. Никольский¹

*Карпатский университет имени Августина Волошина
eugenius-09@ukr.net*

САКРАЛИЗАЦИЯ НАЦИОНАЛЬНОГО НАЧАЛА В ТВОРЧЕСТВЕ РУССКИХ ПОЭТОВ КОНСЕРВАТИВНОГО НАПРАВЛЕНИЯ

Проблема сакрализации национального начала (выразившееся, в частности, в идее и концепте «Святой Руси») в русской культуре и литературе была и остается очень актуальной. Зачастую она входила в противоречие с христианской доктриной. На тему «Святой Руси» писал Федор Иванович Тютчев. Он воспринимал идею не как утопию, а как реальность. Через «Святую Русь» поэт пытался определить место и роль России в мире. В числе поэтов, развивавших концепцию «Святой Руси» в своем творчестве, можно назвать и Алексея Степановича Хомякова. Он был художником, публицистом, но прежде всего философом, основоположником славянофильства. Его творчество полно философско-религиозных мотивов. В своих произведениях поэт обращается к вопросам правды, веры, любви, молитвы. Хомяков рассматривал идею «Святой Руси» с критических позиций. Его поэзия на популярные уже несколько столетий темы Святой Руси и Третьего Рима – скорее вопль библейского пророка, своеобразная иеремияда, скорбь о грехах «Нового Иерусалима», чем панегирик в честь реальных (зачастую преувеличенных), или мнимых побед, и достижений Российской (или иной) империи. Со строго богословской точки зрения, его поэзия приближается к художественной (ре)презентации христианской доктрины (в чистоте ее догматического разумения); у него речь идет о поклонении Богу (adoratio) и почитании (veneration) народных святынь. Но его глас (вопиющего в социальной пустыне пророка) не был услышан, поэзия оказалась полузабыта. Но медь и триумфы продолжают звучать в неисцеленной суете мира сего.

¹ Никольский Евгений Владимирович, доктор филологических наук (Dr. hab), профессор, доктор богословия, магистр религиоведения, эксперт Научно-издательского совета по изданию Полного собрания творения святителя Феофана, Затворника Вышенского, Карпатский университет имени Августина Волошина, г. Ужгород, Украина

Ключевые слова: христианство vs язычество, святая Русь, Третий Рим, консерватизм, славянофильство, ересь, ортодоксия, романтизм, политическая поэзия, панславизм, польский вопрос, национальная идея

Литература в России всегда была более, чем изящная словесность, зачастую, правда, не всегда удачно она брала на себя пророческие функции, поэт иногда становился больше, чем поэт, то есть брал на себя функции пророка, изыскующего глубинный ход вещей и предлагающего порою футурологическую картину. А иногда литератор в своем ограниченном тщеславии превращался в лжепророка, то есть становился тем лицом, кого Святое Писание советует избегать.

С определенной долей условности проявление как пророческой, так и лже-пророческой интенций можно рассмотреть на примере интерпретации русскими поэтами мифологемы «Святая Русь», в рамках которой развивалась чрезмерная сакрализация национального начала. В этой связи отметим, что словосочетание (а точнее концепт) «Святая Русь», обычно ассоциируется с чем-либо древним, либо даже божественным. Но при этом обычно не рассматривается, как именно оно возникло и чем представлено в сознании современных россиян [28; 31]. Между тем идея «Святой Руси» является древнерусской философской концепцией и имеет продолжительную предысторию [21; 22; 36]. В нескольких своих вариантах – «Светорусская земля», «Светлорусская земля», «Святорусская земля» – она восходит к дохристианским временам, к самым первым и старым «духовным» стихам и былинам¹.

Данная доктрина появилась на Руси в XI–XIII веках и была тесно связана с принятием христианства в 988 году, то есть с выбором нового религиозно-политического направления. Однако многие исследователи считают, что принятие этой идеи оказалось возможным только благодаря менталитету людей мира русского язычества [2, 250]. Концепция «Святой Руси» играет важную роль в культурном самосознании русского народа [1; 27]. На ее основе на протяжении веков рождались не только художественные направления, как, например, духовые стихи, но даже псевдо-богословские и квази-

¹ В современном российском православии это «Святая Русь», более-менее классическая анти-секулярная модерная утопия nation-state, национального государства, одновременно эсхатологическая и ретроспективная, т.е. обращенная к мифическому «золотому веку» в прошлом и будущем. Она идентична аналогичным утопиям религиозных националистов по всему миру, например, "Kingdom of God" латиноамериканских христиан, галактическому или дхармическому обществу соответственно израильских иудеев или шриланкийских буддистов.

политические трактаты, (например, те, в которых оформилась теория «Москва – Третий Рим») [7; 8; 9; 13]. Их суть сводится к тому, что Русь – это последняя страна, в которой сохранилась истинная христианская вера, а русский народ благодаря извечному стремлению к безгрешности, доброте и справедливости является богоизбранным [См: 26].

Сразу же отметим принципиальную вещь: сама формулировка «Святая Русь» крайне странна. Ведь, англичанин говорит «добрая старая Англия», француз – «прекрасная Франция», итальянец – «сладостная Италия», украинец – «милая Украина», поляк – «любимая Польша». А Русь (или Россия) – она не всегда добрая, порой не особо прекрасная, милая или любимая, и уж совсем редко, когда сладостная. Для многих (в том числе и некоторые политиков, забывающих об этикете) она и вовсе «немытая» и «проклятая». Поэтому очень часто, люди, не утратившие трезвого мышления, с иронией или скепсисом говорят о так называемой «Святой Руси» [6].

И это закономерно, ибо «Святая Русь» – оксюморон, совмещение несовместимого. Это слово-кентавр, будучи историософским самоназванием, беспощадно к себе, бескомпромиссно в своей чрезмерности. В формуле «Святая Русь» скрещивается нескрещиваемое: скрещивается святость (то есть свойство Бога) с рускостью (творение, пытающееся повторить известный «подвиг» падшего херувима и стать на один уровень с Творцом). Не какое-то частичное пересечение, но абсолютное совпадение – мысль о том, что якобы земля, на которой обретаются современные россияне, свята сама по себе. Отождествляется и соединяется замирное, надмирное, предмирное, то, что было до всего, до сотворения мироздания и конкретное, имеющее географические и исторические очертания, имеющее этнического носителя, в конце концов.

Выскажемся сразу: здесь мы встречаемся не с христианским миропониманием, а с языческим. Ведь в основе христианства – последовательный христоцентризм, радикальный теоцентризм. Есть понятие о поклонении исключительно Богу (в латинской теологической терминологии св. преп. Фомы Аквинского – *adoratio*) и опосредованное почитание личностей, репрезентирующих Бога, то есть Девы Марии и святых (*veneratio*). Причем почитание святых невозможно без поклонения Святой Троице как Единому Богу. Сами по себе территории в такой контекст не вписываются. Именование Палестины святой землей условно, и оно лишь напоминает нам о наличии общехристианских святынь, посещение которых (в отличие от Мекки и, например, дельфийского оракула, или места рождения Ким Ир Сена для нехристей) не является обязательным для верующих христиан.

А вот при упоминании термина *Святая Русь* начинается поклонение творению, а не Творцу, иными словами, самое банальное язычество в его самом классическом проявлении, только прикрытое, как интимное место у античной статуи, фиговым листком христианской терминологии.

Анализируемый концепт противопоставляет Русь другим странам, особенно католическим, которые якобы отказались от подлинной веры в Иисуса Христа. Мотив «Святой Руси» присутствовал уже в древнерусском творчестве. Герои русских былин и духовных стихов часто боролись за христианскую веру, «свято-русскую» или «светло-русскую» землю, которая была представлена вместе с Константинополем и Иерусалимом как важнейший религиозный центр (без Бога), а сама по себе, в своем псевдо-абсолютном бытии.

Важно заметить, что выражение «Христианская Русь – Новый Израиль» – выступило в «Слове о законе и благодати», которое было написано в XI веке митрополитом Илларионом Киевским. Но само время возникновения идеи «Святой Руси» определить достаточно трудно. Существуют различные мнения ученых, когда она точно появилась в русской политической, общественной и культурной жизни. Например, И. Н. Данилевский [10] утверждает, что возникновение концепции надо отнести к 30-м гг. XI в., Н. С. Трубецкой [28] относит ее к XIII в., В. М. Сторчак доказывает [26], что начало идеи «Святой Руси» связано с концепцией «Москва – Третий Рим», то есть с XVI в. Таким образом, можно увидеть, что из-за разногласий в научной среде вопрос о возникновении концепции «Святой Руси» остается дискуссионным и актуальным.

Важно заметить, что термин «Русь» на протяжении XI-XIII вв. относился к территории, расположенной от верховий Северной Двины на севере и притоков Волги на востоке, до Таманского полуострова на юге и до верховьев Вислы на западе. В состав этого этнокультурного региона, находящегося в Восточной Европе, входили разные княжества, как например Киевское, Смоленское, Полоцкое или Новгородское, а также Галицко-Волынское и Холмское. Однако самое большое значение имела Киевская Русь, которая позже была названа древнерусским государством. Русь являлась стратегической страной с политической и экономической точки зрения. На этой территории находился, так называемый, путь «из варяг в греки», который был водным торговым путем по Днепру и по Волге из Балтийского моря в Византию. Им пользовались варяги, русские и другие торговцы, которые хотели разбогатеть.

Таким образом, Киевская Русь постоянно была в опасности. Русские князья были осведомлены, что чтобы сохранить свое государство надо было присоединиться к какому-то политическому союзу. В это время такую же функцию выполняли религиозные лагерь. Следовательно, в 988 году князь Владимир Святославович решил принять христианство в Константинопольской Церкви. Этот выбор был вызван не только политическими условиями. Русские люди испокон веков стремились к красоте и духовной истине, поэтому этот фактор сыграл большую роль в процессе принятия новой веры. Посланники князя Владимира посетили несколько религиозных центров, чтобы познакомиться с храмами и ритуалами.

Благодаря крещению русские люди начали воспринимать себя как богоизбранный народ, а родную землю стали считать святой. Следует отметить, что раньше понятие «святая земля» относилось только к Израилю и к Ближнему Востоку, то есть к территории, на которой жил и действовал Иисус Христос. Авторы были и духовных стихов сравнивали Киев с библейскими или иными скарализованными городами, например, с Константинополем и Иерусалимом. Важно обратить внимание, что название одной из гор, на которых стоит Киев, – Хоревица, связано с городом Хорив на Синае, на которой Бог явился Моисею и дал ему Десять заповедей. Кроме названия этой горы, в Киевской Руси существовало еще много разных памятников и зданий, которые имеют связь с ранним христианством.

Например, в константинопольском архитектурном стиле были построены одни из самых старых зданий Киевской Руси, то есть собор Святой Софии и Золотые ворота. Исследователи считают, что славянское язычество являлось хорошей почвой для возникновения идеи «Святой Руси». Александр Бедаев утверждает, что «идея святости земли, ее мудрости, как обращенного на себя познания, идея святости как красоты, идея греха, страдания, как средства преображения человека и всей Русской земли, образ света, воспринятый русскими, христианскими книжниками как исключительно «свет умный» и др. – образ языческой Руси» [2]. Со временем концепция «Святой Руси» благодаря интеллектуальным усилиям русских монахов и ученых становилась все более и более конкретной.

В 1237 на территорию Руси вторглись монгольские войска под руководством чингизида Батые. Сначала монголы завоевали Рязань, потом разрушили Москву, Суздаль и Владимир. Борьба русских князей за независимость закончилась в декабре 1240 года, когда монгольская армия уничтожила Киев. Узурпатором удалось завоевать практически все княжества, кроме новгородской земли. Таким образом,

значительная часть территории Восточной Европы вошла в состав монгольского государства – Золотой Орды.

Монголо-татарское иго было политической системой даннической зависимости русских князей от монгольских ханов, которых интересовали, прежде всего, деньги. У князей была большая свобода, они, например, сохранили свои титулы. Характерной чертой монгольского управления была религиозная терпимость. Церкви и монастыри не платили дани, а завоеватели не вмешивались в вопросы веры. Иго длилось более 250 лет. Первым правителем, который свергнул монголо-татарское ярмо, был московский князь Иван III. Ему это удалось в 1480 году. Затем он начал так называемый процесс объединения русской земли (а реально аннексии московскими правителями, ставшими по евразийской доктрине, наследниками Золотой Орды, других княжеств) вокруг их московского княжества.

Среди русской политической и религиозной элиты широко распространена была концепция, согласно которой, конец Византийской империи наступил в результате заключения флорентийской унии (договора Католической и Православной церквей, что пытался закончить раскол, который состоялся в 1054 году) во время Ферраро-Флорентийский собора в 1439 году. Соглашение было принято негативно среди московских православных священников и верующих, оно являлось божественным наказанием из-за подписания соглашения с Римским папой. Русские священники утверждали, что греческое православие отказалось от истинного учения Иисуса Христа и таким образом, Москва должна занять место Константинополя. Духовенство, вступившее в унию, было объявлено еретиками. После распада Золотой Орды в конце XV века исчезла внешняя угроза, а после падения Константинополя, который на протяжении многих веков был источником правовых норм религии и культуры на Руси, московское княжество, которое было единственным независимым православным государством, начало претендовать на роль истинного защитника христианства. Для централизации и укрепления московского государства власть требовала политической силы – идеи, которая была бы краеугольным камнем для княжества и помогла бы объединить русский народ, а затем православных верующих, вокруг укреплявшего свои позиции московского государства.

Впервые в литературном произведении словосочетание «Святая Русь» выступает в середине XVI века. Его использовал Максим Грек. Идея «Святой Руси» приняла новый характер в XVI веке, когда «старец» Филофей Псковский [7; 30] представил свою концепцию «Москва – Третий Рим» великому князю Василию III. Окончательное выражение

нового самосознания русского народа и новой роли московского царя дает монах Филофей псковский в письмах к дьяку Михаилу Григорьевичу Мисюрю-Мунехину и великому князю. Его послания были ответом на астрологические предсказания и концепции объединения церковью Николая Немчина. Таким образом, Филофей Псковский был вынужден писать о положении Русской Церкви, ее связи с Римом и Константинополем и также о соблюдении правил, принятых на Вселенских Соборах.

Монах предложил альтернативную идею философии истории – «Москва – Третий Рим». Он создал концепцию, благодаря которой Русь нашла свое место в мировой истории. Согласно этой религиозно-политической теории, после падения Рима в 476 году и Константинополя, так называемого «второго Рима», в 1453 году, истинная христианская вера осталась неповрежденной только на Руси. Таким образом, Москва является преемницей и продолжательницей миссии первого и второго Римов [1]. О православной Грузии речь не шла, видимо, просто не знали о ее существовании. Псковский монах считал, что единственной Церковью, в которой сохранилась истинная христианская вера, является московская Церковь, и она будет продолжаться до скончания мира.

Догмат о единой, святой, соборной и апостольской Церкви касается Москвы, и только она является депозитарием божественной истины, которая сохраняет целую христианскую доктрину. Таким образом, Филофей обратился к своим читателям: «два Рима пали, а третий стоит, а четвертому не бывать». По мнению Филофея, деятельность государства тесно связана с деятельностью Церкви. Царь отвечает за христианский мир, и он, когда стремится к справедливости, должен защищать свободу функционирования Церкви. Только Московская Церковь сохранила ортодоксальность. Москва является последней христианской империей, потому что «романское царство неразруσιμο, ибо Господь в римскую область вписался».

Итак, теория «Москва – Третий Рим» «старца» Филофея Псковского является новой, более конкретной версией идеи о святости Руси. Главная проблема концепции заключается в том, что после падения первого и второго Рима истинную христианскую веру сохраняет только Москва. Русь – это преемница религиозной миссии Рима и Константинополя, а русский народ считается богоизбранным [2; 1045]. Изначально идея монаха имела не столько политический, сколько религиозно-историософский характер. Следует отметить, что, согласно идее Филофея Псковского, «Третий Рим» будет стоять вечно [17; 18].

Но само слово вечно понималось до Страшного Суда, который активно ждали россияне в XVI столетии. Ведь именно в «...перспективах апокалиптического беспокойства вырисовываются первые очертания известной “теории Третьего Рима”. <...> Это была именно эсхатологическая теория, и у самого старца Филофея она строго выдержана в эсхатологических тонах и категориях. “Яко два Рима падоша, а третий стоит, а четвертому не быти”. <...> Схема взята привычная из византийской апокалиптики: смена царств или, вернее, образ странствующего Царства, – Царство или Град в странствии и скитании, пока не придет час бежать в пустыню. В этой схеме два аспекта: минор и мажор, апокалиптика и хилиазм. В русском восприятии первичным и основным был именно апокалиптический минор. Образ Третьего Рима обозначается на фоне надвигающегося конца – “посем чаем царства, ему же несть конца”. И Филофей напоминает апостольское предостережение: “приидет же день Господень, яко тать в нощи...”» [30]. Так писал историк русской религиозной мысли Георгий Флоровский.

Но вскоре, после того как чаемый конец света, по понятным причинам, не случился, стало решающим фактором «именно националистическое самоутверждение». И вскоре «...были сделаны решительные церковно-политические выводы из “теории Третьего Рима”, которая в это время уже окончательно переродилась из апокалиптической догадки в правительственную идеологию. Было установлено Московское патриаршество во свидетельство независимости и преобладание скорее Русского Царства, чем самой Русской Церкви» [30]. Таким образом, изначально религиозная (эсхатологическая) доктрина трансформировалась в политическую, а порою и шовинистическую идеологему, стыдливо прикрытую вервием христианских концептов.

Возрождение концепции «Святой Руси» в Российской Империи началось в петровские времена [20], но реально наступило в XIX веке. Можно выделить две волны этой тенденции. Первая была связана не только с распространением в обществе древнерусских былин, но также с появлением патриотических настроений благодаря победам царя Александра I над императором Наполеоном.

На протяжении многих веков идея «Святой Руси» принимала различные формы благодаря политическим, общественным и экономическим обстоятельствам. Хотя к ней охотно обращались представители разных идеологических концепций, например, славянофилы, почвенники и, что ныне совсем неведомо «просвещенному» истеблишменту, галицкие, львовские и карпатские русофилы XIX столетия [38], ее основные предложения остались без изменений.

Мы бы хотели обратить особое внимание на источники идеи о святости Руси в славянофильстве, потому что это религиозно-философское течение сыграло огромную роль в русской политической и общественной жизни XIX века. В этот период оно порождает еще одну модификацию в виде «Теории официальной народности», которую создал министр народного просвещения князь Сергей Уваров [22; 28]. В «Докладах министра народного просвещения С. С. Уварова императору Николаю I» он писал: «Углубляясь в рассмотрение предмета и изыскивая те начала, которые составляют собственность России (а каждая земля, каждый народ имеет таковой Палладиум), открывается ясно, что таковых начал, без коих Россия не может благоденствовать, усиливаться, жить – имеем мы три главных:

- 1) Православная Вера,
- 2) Самодержавие,
- 3) Народность» [14].

Отметим, что славянофильская школа сначала была связана с творчеством российских публицистов и философов XIX века, таких как, например, Константин Аксаков, Иван Киреевский и Алексей Хомяков. Их взгляды на особую роль России в истории мира сформировались, во-первых, под влиянием дискуссии с доктриной Уварова, а во-вторых, из-за критического отношения к немецкой философии.

Министр народного просвещения в свою очередь считал, что русская народность заключается в безграничной преданности власти, а славянофилы все сферы, связанные с функционированием государства, подчиняли национальной жизни. Они считали, что главной проблемой является защита ценностей допетровской Руси. Славянофилы идеализировали допетровскую Русь и мечтали о возврате на ее путь. Они также сопротивлялись секуляризации страны и заботились о неизменности христианской доктрины и о единстве народа и Церкви. Ссылаясь на концепцию «Святой Руси», славянофилы разделяли Европу на две части: западную (латинскую) и восточную (греко-славянскую). По их мнению, латинская цивилизация складывается из трех компонентов: 1) завоевание как основной способ формирования западных стран; 2) наследие древнего Рима; 3) Католическая Церковь. Славянофилы наивно думали (ввиду плохого знания источников и почти полного незнания с духовными практиками католицизма), что христианство на Западе было искажено из-за научной деятельности и амбиций иерархов Римской Церкви.

Противоположностью западного мира в их доктрине является восточная цивилизация, а ее главным представителем является

Российская Империя [39; 40]. По словам славянофилов, православие продолжает истинную христианскую веру, сформулированную на Семи Вселенских Соборах. Россия родилась не в результате заболевания, но благодаря воле народа, что отличает ее от латинской цивилизации. Представители славянофильства утверждали, что основой русского народа является православие, а перед Россией стоит задача защиты великой традиции от искажения, происходящего с Запада. Вполне закономерно, что славянофилы очень часто обращались к идеям «Святой Руси» и «Москвы – Третьего Рима». Их публикации были наполнены суб-идеями, непосредственно выведенными из этих родственных теорий.

Хорошо видны у представителей славянофильства, например, ссылки на концепцию о единой истинной православной вере, которая сохранилась только в Российской Империи [14]. Компонентами, которые дополнительно соединяют славянофильство со сторонниками средневековой русской идеи, являются задача защиты православия от западной ереси и особенная роль русского богоизбранного народа в мировой истории. В 1848–1849 годах Европу потрясли революции, охватившие почти все страны континента, кроме Российской Империи, Великобритании, Королевства Нидерландов, Швейцарии и Османской Империи. Так называемая «Весна народов» имела национально-освободительный и антифеодальный характер.

Революционеры боролись за демократизацию политической и общественной жизни в своих странах. Нужно иметь в виду, что существовала опасность, что революционные движения затронут также и Россию. Таким образом, император Николай I был вынужден издать манифест «О событиях в западной Европе» (от 14 марта 1848 года), в котором утвердил: «мятеж <...> имеет дерзость угрожать России». И далее, он писал: «По заветному примеру Православных Наших предков, призвав в помощь Бог Всемогущего, мы готовы встретить врагов наших, где бы они ни предстали, и, не щадя Себя, будем в неразрывном союзе со *Святою Нашею Русью*, защищать честь имени Русского и неприкосновенности пределов Наших». Царь свое обращение закончил словами: «С нами Бог! Разумейте языцы и покоряйтесь, яко с нами Бог!» [Выделено нами – *Е. Н.*].

Как мы можем видеть, религиозные отсылки доминировали в царских манифестах, особенно когда речь шла о вопросах национального значения.

На подобные социальные доктрины и пара-религиозные дискуссии не могла не отреагировать и литература. Так, в 40-50 гг. XIX века князь Петр Андреевич Вяземский перешел на консервативные позиции. Это изменение мировоззрения можно увидеть

в стихотворении «Святая Русь», которое было напечатано в мае 1848 году и явилось откликом на общественно-политическую атмосферу тех дней, то есть на возможную будущую войну Российской Империи с мятежными европейцами, на их восстания и на революционное движение. Стихотворение «Святая Русь» тематически было связано с отказом Вяземского от идей демократизации общественной и литературной жизни. Заглавие стихотворения Вяземского отсылает не только к религиозной и общественной идее, но и к словам, которые царь Николай I произнес в воззвании «О событиях в западной Европе». «Святая Русь» является манифестом поддержки монархии и православной веры, а также отказа от революции и секуляризации.

Как в эти дни години гневной
Ты мне мила, Святая Русь
Молитвой теплой, задушевной,
Как за тебя в те дни молюсь! [5].

Князь утверждал, что Россия имеет вселенское значение и является духовным спасением Европы. Таким образом, поэт считал, что надо гордиться страной, особенно во время «народной бури», потому что она является отражением христианского порядка.

«Святая Русь», по мнению Вяземского, это, во-первых, вера, во-вторых, самодержавие, во-третьих, русский язык и история. Эта классификация является модификацией уваровской триады: «православие, самодержавие, народность». Для Вяземского этот девиз звучит как «вера, царь, отечество».

Поэт утверждает, что самым важным символом Российской Империи является язык, который чарует риторикой. Вяземский доказывает, что «Святая Русь» является идеей, которая была создана самим русским языком. Он также утверждает, что «Святая Русь» – это дар Провидения, который был дан России вместе с христианством:

Святая Русь! Родного слова
Многозначительная речь!
Завет нам Божьего покрова
И отклик наш средь бурных сеч! [5].

Поэт в конце своего произведения утверждает идею, что с момента крещения Русь стала святой и главная задача сегодня состоит в том, чтобы защищать это состояние в будущем:

О, дорожи своим залогом!
Блюди тобой избранный путь
И пред людьми, и перед Богом,
Святая Русь, святою будь! [5]

На стихотворение Петра Вяземского ответил известный русский писатель Василий Жуковский в своей работе «Святая Русь», где он отобразил свои взгляды на политическую ситуацию: «Никакой человеческий ум не мог бы признать возможным того, что случилось и что, в несколько дней, с такою демоническою, необоримою силою, опрокинуло созданное веками. Можно было слышать, и давно, давно это было слышно, что в глубине кратера, таившегося под слоями многих поколений, шевелилась скопляющаяся лава; и покой правительств, которые лениво и упрямо спали на краю этого кратера, есть гибельная неосторожность, вполне заслуживающая имя преступления» [12].

Жуковский соглашается с тем, что в своем произведении Вяземский написал о «Святой Руси». Автор статьи утверждает, что стихи князя являются чистой правдой: «твои стихи правда потому, что в них просто, верно, без всякой натяжки, выражается то, что глубоко живет в душе...» [12].

Жуковский обратился к русскому мессианизму: «Не выражает ли оно для нас с новою убедительностию, одним звуком всего, что в течение веков сделалось нашею верою, любовью и надеждою? Не яснее ли означается в нем этот особенный союз наш с Богом, вследствие которого от наших праотцев перешло к нам и чудное имя его Русской Богъ [не Российский Богъ, как оканчивает своего Димитрия Донского Озеров]. Русской Богъ – Святая Русь, подобных наименований Бога и отечества, кажется, ни один европейский народ не имеет» [12].

Жуковский также употребляет формулу «Русский Бог». Он считает, что это определение относится не только к вере, но и к русской народной традиции, в которой есть много отсылок к Богу: «Этот “Русской Богъ” есть удивительное создание нашего ума народного, понятия о Немъ, отдельно существующее при вере в Бога христианского, истекающей из божественного откровения, присоединено к ней, будучи выведено русским народом из откровения, в его истории заключающагося, понятия о Боге ощутительном, на опыте доказанном, повсеместно, без всякого проповедания признанном, понятие, одним только русским народом присвоенное». По мнению автора, смешно было бы сказать английский или немецкий Бог, но когда употребляем выражение «Русской Бог», то «ДУША БЛАГОГОВЕЕТ» [12]. Жуковский считает, что православная вера, русский язык, народная жизнь и память входят в состав идей «Святой Руси». Он уверен, что сущность идеи могут понять только русские: «Святая Русь есть отдельная, наследственная собственность русского народа, упроченная ему Богом» [12].

Жуковский утверждал, что невозможно сравнивать Российскую Империю и «Святую Русь», потому что Россия являлась только государством, которое на протяжении веков совершило много ошибок. Важно заметить, что поэт относился к России с большой долей критики. Таким образом, Жуковский доказывает, что «Святая Русь» – это не реальность, а идея, которая на протяжении всей истории объединяла русский народ. Особенную же силу этому слову дали печальные времена Мамаев: «тогда оно сделалось для нас соединительным, отечественным, боевым криком; им утешала нас наша церковь, его произносили князья наши, неся в Орду свою голову за отечество, оно гремело на Куликовом поле; оно должно было получить удивительный смысл на устах Великого Иоанна III, уничтожившаго рабство татарское, и вдруг явившагося самодержавным обладателем всея России» [12].

По мнению Жуковского, на Западе «вера в святое исчезла», и поэтому там появились общественные и политические проблемы. Поэт утверждает, что основной причиной плохой ситуации в Европе является процесс религиозной реформации. Во фрагменте текста статьи, который не пропустил цензор, читаем: «...вместо исторических злоупотреблений церковной власти она разрушила духовный, дотоле не тронутый авторитет церкви ... святое заменилось языческую мудростью древних; родился дух противоречия; начался мятеж против всякой власти, как божественной, так и человеческой» [12].

Таким образом, он верил, что европейская цивилизация погибнет, если не вернется к своей истинной вере: «Итак, чтобы предохранить цивилизацию Европы от ниспадения в варварство, надлежит возратить ее к началам, ею утраченным» [12]. Следовательно, Жуковский считал, что Россия являлась противоположностью Запада, она всегда была верна своим принципам. Он утверждал, что Российская Империя должна хранить свои основы, то есть самодержавие и церковь, особенно в контексте революционной угрозы XIX века.

Свой взгляд на комплекс более политических, чем собственно религиозных проблем, связанных с концептом *Святой Руси*, выразил и Федор Иванович Тютчев. Его миропонимание, самостоятельно сложившееся в Германии, в России нашло много общего с идеологией славянофилов. Главным постулатом поэта являлось возвращение к корням и возрождение русского народа. В своих работах он обращался также к идеям славянского единства. Взгляды Тютчева характеризовала уверенность в том, что Россия, отличаясь от Западной цивилизации, следует своему пути, который находит опору

в православии. Для творчества Тютчева характерна также вера в великое предназначение России. Даже после окончания своей дипломатической карьеры Тютчев интересовался западноевропейской и российской политикой. До смерти он придерживался своих взглядов.

Поэтическое творчество Ф. И. Тютчева можно разделить на две «сферы». Во-первых, это философская лирика, стихи о любви и природе, а во-вторых, это политические, религиозные или политико-религиозные произведения. Многие исследователи и критики литературы утверждают, что первая группа является самой важной, ко второй относятся поверхностно, считая ее частью дипломатической деятельности Тютчева, которая была направлена на представление Российской Империи в странах Западной Европы. Русский литературовед Дмитрий Мирский считает [37], что политическое творчество Тютчева является зарифмованной журналистикой. Он отмечает, что очень трудно найти связь между одной и второй группой. Создается впечатление, что они были написаны разными авторами.

Надо обратить внимание, что существуют также произведения Тютчева, в которых можно встретить обе интенции его творчества. Например, стихотворение «День Православного Востока», написанное 16 апреля 1872 года, незадолго до смерти автора. Оно композиционно делится на две части. Первая часть – это политико-религиозные рассуждения, в которых автор стремится определить место и роль России в мире. В первых десяти строках не выражено ни косвенно, ни прямо личное отношение автора к данному вопросу. В них находятся только призывы к пасхальному воскресенью. Такая структура стихотворения отсылает к торжественной оде Екатерининского времени. Ведь стихотворение состоит из пяти строф, написанных четырехстопным ямбом, который характерен для русской оды эпохи классицизма. Первая строфа напоминает оду XVIII века, которая относится к победе на поле битвы. Шведский исследователь Пер-Арне Будин отмечает: «Традиционная формула “на день” здесь заменяется просто словом “день”, которое подчеркивает временное или, вернее, вневременное звучание стихотворения. В нем воспевается не событие во времени, а само наступившее время. В сочетании с отсутствием личных форм глагола это делает первую часть стихотворения как бы устремленной в вечность» [4, 56]. В. М. Жирмунский тоже обращает внимание на то, что первые строки стихотворения напоминают русскую оду XVIII века [11, 44], что видно не только благодаря использованию слова «день», но и благодаря метафоре облачения:

День православного Востока,
Святись, святись, великий день,
Разлей свой благовест широко
И всю Россию им одень!

«День православного Востока» является одним из первых примеров «пасхальных стихов» в русской поэзии. Следующий образец такого жанра – это стихотворение Хомякова «Кремлевская заутреня на Пасху». Пасхальные стихи были очень популярны в конце XIX века. Будин утверждает, что «Пасхальная весть в стихотворении включает в себя образ святой Руси, а также империалистическое представление о державе, переливающейся через свои границы, как и весть о воскресении» [4, 57].

В первой части тютчевского произведения часто встречаются слова, означающие этот выход за пределы: «разлей», «широко», «льется». Некоторые выражения, как, например, «День православного Востока» или «Святая Русь», неоднозначны. Их можно воспринимать и как религиозное, и как политическое послание. Концепт «Святая Русь» в этом стихотворении не является утопией, но предстает как отражение реальности, как отражение интересов Российской Империи в мире. Важно заметить, что ранние славянофилы считали, что Россия – это противоположность «Святой Руси», потому что идея – это потерянный рай, а не действительность. Для них «Святая Русь – утопическое понятие: если Утопия достигнута, время останавливается. В стихотворении формулируется дилемма русской националистической мысли, ведь приписать собственной стране святость означает поставить ее вне времени и вне истории. Рассматриваемое стихотворение подтверждает это «как своей грамматической структурой, так и идеологической направленностью» [4, 58].

Тема Святой Руси у Ф. И. Тютчева заключается в слове «святись». Таким образом, поэт обращает внимание на то, что святость связана не только с пространством, но и с исторической теорией, которая рассматривает Москву как Новый Иерусалим. Вторая часть стихотворения представляет собой отход от политико-религиозной тематики и переход на личный уровень. Начало этого перелома мы встречаем в середине третьей строфы, то есть, когда появляется личный субъект – «мое родимое дитя». Будин пишет, что «слово *долина* с его смешанной географически-религиозной коннотацией является переходным» [4, 59]:

Своею дальнею волною
И ту долину захвата,
Где бьется с немощию злою
Мое родимое дитя [29, I, 176].

В четвертой строфе слово «край» обозначает ограниченное пространство, что является противоположностью мотиву переливания через край, который получает развитие в первой части. В конце стихотворения, то есть в пятой строфе, мы вновь выходим на тему воскресения. Последние строки напоминают молитву. Важно заметить, что в стихотворении «День православного Востока» Тютчев не только пытается соединить политико-религиозный пафос с личной молитвой, но и разделяет мир на две части: на Восток и на Запад. С Россией автор стихотворения соотносит такие слова, как «расширяющееся пространство», «мир целый», «святая»; Запад же – это ее противоположность, то есть «ограниченное пространство», «теплый».

Противопоставление двух миров показывает извечный политический и экзистенциальный конфликт. Надо обратить внимание на выводы, которые в своей статье предлагает шведский исследователь Будин: «В стихотворении “День Православного Востока” происходит следующее – политико-религиозные декларации дают автору возможность выразить надежду, связанную с днем воскресения, и утешение... При этом стихотворение как бы распадается на две части, поскольку различия между первой и второй частью как по форме, так и по содержанию непреодолимы» [4, 60].

Итак, в стихотворении «День православного Востока» Федора Тютчева заключается существенная проблема русской национальной и империалистической мысли, лишь фоном которой в течении многих веков является идея «Святой Руси».

Тютчев презирал западноевропейскую «ложность», которая, по его мнению, началась будто бы с отхода от единственной правильной церкви, питаемой индивидуализмом и эгоцентризмом. Эти идеи нашли свое воплощение в его стихотворение «Славянам». Поэт считал, что Запад, боясь перспективы союза объединенных славян, борется с ними с помощью двойных стандартов, таких как забвение исторической памяти и манипуляции расколами в славянской среде. Дальнейшая часть стихотворения посвящена полякам, которых после январского восстания (или точнее польского восстание 1863–1864 годов) Ф. И. Тютчев считает предателями славянства, называя народ Иудой:

А между нас – позор немалый, –
В славянской, всем родной среде,
Лишь тот ушел от их опалы
И не подвергся их вражде,
Кто для своих всегда и всюду
Злодеем был передовым:
Они лишь нашего Иуду
Честят лобзанием своим [29, II, 177].

Отождествление Польши с Иудой связано с пониманием христианской миссии России: объединение всех людей и возвращение к истинному единству Церкви и человечества. Но по Ф. И. Тютчеву всеславянская империя, которая должна была выполнить историческую миссию обновления Европы, состояла, по словам поэта, из двух элементов: славян, которые были телом, и православных, которые были душой государства. Тютчев учитывал проблему польского самоосознания в том, что «католическое начало вошло в кровь и плоть поляков» [13, 205]. Довольно странный взгляд на польский этнос, ведь именно там христианские традиции оказались более крепкими, чем на «святой Руси». А различия между Православием и Католичеством менее значительны, чем между христианством и язычеством (включая и коммунизм), или исламом.

Несколько иной взгляд на эту идею выразил другой славянофил, философ и поэт Алексей Степанович Хомяков. Его литературное наследие состоит из политических и религиозно-философских статей, трагедий, поэм и политико-религиозных стихотворений. Хомяков работал также над книгой, которая касалась истории философии. Поэт был увлечен философией, особенно классическим немецким идеализмом и творчеством Шеллинга

Хомяков утверждал, что невозможно отделить российское государство от православной церкви: «Без влияния, без живительной силы христианства не восстала бы земля русская». Философ, ссылаясь на концепцию «Москва – Третий Рим», утверждал, что только Восточная церковь могла иметь такое большое влияние на формирование российского государства, потому что Западная церковь «обратилась к рационализму, утратила чистоту, заключила в себе ядовитое начало будущего падения, но овладела грубым человечеством, развила его силы вещественные и умственные и создала мир прекрасный, соблазнительный, но обреченный на гибель, мир католицизма и реформаторства» [35, 464].

Эстонский философ Л. Н. Столович замечает, что в отличие от Киреевского Хомяков не идеализировал Русь – Россию. Он осуждал «илотизм крестьян до Петра» и современную «мерзость рабства законного», тяжелую «во всех смыслах, вещественном и нравственном». Современная Россия «...и радуется, и теснит; об ней мы можем говорить с гордостью иностранцам, а иногда совестимся говорить даже с своими» [25, 120].

Вместе с тем, по его словам, «лучше инстинкты души русской, образованной и облагороженной христианством, эти-то воспоминания древности неизвестной, но живущей в нас тайно, произвели все хорошее, чем мы можем гордиться» [3, 368]. Таким образом,

А. С. Хомяков относится к древнерусской концепции «Святой Руси» негативно. Для него эта теория является идеальным миром, утопией, потому что реальность того времени была совершенно иной.

Обратим внимание, что Хомяков отмечает, что древнерусское христианство приобрело социальный характер: «Как бы дорога мне ни была Россия, я не могу и не смею этого сказать о ней. Никогда еще не было народа, страны или государства, которые заслужили бы такую дань, даже отдаленно, и уж конечно, она чрезмерна для России». Можем заметить, что Хомяков отрицает святость допетровской Руси из-за общественных грехов, таких как взяточничество или социальное неравенство. Важно обратить внимание, что поэт, в отличие от иных славянофилов, положительно относится к реформам Петра I. Однако, по мнению Хомякова, идеальная «Святая Русь» является противоположностью современному ему «греховному государству» [36, 468].

В стихотворении «России» (1839) поэт предупреждает, что нельзя гордиться военными победами России, огромной территорией или большим богатством:

Красны степей твоих уборы,
И горы в небо уперлись,
И как моря твои озера...
Не верь, не слушай, не гордись! [32]

Хомяков хочет, чтобы государство и русский народ обратились к молитве, вере, смирению, потому что только таким образом можно достигнуть вечного счастья:

Бесплоден всякой дух гордыни,
Неверно злато, сталь хрупка.
Но крепок ясный мир святыни,
Сильна молящихся рука!
И вот за то, что ты смиренна,
Что в чувстве детской простоты,
В молчаньи сердца сокровенна,
Глагол творца прияла ты [32].

Поэт затрагивает тему «Святой Руси» также в стихотворении «Не говорите: “То бывшее...”», которое было написано в 1844 году. Хомяков убежден, что Российская империя является государством, полным грехов и беззакония. Он отвергает мнение, что только предшественники несут ответственность за нынешнее состояние российского общества и государства. Это убеждение вытекает уже из заглавия произведения.

Алексей Хомяков уверен, что все проступки народа тесно связаны с сущностью человечества и проявляются в жизни каждого русского.

Не говорите: «То бывшее,
То старина, то грех отцов,
А наше племя молодое
Не знает старых тех грехов».
Нет! этот грех – он вечно с вами,
Он в вас, он в жилах и крови,
Он сросся с вашими сердцами –
Сердцами, мертвыми к любви [34].

Как и в стихотворении «России», лирический герой просит читателя, чтобы он обратился к вере. Он хочет, чтобы люди молились «...за все грехи бывших времен», за все, что было позорным в истории России, за все несправедливые завоевания, за плохое состояние русского народа, «за узаконенный разврат». Для автора молитва за все беззаконие – единственный способ к спасению русского народа.

За все, за всякие страдания,
За всякий погранный закон...
За темные отцов деянья,
За темный грех своих времен,
За все беды родного края, –
Пред Богом благодати и сил
Молитесь, плача и рыдая,
Чтоб Он простил, чтоб Он простил! [34]

В произведении «России» («Тебя призвал на брань святую...») [35] Хомяков пишет, что Россия является богоизбранной страной. Но автор понимает, что согласно Священному Писанию недостаточно быть избранным, чтобы быть спасенным Богом. Надо также соблюдать десять заповедей Божьих, избегать грехов и молиться. Таким образом, автор непосредственно обращается к своему народу с просьбой сохранять и соблюдать религиозные правила:

Вставай, страна моя родная,
За братьев! Бог тебя зовет
Чрез волны гневного Дуная,
Туда, где, землю огибая,
Шумят струи Эгейских вод [35].

Известный филолог и культуролог Валерий Лепяхин в своей статье «Иконичный образ святости: пространственные, временные, религиозные и историософские категории Святой Руси» замечает, что «...до Хомякова Святая Русь понималась в двух измерениях: как народный русский идеал, к которому следует стремиться, как страна, услышавшая призыв, обращенный ко всем («Будьте святы,

ибо Я свят» – Лев.11: 44; 1 Фес.4: 7), и как «остаток» или «корень», т. е. та часть Святой Руси, которая действительно свята уже здесь в этом мире (это святые подвижники, монастыри, храмы, церковное искусство и словесность). Хомяков несколько раз употребляет слово «избранный», и именно в том значении, в котором оно употреблено в Ветхом Завете по отношению к избранному израильскому народу» [19]. И здесь следует отметить новое качество в понимании Святой Руси у Хомякова и у славянофилов: избранность это – не привилегия, а ответственность и тяжкое бремя, Бог наказывает избранного «двойным наказанием», поэтому поэт напоминает:

Но помни: быть орудьем Бога
Земным созданиям тяжело.
Своих рабов он судит строго,
А на тебя, увы! как много
Грехов ужасных налегло! [35].

Отношение Хомякова к идее «Святой Руси» вытекает из славянофильской концепции российского государства, которую метко охарактеризовал Вильям ван дер Беркен. По его мнению, славянофилы не столько выступали против идеи государства, сколько относились к нему не как к продукту Божьей деятельности. Исследователь писал: «Они были против восхваления царя, а братья Аксаковы развивали учение о раздельных сферах государства, “необходимом зле”, с одной стороны, и народе, который, с их точки зрения, далек от политики, – с другой» [3, 367].

Важно заметить, что с точки зрения славянофилов, система российского государства являлась несовершенной, примером чего было крепостное право. По их мнению, крестьянство – это естественный класс, жизнь которого тесно связана с душой русского народа, а «Святая Русь» являлась названием допетровской Руси.

«Святая Русь» как национал-политический концепт снова вернулась в общественную жизнь XIX века благодаря нашумевшим событиям (в т. ч. революциям в Европе входе т. н. «Весны народов»). Именно тогда русские писатели, такие как князь Вяземский, Жуковский, Тютчев и Хомяков, начали создавать произведения на эту тему. Таким образом, идея «Святой Руси» значительно повлияла на общественную и культурную жизнь XIX века в Российской Империи.

Наиболее ярко это проявилось в творчестве князя Петра Андреевича Вяземского – он посвятил Святой Руси несколько стихотворений. Вяземский как раз пишет о Святой Руси как о духовном идеале, который есть в России и которого Россия должна быть достойна. Она не заведомо святая, но должна таковой быть, стремиться к этому.

Итак, концепция святой Руси являлась главной темой диалога Петра Андреевича Вяземского и Василия Андреевича Жуковского во время революции 1848–1849 годов. Она была ответом на революционную политико-общественную ситуацию в Европе. Следующим поэтом, который развивал идеи концепции «Святой Руси», был Федор Иванович Тютчев.

Его стихотворение «День Православного Востока» [29, II, 238] посвящено этой идее. Для Тютчева, в отличие от ранних славянофилов, «Святая Русь» – это не утопия, но реальность. Поэт в своем стихотворении также разделяет мир на две части: восточную и западную. Восток – это «расширяющееся пространство», а Запад – это «ограниченное пространство».

С другой стороны, основоположник славянофильства, но при этом чуткий поэт А. С. Хомяков в своих стихотворениях показывает, что «Святая Русь» является утопией, «потерянным раем» и, соответственно, противоположностью Российской империи которая была полна беззакония и грехов. Для автора молитва – единственный способ спасти Российскую империю. Стоит сугубо отметить, что *только Алексей Хомяков* наиболее близок (по сравнению с другими рассмотренными в данной статье авторами – от монаха Филофея до поэтов времен Николая Первого) *к христианскому миропониманию*. Он последовательно, хотя и без явной критики, избегает языческого обожествления родины, сакрализации страны и народа, наоборот, его мысль обращена с покаянным воплем к разгневанным небесам.

Его поэзия на популярные уже несколько столетий темы *Святой Руси* и *Третьего Рима* скорее вопль библейского пророка, своеобразная иеремиада, скорбь о грехах «Нового Иерусалима», чем панегирик в честь реальных (зачастую преувеличенных), или мнимых побед, и достижений Российской (или иной) империи. Со строго богословской точки зрения, его поэзия приближается к художественной (ре)презентации христианской доктрины (в чистоте ее догматического разумения); у него речь идет о поклонении Богу (*adoratio*) и почитании (*veneration*) народных святынь. Но его глас (вопиющего в социальной пустыне пророка) не был услышан, поэзия полузабыта. Но медь и триумфы продолжают звучать в неисцеленной суеде мира сего.

Только в начале XX века, когда произошла религиозная деградация и свершилась явная «паганизация» (реанимированное языческого мирозерцания) это словосочетание вводится, как ни странно, и в церковные тексты. А об Иисусе Христе почти все на *святой Руси* «благополучно» забыли. Между тем, только Он – источник и смысл всякой реальной святости. В 1917 году появляется

фраза: «Русь Святая, храни веру православную» [24]. Обратим внимание – это уже после Февральской революции. Казалось бы, Русь провалилась в какую-то политическую пропасть, «слиняла», как говорил В. В. Розанов, в течение двух-трех дней, а в церковных текстах появляется словосочетание «Святая Русь». Когда нет уже никакой надежды на государство, на монархию, остается надежда на Святую Русь. А что такое Святая Русь? Святая Русь – это конкретные люди, которые стремятся исполнять заповеди, готовы к мученичеству, исповедничеству, которые в последующие годы и стали мучениками и исповедниками.

А поэты девятнадцатого столетия благополучно оставили сей мир до того, как наступили его «минуты роковые». Бог им и нам Судья.

Литература

1. Бауэр, Е. А. Судьба теории «Москва – Третий Рим» в древнерусской книжности (к историографии проблемы) / Е. А. Бауэр // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2013. – № 3 (27). – С. 23–30.
2. Бедаев, А. И. Святая Русь: Генезис и содержание идеи / А. И. Бедаев // Каспийский регион: политика, экономика, культура. – 2015. – № 3 (44). – С. 249–255.
3. Беркен, В. ван дер. Святая Русь в русской литературе XIX в.: за и против / В. ван дер Беркен // Русская литература XIX в. и христианство, под ред. В. Кулешова. – М., 1997. – С. 361–380.
4. Будин, П.-А. Стихотворение Ф. Тютчева «День православного Востока» / П.-А. Будин // Тютчевский сборник II, под ред. Л. Киселева, Р. Лейбов, А. Юнгтрен. – Тарту, 1999. – С. 56–67.
5. Вяземский, П. А. Святая Русь [Электронный ресурс] / П. А. Вяземский. – Режим доступа: <https://tanya-vasilenko.livejournal.com/3881.html>
6. Гайда, Ф. А. Что значить «Святая Русь»? [Электронный ресурс] / Ф. А. Гайда. – Режим доступа: <https://pravoslavie.ru/63409.html>
7. Гольдберг, А. Л., Дмитриева, Р. П. Словарь книжников и книжности Древней Руси» / А. Л. Гольдберг, Р. П. Дмитриева. – Л., 1989. – Вып. 2. – Ч. 2. – С. 471–473.
8. Горохов, А. А. Культурно-политический контекст начала XIX в. и его влияние на формирование консервативных ценностей политической культуры России / А. А. Горохов // Власть. – 2011. – № 8. – С. 88–90.

9. Грищенко, М. Ю. Идеология общественного развития России / М. Ю. Грищенко // Власть. – 2007. – № 10. – С. 29–31.
10. Данилевский, И. Н. Повесть временных лет: герменевтические основы источниковедения летописных текстов / И. Н. Данилевский. – М.: Аспект-Пресс, 2004. – 370 с.
11. Жирмунский, В. М. Введение в метрику: теория стиха / В. М. Жирмунский. – Советский писатель, 1975. – 664 с.
12. Жуковский, В. А. Святая Русь. Письмо князю П. А. Вяземскому. 23-го июля (5-го августа) 1848 г. Кронраль, близ Соден [Электронный ресурс] / В. А. Жуковский. – Режим доступа: <http://gosudarstvo.voskres.ru/zhukovsk.htm>
13. Захаров, Э. Б. Ф. И. Тютчев и Ю. Ф. Самарин: жизненные и творческие взаимосвязи: дис. ... канд. филол. наук / Э. Б. Захаров. – М., 2000. – 278 с.
14. Зипунникова, Н. Н. Идеологема «Самодержавие православие народность» в политике российского государства в сфере образования и науки первой половины XIX в.: нормативно-правовое закрепление и проблемы реализации / Н. Н. Зипунникова // Вестник Пермского университета. Юридические науки. – 2010. – № 4. – С. 7–16.
15. Киселев, В. С., Владимирова, Т. Л. Творческая история статьи В. А. Жуковского «Письмо к кн. П. А. Вяземскому о его стихотворении “Святая Русь”»: публикация и комментарий / В. С. Киселев, Т. Л. Владимирова [The creative history of V. A. Zhukovsky's article "Letter to Prince P. A. Vyazemsky about his poem Holy Russia": publication and commentary] // Вестник Томского государственного университета. Филология [Tomsk State University Journal of Philology]. – 2014. – № 3 (29) – С. 109–124.
16. Киселева, Л. Н. Диалог Вяземского и Жуковского о Святой Руси / Л. Н. Киселева // На меже меж голосом и эхом. – М., 2007. – С. 136–147.
17. Кожаев, М. М. Категория власти согласно концепции «Москва третий Рим» / М. М. Кожаев // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. – 2009. – № 2. – С. 13–23.
18. Комаровских, К. Ф., Комаровских, Н. И. Святая Русь с давних времен до наших дней / К. Ф. Комаровских, Н. И. Комаровских // Труды Санкт-Петербургского государственного института культуры. – Вып. 204. – СПб., 2014. – С. 282–287.
19. Лепахин, В. В. Иконичный образ святости: пространственные, временные, религиозные и историософские категории Святой Руси [Электронный ресурс] / В. В. Лепахин. – Режим доступа: <http://pravoslavie.ru/330.html>

20. Лотман, Ю. М., Успенский, Б. А. Отзвуки концепции «Москва – Третий Рим» в идеологии Петра Первого / Ю. М. Лотман, Б. А. Успенский // Успенский Б. А. Избранные труды, под ред. Б. А. Успенский. – Т. 1. – М. Языки русской культуры, 1996. – С. 124–141.
21. Нуреева, С. В. Константы государственности в России в XIX веке / С. В. Нуреева // Актуальные проблемы российского права. – 2012. – № 3. – С. 4–11.
22. Печенкина, О. Ю. Концепт Русская земля (Святая Русь) в романе А. К. Толстого «Князь Серебряный» / О. Ю. Печенкина // Вестник Брянского государственного университета. – 2017– № 3 (33). – С. 225–230.
23. Платонов, О. А. Святая Русь. Энциклопедический словарь русской цивилизации / О. А. Платонов. – М.: Энциклопедия русской цивилизации, 2000. – 1040 с.
24. Розанов, В. В. Апокалипсис нашего времени [Электронный ресурс] / В. В. Розанов. – Режим доступа: <http://www.vehi.net/rozanov/apokal.html>
25. Столович, Л. Н. История русской философии. Очерки / Л. Н. Столович. – М.: Республика, 2005. 495 с.
26. Сторчак, В. М. Мессианство как социокультурный и идеологический феномен России (вторая половина XV – первая треть XX вв.): автореф. ... докт. филос. наук / В. М. Сторчак. – М., 2007. – 55 с.
27. Толстиков, В. А. Национальная идея России: к вопросу об эволюции представлений и метода формирования / В. А. Толстиков // Общество. Среда. Развитие (Terra Humana). – 2017. – № 1 (42). – С. 52–55.
28. Трубецкой, Н. С., князь. Взгляд на русскую историю не с Запада, а с Востока / Н. С. Трубецкой. – М.: Аграф, 1999.
29. Тютчев, Ф. И. Полн. собр. сочинений и писем: в 6 т. / Ф. И. Тютчев. – М.: Издат. центр «Классика», 2003. – Т. 2. – 640 с.
30. Флоровский Г. Пути русского богословия [Электронный ресурс] / Г. Флоровский. – Режим доступа: https://pravbeseda.ru/library/index.php?page=book&id=838#_Тoc32119582
31. Ходаковский, Е. А. Третий путь третьего Рима: Россия и Восток / Е. А. Ходаковский // Пространство и время. – 2011. – № 3. – С. 23–30.
32. Хомяков, А. С. России [Электронный ресурс] / А. С. Хомяков. – Режим доступа: <http://pesni.voskres.ru/poems/homya05.htm>
33. Хомяков, А. С. [Электронный ресурс] / А. С. Хомяков. – Режим доступа: <http://pitzmann.ru/homyakov.htm>

34. Хомяков, А. С. Тебя призвал [Электронный ресурс] / А. С. Хомяков. – Режим доступа: https://45parallel.net/aleksey_khomyakov/tebya_prizval_na_bran_svyatuyu.html
35. Хомяков, А. С. Сочинения: в 2 т. / А. С. Хомяков. – Т. I. – М.: Московский философский фонд Издательство «Медиум», 1994. – 589 с.
36. Шушпанов, Е. С. Трансформация идей старца Филофея в XVI–XVII вв. / Е. С. Шушпанов [Transformation of ideas of aged man Filofeja in XVI-XVII centuries] // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. – 2009. – № 2. – (Философия). – С. 190–197.
37. Mirsky, D. S. A History of Russian Literature from its Beginnings to 1900 / D. S. Mirsky. – New York, 1958.
38. Osadczy, W. Swiata Rus. Rozwoj i oddziafywanie idei prawosiawia w Galicji / W. Osadczy. – Lublin, 2007.
39. Romanowski, D. Trzeci Rzym. Rozwój rosyjskiej idei imperialnej / D. Romanowski. – Kraków, 2013.
40. Stefaniuk, T. Krytyka Europy i rozumu w myśli słowianofilskiej / T. Stefaniuk // Dylematyracjonalności. Między rozumem teoretycznym a praktycznym / pod red. Z. Czarneckiego. – Lublin, 2001.

References

1. Baue`r, E. A. Sud`ba teorii «Moskva – Tretij Rim» v drevnerusskoj knizhnosti (k istoriografii problemy) [The fate of the theory "Moscow as the third Rome" in the old russian scripts (to the historiography of the problem)] // Izvestiya vy`sshix uchebny`x zavedenij. Povolzhskij region. Gumanitarny`e nauki ["University proceedings. Volga region. Humanities]. – 2013. – № 3 (27). – S. 23–30.
2. Bedaev, A. I. Svyataya Rus`: Genezis i sodержanie idei [“Holly Russia”: genesis and content of the idea] // Kaspijskij region: politika, e`konomika, kul`tura [The Caspian Region: Politics, Economics, Culture]. – 2015. – № 3 (44). – S. 249–255.
3. Berken, V. van der. Svyataya Rus` v russkoj literature XIX v.: za i protiv // Russkaya literatura XIX v. i xristianstvo, pod red. V. Kuleshova. – Moscow, 1997. – S. 361–380.
4. Budin, P.-A. Stixotvorenje F. Tyutcheva «Den` pravoslavnogo Vostoka» // Tyutchevskij sbornik II, pod red. L. Kiseleva, R. Lejbov, A. Yunggren. – Tartu, 1999. – S. 56–67.
5. Vyazemskij, P. A. Svyataya Rus` [E`lektronny`j resurs]. – Rezhim dostupa: <https://tanya-vasilenko.livejournal.com/3881.html>
6. Gajda, F. A. Chto znachit` «Svyataya Rus`»? [E`lektronny`j resurs]. – Rezhim dostupa: <https://pravoslavie.ru/63409.html>

7. Gol'dberg, A. L., Dmitrieva, R. P. Slovar` knizhnikov i knizhnosti Drevnej Rusi. – Leningrad, 1989. – Vy`p. 2. – Ch. 2. – S. 471–473.
8. Goroxov, A. A. Kul'turno-politicheskij kontekst nachala XIX v. i ego vliyanie na formirovanie konservativny`x cennostej politicheskoy kul'tury` Rossii // *Vlast`*. – 2011. – № 8. – S. 88–90.
9. Grishhenko, M. Yu. Ideologiya obshhestvennogo razvitiya Rossii // *Vlast`*. – 2007. – № 10. – S. 29–31.
10. Danilevskij, I. N. Povest` vremenny`x let: germenevticheskie osnovy` istochnikovedeniya letopisny`x tekstov. – Moscow: Aspekt-Press, 2004. 370 s.
11. Zhirmunskij, V. M. Vvedenie v metriku: teoriya stixa. – Sovetskij pisatel`, 1975. – 664 s.
12. Zhukovskij, V. A. Svyataya Rus`. Pis'mo knyazyu P. A. Vyazemskomu. 23-go iyulya (5-go avgusta) 1848g. Krontal`, bliz Soden [E`lektronny`j resurs]. – Rezhim dostupa: <http://gosudarstvo.voskres.ru/zhukovsk.htm>
13. Zaxarov, E`. B. F. I. Tyutchev i Yu. F. Samarin: zhiznenny`e i tvorcheskie vzaimosvyazi. Dis. ... kand. filol. nauk. – Moscow, 2000. – 278 s.
14. Zipunnikova, N. N. Ideologema «Samoderzhavie pravoslavie narodnost`» v politike rossijskogo gosudarstva v sfere obrazovaniya i nauki pervoj poloviny` XIX v.: normativno-pravovoe zakreplenie i problemy` realizacii [Ideologema "Autocracy – Orthodoxy – The Nationality" in the Russian State Policy of the Educational and Scientific Sphere in the First Half of XIX: Legal Norms and Realization Problems] // *Vestnik Permskogo universiteta. Yuridicheskie nauki* [Perm University Herald. Juridical Sciences]. – 2010. – № 4. – S. 7–16.
15. Kiselev, V. S., Vladimirova, T. L. Tvorcheskaya istoriya stat'i V. A. Zhukovskogo «Pis'mo k kn. P. A. Vyazemskomu o ego stixotvorenii "Svyataya Rus`"»: publikaciya i kommentarij // *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya*. – 2014/ – № 3 (29) – S. 109–124.
16. Kiseleva, L. N. Dialog Vyazemskogo i Zhukovskogo o Svyatoj Rusi // *Na mezhe mezh golosom i e`xom*. – M., 2007. – S. 136–147.
17. Kozhaev, M. M. Kategoriya vlasti soglasno koncepcii «Moskva tretij Rim» / M. M. Kozhaev // *Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarny`e nauki* [Izvestiya Tula State University. Humanitarian sciences]. – 2009. – № 2. – S. 13–23.
18. Komarovskix, K. F., Komarovskix, N. I. Svyataya Rus` s davnix vremen do nashix dnei // *Trudy` Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo instituta kul'tury`*. – Vy`p. 204. – Sankt-Peterburg, 2014. – S. 282–287.

19. Lepaxin, V. V. Ikonichny`j obraz svyatosti: prostranstvenny`e, vremenny`e, religiozny`e i istoriosofskie kategorii Svyatoj Rusi [E`lektronny`j resurs]. – Rezhim dostupa: <http://pravoslavie.ru/330.html>
20. Lotman, Yu. M., Uspenskij, B. A. Otvzuki koncepcii «Moskva – Tretij Rim» v ideologii Petra Pervogo Yu. M. Lotman, B. A. Uspenskij // Uspenskij B. A. Izbranny`e trudy`, pod red. B. A. Uspenskij. – T. 1. – Moscow: Yazy`ki russkoj kul`tury`, 1996. – S. 124–141.
21. Nureeva, S. V. Konstanty` gosudarstvennosti v Rossii v XIX veke [Statehood constants in the 19 th century Russia] // Aktual`ny`e problemy` rossijskogo prava [Actual Problems of Russian Law]. – 2012. – № 3. – S. 4–11.
22. Pechyonkina, O. Yu. Koncept Russkaya zemlya (Svyataya Rus`) v romane A. K. Tolstogo «Knyaz` Serebryany`j» [The concept of the Russian Land (Holy Russia) in the novel ‘Prince Serebrenni’ By A. K. Tolstoy] // Vestnik Bryanskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2017. – № 3 (33). – S. 225–230.
23. Platonov, O. A. Svyataya Rus`. E`nciklopedicheskij slovar` russkoj civilizacii. – M.: E`nciklopediya russkoj civilizacii, 2000. – 1040 s.
24. Rozanov, V. V. Apokalipsis nashego vremeni [E`lektronny`j resurs]. – Rezhim dostupa: <http://www.vehi.net/rozanov/apokal.html>
25. Stolovich, L. N. Istoriya russkoj filosofii. Oчерki. – Moscow: Respublika, 2005. 495 s.
26. Storchak, V. M. Messianstvo kak sociokul`turny`j i ideologicheskij fenomen Rossii (vtoraya polovina XV – pervaya tret` XX vv.): avtoref. ... dokt. filos. nauk / V. M. Storchak. – Moscow, 2007. – 55 s.
27. Tolstikov, V. A. Nacional`naya ideya Rossii: k voprosu ob e`voljucii predstavlenij i metoda formirovaniya // Obshhestvo. Sreda. Razvitie (Terra Humana). – 2017. – № 1 (42). – S. 52–55.
28. Trubeczkoj, N. S., knyaz`. Vzglyad na russkuyu istoriyu ne s Zapada, a s Vostoka. – Moscow: Agraf, 1999.
29. Tyutchev, F. I. Poln. sobr. sochinenij i pisem: v 6 t. – Moscow: Izdat. centr «Klassika», 2003. – T. 2. – 640 s.
30. Florovskij G. Puti russkogo bogosloviya [E`lektronny`j resurs]. – Rezhim dostupa: https://pravbeseda.ru/library/index.php?page=book&id=838#_Toc32119582
31. Xodakovskij, E. A. Tretij put` tret`ego Rima: Rossiya i Vostok // Prostranstvo i Vremya. 2011. – № 3. – S. 23–30.
32. Xomyakov, A. S. Rossii [E`lektronny`j resurs]. – Rezhim dostupa: <http://pesni.voskres.ru/poems/homya05.htm>

33. Xomyakov, A. S. [E`lektronny`j resurs]. – Rezhim dostupa: <http://pitzmann.ru/homyakov.htm>
34. Xomyakov, A. S. Tebya prizval [E`lektronny`j resurs]. – Rezhim dostupa: https://45parallel.net/aleksey_khomyakov/tebya_prizval_na_bran_svyatuyu.html
35. Xomyakov, A. S. Sochineniya: v 2 t. – T. I. – Moscow: Moskovskij filosofskij fond Izdatel'stvo «Medium», 1994. 589 s.
36. Shushpanov, E. S. Transformaciya idej starcza Filofeya v XVI–XVII vv. // Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A. S. Pushkina. 2009. – № 2 (Filosofiya). – S. 190–197.
37. Mirsky, D. S. A History of Russian Literature From its Beginnings to 1900. – New York, 1958.
38. Osadczy, W. Swiata Rus. Rozwoj i oddziafywanie idei prawosiawia w Galicji. – Lublin, 2007
39. Romanowski, D. Trzeci Rzym. Rozwój rosyjskiej idei imperialnej. – Kraków, 2013.
40. Stefaniuk, T. Krytyka Europy i rozumu w myśli słowianofilskiej // Dylematyracjonalności. Między rozumem teoretycznym a praktycznym / pod red. Z. Czarneckiego. – Lublin, 2001.

SACRALISATION OF THE NATIONAL PRINCIPLE
IN THE WORKS OF RUSSIAN POETS
OF THE CONSERVATIVE DIRECTION

E. V. Nikolsky

Doctor of Sciences (Philology) (Dr. hab.), Professor, doctor of theology,
master of religious studies, expert of the scientific and publishing Council
for the publication of the Full collection of the creation by St. Theophanes,
the Recluse, Carpathian University named after Augustine Voloshin
(Uzhgorod, Ukraine)

Abstract

The problem of sacralization of the national principle (expressed in particular in the idea and concept of "Holy Russia") in Russian culture and literature has been and remains very relevant. Often she in has gone in contradiction with Christian doctrine. On the theme of "Holy Russia" wrote Fyodor Ivanovich Tyutchev. He perceived the idea not as a utopia, but as a reality. Through "Holy Russia" the poet tried to define the place and role of Russia in the world. Among the poets who developed the concept of "Holy Russia" in his work, can be called Alexei Stepanovich Khomyakov. He was an artist, publicist but, above all, a philosopher, the founder of Slavophilism. His work is full of philosophical and religious motives. In his works the poet

refers to truth, faith, love, prayer. Hamsters were treated the idea of "Holy Russia" is critical. His poetry on the popular for several centuries themes of Holy Russia and the Third Rome is rather the cry of the biblical prophet, a kind of Jeremiah, grief about the sins of "new Jerusalem" than a Eulogy in honor of real (often exaggerated), or imaginary victories and achievements of the Russian (or other) Empire. From a strictly theological point of view, his poetry is close to the artistic (re)presentation of the Christian doctrine (in the purity of its dogmatic understanding); he is talking about the worship of God (adoratio) and veneration of folk shrines. But his voice (the prophet crying in the social desert) was not heard, the poetry was half forgotten. But copper and triumphs continue to resonate in naisseline hectic world.

Keywords: Christianity vs paganism, Holy Russia, conservatism, Slavophilism, heresy, Orthodoxy, romanticism, political poetry, pan-Slavism, Polish question, national idea

Поступила в редакцию 03.01.2019

М. Л. Бедрикова

ББК Ш5(2=Р)

УДК 821.161.1

М. Л. Бедрикова¹

*Магнитогорский государственный
технический университет им. Г. И. Носова
mlbedrikova@gmail.com*

**СПЕЦИФИКА ИЗОБРАЖЕНИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОГО
ПРОСТРАНСТВА В АВТОБИОГРАФИЧЕСКОЙ ПРОЗЕ
К. ПЕТРОВА-ВОДКИНА
(«ХЛЫНОВСК», «ПРОСТРАНСТВО ЭВКЛИДА»)**

Статья посвящена актуальной проблеме литературоведения рубежа XX–XXI вв. – исследованию поэтики пространства в художественном произведении. Объект анализа – русская автобиографическая проза первой трети XX в. В качестве материала для анализа хронотопа избраны автобиографические повести знаменитого российского художника К. Петрова-Водкина (1978–1939) «Хлыновск» и «Пространство Эвклида», написанные в начале 1930-х гг. Воссоздание пространственности позволяет писателю изобразить и осмыслить мир в его цельности. Эта особенность поэтики определяет национальную идентичность художника, его принадлежность русской культуре. Как и для авторов произведений русской классической литературы, запечатлевших пейзажи провинциальных городов, для К. Петрова-Водкина источником для создания пространственных образов является русский фольклор в многообразии его жанров (сказки, легенды, предания об образовании городов). Особую поэтичность портрету родного для К. Петрова-Водкина Хлыновска придают топонимы, детали словесного пейзажа «реконструируемой» живописцем панорамы просторов Волги. Во второй части автобиографической дилогии «Пространство Эвклида» пространственность мышления автора воплощается через изображение множества различных пространств. К. Петров-Водкин обогащает петербургский текст русской литературы самобытными пространственными образами. Автор статьи выдвигает гипотезу: о влиянии в автобиографической прозе К. Петрова-Водкина на систему образов идеи писателя о «власти факта» над человеком; переживание

¹ Бедрикова Майя Леонидовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры языкознания и литературоведения, Магнитогорский государственный технический университет им. Г. И. Носова, г. Магнитогорск, Россия

событий личной жизни в сознании автобиографического героя-повествователя определяется его пространственным мышлением, а не образами времени. Автор статьи опирается на концепцию пространственности русской культуры музыковедом Л. Серебряковой. Методология статьи: автор использует биографический, историко-литературный и типологический методы.

Ключевые слова: К. Петров-Водкин, автобиографическая повесть, русская литература XX века, пространство, живопись

Введение. На рубеже XX–XXI вв. отечественное литературоведение исследует дневники, мемуары, записки, автобиографическую прозу русских писателей (а также живописцев, композиторов и др.) как часть богатейшего культурного наследия России XX в. [2, 87–91]. Полагаем, внимание к автобиографическим произведениям, активизировавшееся в настоящее время, связано с направленностью интересов авторов работ по различной научной проблематике – от широкой (антропологические проблемы, жанрово-стилевой анализ, проблемы национальной идентичности, «личность и история») до узкой, специальной (семиотика повседневности и т. п.). Актуальность данного исследования определяется возросшим интересом читателей, профессиональных критиков, литературоведов к жанровым формам автобиографических произведений, публикуемых значительными тиражами, авторов (известных и малоизвестных), представляющих русскую, советскую культуру. Целью данной работы является изучение специфики художественного пространства в автобиографической прозе выдающегося русского художника Кузьмы Сергеевича Петрова-Водкина.

1. Характеристика исследования. Знаменитый русский художник К. Петров-Водкин (1978–1939) на рубеже XIX–XX вв. обратился к литературному творчеству, позже создал две автобиографические повести – «Хлыновск» (1930) и «Пространство Эвклида» (1932). В 2018 году общественность отметила 140-летие со дня рождения мастера, художника-экспериментатора. Тем интересней исследовать прозаические художественные произведения, в которых К. Петров-Водкин повествует о себе и своем пути в искусстве. Период, который охватывает повествование – с 1878 г. и до 1910 г. приблизительно (повествование в «Пространстве Эвклида» доведено до эпизода с извержением Везувия во время итальянского путешествия в феврале одного года, не датированного автором). Задачи анализа – это выявление функций художественного

пространства в образной системе дилогии повестей «Хлыновск» и «Пространство Эвклида».

1.1. Гипотеза. В статье выдвигается гипотеза: 1) в автобиографической прозе писатель К. Петров-Водкин подвергает рефлексии события прошлого (от рождения до зрелости), опираясь на собственную концепцию «власти фактов» [4, 572]; 2) восприятие событий личной жизни осуществляется и переживается живописцем, писателем не столько через категорию «времени», сколько «пространства», что объяснимо, с точки зрения профессиональной принадлежности пишущего (живописец работает с пространством, предметным миром). В доказательстве нуждается не «точка зрения» профессионала, а собственно философская идея «пространственности», пронизывающая все автобиографическое повествование. Необходимость изучения художественного пространства в образном мире повестей «Хлыновск» и «Пространство Эвклида» обусловлена преобладанием в хронотопе над временной составляющей пространственности, ощущаемой и переживаемой автобиографическим героем К. Петрова-Водкина.

1.2. Методология исследования. Для изучения автобиографического материала использован биографический метод в комплексе с историко-литературным, типологическим. Теоретической базой являются работы М. М. Бахтина [1], а также новейшие монографии по актуальным проблемам литературоведения, искусствоведения, основанные на семиотическом подходе: Л. А. Серебряковой, исследующей «пространство видимых символов и пространство духовности как невидимой порождающей основы» [5, 2]. Интерес для исследователя художественного пространства представляет труд по проблемам типологии сюжетов В. В. Гудковой [3, 385–397].

1.3. Природа автобиографизма прозы К. С. Петрова-Водкина. Сама природа автобиографизма побуждает писателя сосредоточиться на судьбе личности в ее взаимодействии со временем, исторической эпохой. Существует прямая связь между личностью и категорией времени: «За категорией времени тянутся другие проблемы – история и ее осмысление, историческая и родовая память, соотношение мира живых и мира мертвых (это имеет прямое отношение к вопросу о движении времени) <...>» [3, 414]. Анализируя советские сюжеты 1920-начала 1930-х гг., В. В. Гудкова резюмирует: «Течение жизни остановлено, она не меняется, а пребывает. В советской стране всегда светит солнце, всегда бьют кремлевские куранты. Истории больше нет» [3, 415]. Изображение времени в подобном духе характерно

для официальной советской литературы. Движение времени в созданной в начале 1930-х гг. дилогии К. Петрова-Водкина если не «остановлено», то течет неслышно в «замкнутом» пространстве патриархального городка Хлыновска. Лишь в повести «Пространстве Эвклида» течение времени ощутимо ускоряется: в результате интенсивно исторических перемен – в России и на Западе. Однако мотивы «заторможенности» времени у К. Петрова-Водкина все же иные, нежели в произведениях социалистического реализма периода расцвета сталинского государства. Читателю приходится потрудиться, чтобы обнаружить в тексте указание на время описываемых событий. Кажется, что, завершив очередной рассказ, писатель словно спохватывается – необходимо вставить дату, ведь он пишет автобиографическое произведение. Так, в «Хлыновске» на протяжении первых шести глав («По линии матери», «По линии отца», «Линии сходятся», «Линии сошлись», «Зерно, ушедшее с полей», «Начало семьи») описывается предшествующая рождению Кузяши (Кузьмы Петрова-Водкина) жизнь двух семейств (будущих родителей окружении родни) – со слов старших родственников. Провинцию нельзя назвать «глухой», так как предки К. Петрова-Водкина, по одной линии, пришли из Тульской губернии на берега Волги. И только в финале (!) седьмой главы «Рождение» писатель записывает дату рождения: «Было двадцать пятое октября, тысяча восемьсот семьдесят восьмой год» [4, 81]. Выступая в роли летописца истории (эпический пафос подчеркивает краткая стилизованная «старинная» запись), выстраивая генеалогию (сын «сапожника и прислуги» [4, 3], автор вписывает историю своего героя в историю рода, интуитивно сохраненную в памяти. Тем не менее, полагаем, категория «времени», для К. Петрова-Водкина не так значима (но она традиционно значима в мемуарах), – художник старался запечатлеть, разметить в обживаемом им пространстве «знаки» маленьких и больших открытий мира, совершаемых едва брезжащим сознанием новорожденного, затем растущего ребенка, подростка.

1.4. Анализ специфики изображения художественного пространства в автобиографической прозе К. Петрова-Водкина.

Для анализа пространства необходимо понимание природы образности в прозе К. Петрова-Водкина. «Ключ» к нему может дать глава двадцатая «Опасности» из «Пространства Эвклида». Автобиографический герой размышляет о роли «факта» в жизни человека и в искусстве: «Статуя Лаокоона представляет собой типичное явление неподготовленности к факту: выбитый из колеи самозащиты человек *фатально* отдается на волю фактов – змей, и инициатива остается за ними. И в этом

антихудожественность, то есть неправдивость этого произведения и его неактивность <...> самое событие приобретает пустой смысл физиологического протокола» [4, 573]. Не углубляясь в специальную область (историю живописи), отметим рациональное зерно. К. Петров–Водкин, признавая власть «факта», его «железных законов» над человеком, приходит к выводу: «...он <человек – М. Б.> одинаково участвует в событии, как и событие в нем» [4, 573]. В своем прошлом писатель стремится рассмотреть «сигналы», смысл которых уже открылся ему в сегодняшнем бытии. В «Хлыновске» он воссоздает картину народной жизни. Это самобытный мир, который существует благодаря «сердцевине» – реке-матушке Волге. Городское пространство Хлыновска разомкнуто в речной простор: «Хлыновск расположен на скате плоскогорья, спускающегося к Волге, и окружен амфитеатром меловых и песчаных гор, густо заросших строевой и мачтовой сосной <...>» [4, 19]. История Хлыновска типична для старинных поволжских городов. К. Петрова-Водкин в главе второй «По линии отца» идеализирует городок: его автобиографический герой-повествователь расцветивает предметы крестьянского, городского быта, образы родной природы. Пространство, обживаемое маленьким Кузьмой, предстает в форме развернутой метафоры – «сказочной страны». Похожие образы есть в русской классической литературе (Калинов в драме «Гроза» А. Островского). Источником метафоры «сказочная страна» является русский фольклор: сказки, легенды, предания об образовании городов. Особую поэтичность и прелесть придают портрету Хлыновска топонимы, детали пейзажа «реконструируемой» величественной панорамы: «На севере выдвинулся в Волгу Федоровский бугор, от него по окружности к югу: Таши – оголенная меловая глыба... Дальше – Богданиха <...>, еще южнее Четырнадцать Братцев – гор и за ними Черемшаны <...>» [4, 20]. Детализация подчеркивает традиционную топику. В сцене-панораме есть эмоциональная кульминационная точка – живописание пейзажей яблоневых садов. Гордость хлыновцев – яблоки знаменитых сортов «анис», «черное дерево», «скрут». Образ «сада», «эдема», яблоневого «рая», что «вокруг города», повествователь подчеркивает, когда приводит мнение европейцев о Хлыновске как «земном рае» и сопоставляет с точкой зрения жителей: «Если бы это у нас <...> – что бы мы с этим раем сделали! – говорили мне друзья-иностранцы. <...> – Эх, не жизнь, а каторга... Кабы дорогу чугунную провели, – вот то пошло бы золото, – говорили обитатели» [4, 20]. Традиционные картины земных человеческих трудов, жизнь по календарю земледельца. Важнейшим событием первых глав является свадьба,

венчающая «замкнутое», циклическое время сельского календаря (глава «Линии сошлись»). Обряд воспроизводится по рассказу матери Кузмы – Анены (Аненки): смотрины, слезы невесты, ее смирение перед судьбой: «Вот так и помирилась я с судьбой моей. Любят весну за красоту, а лето – за богатство» [4, 50]. Счастье в том, что «сошедшиеся линии» двух родов привели к счастливому браку и рождению нового человека.

В главе седьмой «Рождение» топика локализована, сужена до пространства избы. Мастерят колыбель, укрывающую от бурь малютку, расписанную «одним «небесным колером <...> во всех нюансах. – Цветики небесные, которыми земля держится и не колеблется» [4, 75]. Любопытная деталь: мастер – «несомненный художник народных толщ», для чертежа колыбели использовал синий и красный цветные карандаши. Красный и синий доминируют в дальнейшем среди других цветов на знаменитых картинах К. Петрова-Водкина. Появление на свет – непрерывное адаптирование новорожденного к пространству: «борьба восприятий озадачивает крошечное земное существо: оно протягивает руку <...> оно не знает еще фокуса для определения расстояния» [4, 95]. «Это было четырехмерное распространение себя в мире. Еще не начали собираться тверди <...>, за которые он будет хвататься щупальцами чувств, затвердевать сам и вводить себя в рамки трехмерия Эвклида <...>» [4, 81]. В детстве сформировался сильный характер героя. «Сказочный» мир Хлыновска уходит в сознании Кузяши в детские «сны» под влиянием «железных законов» реальности («власть факта»). Отца забирают в солдаты, и близким приходится следовать за кормильцем на место дислокации Новочеркасского полка. Пространство резко изменяется. Пространство в десятой главе «Охта – пустая улица» контрастирует с протранственностью хлыновских пейзажей. Вместо слов «родина», «родной город» появляется «местожительство». В. Гудкова отмечает разницу между топосом «дом» и «жилплощадь»: «...интимность превращается в пространство общее, распаханное и не защищенное от внешнего воздействия» [3, 386]. Охта ассоциативно связана в повествовании с «пустотой», «пустынностью». Автобиографический герой-повествователь категорично определяет географию Охты: «это там, где-то». В главе «Казармы» место действия переносится в казармы полка в Санкт-Петербурге. Писатель следует традиции «петербургского текста», когда сопоставляет два уровня восприятия – исторического пространства величественного Петербурга, впервые увиденного Кузяшей (начало 1880-х гг.), и личного пространства семьи. Пришедшаяся на время жизни в казарме тяжелая болезнь,

чуть не стоившая Кузьме жизни (ему было около пяти лет), обострила его восприятие. На всю жизнь запомнился пейзаж: «Неистовствовал Медный всадник <...> вдувал, казалось, <...> медными легкими в мертвые каналы, башни и шпицы свою пьяную энергию ...Медленно, скрипя ржавыми колесами, поворачивался Санкт-Петербург на русское – слишком русское...» [4, 120]. Л. А. Серебрякова подчеркивает зависимость между пейзажем и пространством в русском искусстве и онтологической проблематикой смысла жизни и национального бытия: «... Развертывание пространства макромира, важное само по себе, одновременно выступает и средством изображения, служит выражению картины души народа, формируемой филогенетически в этих необозримых просторах <...>» [5, 208]. Урбанистические описания Петербурга контрастируют с описаниями «светлых изб» Хлыновска, которые К. Петров-Водкин назвал «бытовым романтизмом» [4, 85]. Ребенок из русского мира выходит в мир Запада. Пространство Петербурга для К. Петрова-Водкина – своеобразный «переход» к освоению новых пространств. В «Пространстве Эвклида» упоминается сильное влияние пушкинского «Медного всадника» на «ритмическое» начало в его творчестве: «Поэт сделал его <силуэт конной статуи – М. Б.> флюгером Петрополя, Петрограда, Петербурга» [4, 107]. Петров-Водкин читает «знаки» изменений пространства города: «Есть захватывающие предгибельные моменты в жизни Петербурга, когда сама природа поведет атаку на его твердыни <...>» [6, 347]. Повествователь завершает шестую главу размышлением о неподготовленности «маленьких людей» к столкновению с фатальностью

Заключение. Анализ автобиографических повестей К. Петрова-Водкина «Хлыновск» и «Пространство Эвклида» выявил преобладание пространственности над временной составляющей в хронотопе его художественной прозы. 1) Автобиографический герой-повествователь поверяет прошлое оригинальной идеей «власти фактов» над человеком [4, 572]. 2) Переживаемые автобиографическим героем-повествователем события личной жизни воплощаются не в образах «времени», а в самобытных образах пространства. 3) Философская идея «пространственности», пронизывающая все автобиографическое повествование, художественно осмыслена в автобиографической прозе К. Петрова-Водкина в изображении пространственных образов народной жизни и постигается как основа духовности и цельности русского мира.

Литература

1. Бахтин, М. М. Вопросы литературы и эстетики / М. М. Бахтин. – М.: Художественная литература, 1975. – 504 с.
2. Бедрикова, М. Л. Русская литература и музыка на рубеже XX–XXI вв.: к вопросу о национальной идентичности / М. Л. Бедрикова // Libri Magistri. – 2018. – Вып. 5. Аксиологический диалог культур. – С. 87–91.
3. Гудкова, В. В. Рождение советских сюжетов: типология отечественной драмы 1920–начала 1930-х годов / В. В. Гудкова. – М.: Новое литературное обозрение, 2008. – 456 с.
4. Петров-Водкин, К. С. Две повести: Хлыновск; Пространство Эвклида / Кузьма Петров-Водкин. – М.: Книжный Клуб Книгоvek, 2016. – 632 с.
5. Серебрякова, Любовь. В поисках обретаемого смысла. Русская музыка в движении времени / Любовь Серебрякова. – М.: Аграф, 2017. – 560 с.

REFERENCES

1. Bahtin, M. M. Voprosy literatury i ehstetiki / M. M. Bahtin. – Moscow: Hudozhestvennaya literatura, 1975. – 504 s.
2. Bedrikova, M. L. Russkaya literatura i muzyka na rubezhe XX–XXI vv.: k voprosu o nacional'noj identichnosti [Russian Literature and Music at the Turn of XX–XXI Centuries: National Identity] / M. L. Bedrikova // Libri Magistri. Vypusk 5. Aksiologicheskij dialog kul'tur [Libri Magistri. Issue 5. Axiological dialogue of cultures]. – 2018. – S. 87–91.
3. Gudkova, V. V. Rozhdenie sovetskih syuzhetov: tipologiya otechestvennoj dramy 1920–nachala 1930-h godov / V. V. Gudkova. – Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2008. – 456 s.
4. Petrov-Vodkin, K. S. Dve povesti: Hlynovsk; Prostranstvo Evklida / Kuz'ma Petrov-Vodkin. – Moscow: Knizhnyj Klub Knigovek, 2016. – 632 s.
5. Serebryakova, Lyubov'. V poiskah obretaemogo smysla. Russkaya muzyka v dvizhenii vremeni / Lyubov' Serebryakova. – Moscow: Agraf, 2017. – 560 s.

K. PETROV-VODKIN'S AUTOBIOGRAPHIC PROSE

(«HLYNOVSK», «EUCLID'S SPACE»):

SPECIFICS OF REPRESENTATION OF THE ART SPACE

M. L. Bedrikova

Assistant Professor, Candidate of of Sciences (Philology), Department of Linguistics and Study of Literature, Nosov Magnitogorsk State Technical University (Magnitogorsk, Russia)

Abstract

The article is devoted to the actual problem of literary criticism of the turn of the XX – XXI centuries – the study of poetics space in a work of art. The object of analysis of this article is Russian autobiographical prose of the first third of the twentieth century. Autobiographical novels by famous Russian artist K. Petrov-Vodkin (1978–1939) «Hlynovsk» and «Euclid's Space» created in the early 1930s were chosen as the material for analysis in chronotope aspect. Recreation of spatiality allows the writer to depict and comprehend the world as a whole. This feature of poetics determines the national identity of the artist, his belonging to Russian culture. The source of spatial images for K. Petrov-Vodkin is Russian folklore in diversity of its genres (fairy tales, legends, stories about the formation of cities) as for authors of works of Russian classical literature depicting landscapes of provincial cities. Toponyms, details of verbal landscape of Volga panorama «reconstructed» by the painter give particular poetry to Hlynovsk's portrait. Author's spatiality of thinking is embodied in many different spaces in the second part of autobiographical dilogy «Euclid's Space». The Petersburg's text of Russian literature is enriched with distinctive spatial images by K. Petrov-Vodkin. The author of this article puts forward a hypothesis about the influence on the system of images of autobiographical prose of his idea of the «power of fact» over a man – the experience of personal life events in mind of autobiographical character-narrator is determined by his spatial thinking and is not by images of time. The author of this article relies on the concept of spatiality of Russian culture by musicologist L. Serebryakova. Biographical, historical, literary and typological methods are used in this article.

Keywords: K. Petrov-Vodkin, autobiographical novel, Russian literature of twentieth century, art space, painting

Поступила в редакцию 01.02.2019

РАЗДЕЛ II. ПОЭТИКА Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО

ББК 83.3
УДК 821.161.1

Ф. В. Макаричев¹
Санкт-Петербургский университет МВД РФ
spbfell@mail.ru

ФУНКЦИЯ ИРОНИИ В РОМАНАХ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО

В статье оцениваются функции иронии и самоиронии героев в романах Ф. М. Достоевского, присутствие иронии в которых, является существенным, почти сюжетобразующим, элементом поэтики в первую очередь – в «Бесах» и «Подростке». Функция иронии в этих романах достаточно контрастна. Если в «Бесах» ироническим тоном хроникера окрашено буквально все, то в «Подростке» ирония более локальна, так как связана, прежде всего, не с образом повествователя, а с образом Версилова. Возможно поэтому недостаток внешней иронии компенсируется самоиронией героя. Самоирония героя – признак зрелости, возросшей способности критической самооценки, с другой – мягкая форма проявления «двойничества», драматичного раздвоения, даже расслоения, личности. Самоиронии можно рассматривать как следствие «ролевой множественности» личности. Каждая из ролей этих героев оказывается неоднозначной. В центре внимания – авторская ирония, ирония хроникера, а также ирония и самоирония персонажей. Также выявляется функциональная зависимость иронии от жанровой природы повествования. Прослеживаются изменения в статусе субъекта и объекта иронии от романа к роману. Концентрация иронии в романе «Бесы» намного выше, чем в других романах Ф. М. Достоевского за счет сочетания иронии и самоиронии повествователя и персонажей и авторской иронии, характерной для жанра политического памфлета. В следующем романе-исповеди «Подросток», на фоне угасания иронии повествователя, возрастает роль иронии и самоиронии Версилова. В «Братьях Карамазовых», в силу особенностей жанровой природы произведения, происходит возврат к более сбалансированному распределению иронии между хроникером и персонажами.

¹ Макаричев, Феликс Вячеславович, доктор филологических наук, доцент кафедры социально-экономических и гуманитарных дисциплин Ленинградского областного филиала Санкт-Петербургского университета МВД РФ, г. Санкт-Петербург, Россия

Ключевые слова: функция иронии, самоирония, герой-ироник, двойничество, романтический образ

Ирония и самоирония героев Достоевского – тема для обширного исследования. В рамках сложившейся типологии героев Достоевского есть одна лакуна, недостающее звено, ниша... А именно – герои-ироники. Тема эта, однажды поднятая в работе Т. А. Касаткиной [3], так и не получила должного внимания и не нашла всестороннего освещения. Хотя отдельные замечания и ценные наблюдения (в рамках работ на другие темы) были сделаны.

В свете нашей темы хотелось бы, прежде всего, обратиться к двум романам, присутствие иронии в которых является существенным, почти сюжетообразующим элементом поэтики: «Бесам» и «Подростку».

Функция иронии в этих романах достаточно контрастна. Если в «Бесах» ироническим тоном хроникера окрашено буквально все, то в «Подростке» ирония более локальна, так как связана, прежде всего, не с образом повествователя, а с образом Версилова. Возможно поэтому недостаток внешней иронии («милующей благодати автора») компенсируется самоиронией героя: если над Степаном Трофимовичем иронизирует хроникер и другие лица (сам же Степан Трофимович как будто не замечает смешного в своем поведении), то в «Подростке» Версиров наделяется способностью к самоиронии, что также свидетельствует о более сложном характере, о возросшей критической самооценке героя. Причем эту самоиронию нельзя свести к светской привычке, как это делает Подросток. Он замечает в отце следующее: «У этого Версилова была подлейшая замашка из высшего тона: сказав (когда нельзя было иначе) несколько преумных и прекрасных вещей, вдруг кончить нарочно какой-нибудь глупостью <...>. Это он делал нарочно и, вероятно, сам не зная, зачем, по глупейшей светской привычке. Слышать его – кажется, говорит очень серьезно, а между тем про себя кривляется или смеется» [2, XIII, 108].

Самоирония Версилова еще и выплеск возросшей (по сравнению с «Бесами») иронической активности автора. В романе ей просто некуда деться, а такой второстепенный персонаж, как князь Сокольский, хотя и не упускает возможности для иронического самовысказывания, но все же не может обеспечить полноценный выход этой творческой стихии. Если в «Бесах» есть кому замолвить словечко и за Степана Трофимовича: «... это такой человек <...> его через час опять переисповедовать надо будет!» [2, X, 505], то в «Подростке» суть этого высказывания передается в иронической самохарактеристике Версилова: «Друзья мои, я очень люблю Бога, но – я к этому не способен» [2, XIII, 447]. Примечательно, что до невероятных высот самоиронии оба героя поднимаются в наиболее трагические минуты жизни. Характерное признание Степана Трофимовича: «Друг мой, я всю жизнь мою лгал. Даже когда говорил правду» [2, X, 497].

С одной стороны, самоирония героя – признак зрелости, возросшей способности критической самооценки, с другой – мягкая форма проявления «двойничества», драматичного раздвоения, даже расслоения, личности. Самоирония – это следствие «ролевой множественности» личности. Каждая из ролей этих героев оказывается неоднозначной, начинает «двоиться»: «человек умнейший [хроникер о Степане Трофимовиче Верховенском – Ф. М.] и даровитейший, человек, так сказать, даже науки, хотя, впрочем, в науке... ну, одним словом, в науке он сделал не так много и, кажется, совсем ничего», отец, но устранившийся от воспитания сына (справедливо как по отношению к Степану Трофимовичу, так и к Андрею Петровичу), любящий муж, не считающий свою жену настоящей женщиной (Версиров), выразитель идеи предназначения дворянства, утративший бывшее дворянское величие, человек, претендующий на высокую духовность, но блекнувший перед странником Макаром и т. д. Эта неоднозначность проявляется даже в мимике героев, о чем свидетельствуют многократные ремарки хроникера и Аркадия. Аркадия поражает и даже возмущает неизменно ироническое выражения лица Версирова, сопровождающее любое его серьезное высказывание. Характерен ответ Версирова на вопрос Аркадия о матери: «Но ведь была же и она когда-то живая? Ведь вы что-нибудь полюбили же в ней? Ведь была же и она когда-то женщиной?

– Друг мой, если хочешь, никогда не была, – ответил он мне, тотчас же скривившись в ту первоначальную, тогдашнюю со мной манеру, столь мне памятную и которая так бесила меня: то есть, по-видимому, он само искреннее простодушие, а смотришь – все в нем одна лишь глубочайшая насмешка, так что я иной раз никак не мог разобрать его лица» [2, XIII, 103].

Возможно, эта самоирония Версирова является наследием романтической составляющей образа Ставрогина. В Версирове романтизм Ставрогина частично преодолен. Версиров как бы «завершает» романтический образ Ставрогина, хотя рудиментарно этот романтизм дает о себе знать и в Иване Карамазове.

Для Версирова, как и для Ставрогина, характерна внутренняя борьба, «двойные» мысли и чувства, одновременное «сочетание противоположностей». В тексте романа достаточно оснований для сопоставления этих двух героев – Версирова и Ставрогина, а в ПМ к «Подростку» есть и прямые указания на эту преемственность [2, XVI, 7]. Их признания вступают в прямую переключку. Например, Версиров признается: «Хоть бы я был слабохарактерною ничтожностью и страдал этим сознанием! А то ведь нет, я ведь знаю, что я бесконечно силен, и чем, как ты думаешь? А вот

именно эту непосредственную *силою уживчивости* [выделено мной – Ф. М.] с чем бы то ни было, столь свойственно всем умным русским людям нашего поколения. Меня ничем не разрушишь, ничем не истребишь и ничем не удивишь. Я живуч, как дворовая собака. Я могу чувствовать преудобнейшим образом два противоположные чувства в одно и то же время – и уж конечно не по моей воле. Но тем не менее знаю, что это бесчестно, главное потому, что уж слишком благоразумно. Я дожил почти до пятидесяти лет и до сих пор не ведаю: хорошо это, что я дожил или дурно. Конечно, я люблю жить, и это прямо выходит из дела; но любить жизнь такому, как я, – подло. В последнее время началось что-то новое, и Крафты не уживаются, а застреливаются. Но ведь ясно, что Крафты глупы; ну а мы умны – стало быть, и тут никак нельзя вывести параллели, и вопрос все-таки остается открытым» [2, XIII, 172].

Эти мысли и ощущения героя «Подростка» близки Ставрогину (даже дословно). В предсмертном письме Николай Всеволодович пишет Даше: «Я пробовал везде мою силу <...>. На пробах для себя и для показу, как и прежде во всю мою жизнь, она оказывалась беспредельною. <...> Но к чему приложить эту силу – вот чего никогда не видел, не вижу и теперь. <...> Я все так же, как и всегда прежде, могу пожелать сделать доброе дело и ощущаю от того удовольствие; рядом желаю и злого и тоже чувствую удовольствие. <...> Великодушный Кириллов не вынес идеи и – застрелился; но ведь я вижу, что он был великодушен потому, что не в здравом рассудке. Я никогда не могу потерять рассудок и никогда не могу поверить идее в той степени, как он. Я даже заняться идеей в той степени не могу. Никогда, никогда я не могу застрелиться!» [2, X, 514]. Здесь близость главных героев подчеркивается двумя рифмующимися парами «идеологических учеников»: Кириллов – Шатов, Крафт – Васин.

Версиров наследует холодный и разумный нигилизм Ставрогина. Роднит их и внутренне ощущение безграничной собственной силы, и способность испытывать два противоположных чувства одновременно, и развращенность сознания, и неспособность на искреннее чувство-поступок, отсутствие настоящей веры и ее страстный поиск; общей для них является и ощущение «вековой тоски». Сближает их и то, что личность каждого из них раздваивается, диссоциирует, распадается на множество личин.

Ошутимая переключка этих образов и дала основание С. Аскольдову сделать вывод о близости Ставрогина и Версилова и об их противопоставленности паре «Раскольников – Иван Карамазов»: «Внутренняя борьба Версилова, а в ней-то и заключена его жизненная задача – заключается в противопоставлении его, в общем уравновешенного, чрезвычайно зрелого и утонченного, душевного

склада не просто страстям и каким-нибудь душевным бурям, а тому, что он называет своим фатумом. Он фатально прикован к Ахмаковой, которую он одновременно и любит, и ненавидит и в общем не весьма высоко ставит» [1, 20]; «Версиров является человеком гораздо более зрелым, чем Карамазов (Иван – Ф. М.) и Раскольников, и однако он действует гораздо более стихийно и порывисто, чем они» [1, 20].

На последних замечаниях Аскольдова хотелось бы остановиться подробнее. Дело в том, что вышеобозначенные характерологические параметры личности Версирова по целому ряду признаков пересекаются с характеристикой другого героя, по непонятной нам причине выпавшему из поля зрения Аскольдова – Свидригайлова. Как и Версиров, этот герой относится к старшему поколению. В «многосторонней широкости» его жизненных рефлексий, в знании человеческой натуры и женской психологии в романе «Преступление и наказание» ему практически нет равных. В интеллектуальном отношении герой не уступает многим героям-мыслителям (Раскольников, Карамазов и др.), хотя его пронизательный ум не обременен поиском теоретических обобщений на религиозно-нравственные, культурологические и другие темы. Любая «теория» для него, как мы знаем, – «теория, как и всякая другая». Вместе с тем, один только шелест Дуниного платья способен довести героя почти до падучей [2, VI, 367]. В каком-то смысле Дуня оказывается для Свидригайлова таким же «фатумом», как и Ахмакова для Версирова. Можно обнаружить и другие «общие точки» между этими героями. Достаточно вспомнить, каким «складным человеком» самохарактеризуется Свидригайлов [2, VI, 224].

Характерно, что в этой приживальщицкой уживчивости в Свидригайлове, как и Версирове, ощущается свойственная обоим героям неприкаянность: «Верите ли, хотя бы что-нибудь было; ну, помещиком быть, ну, отцом, ну, уланом, фотографом, журналистом... ничего, никакой специальности! Иногда даже скучно» [2, VI, 359]; «Странно и смешно: ни к кому я никогда не имел большой ненависти, даже мстить никогда особенно не желал, а ведь это дурной признак, дурной признак! Спорить тоже не любил и не горячился – тоже дурной признак!» [2, VI, 390]. Есть общее и в жизненных судьбах: Свидригайлов застрелился, Версиров – сделал попытку. Но у Версирова есть Софья – у Свидригайлова нет даже Дуни. Вся эта общность мотивов у Свидригайлова и Версирова, возможно, определяются творческими установками на «Житие великого грешника». Прообразом «великого грешника» могут служить уже черновые наброски к образу Свидригайлова в ПМ к «Преступлению и наказанию» [2, VII, 156, 158].

Свидригайлову, как и Версирову, свойственна ирония, и, что еще более важно, самоирония. Примечательно, что и Т. А. Касаткина,

выделяет иронию в Версилове, Свидригайлове и Ставрогине как стержневую и разрушительную, с ее точки зрения, эмоционально-ценностную ориентацию. Т. А. Касаткина выстраивает градацию по степени ироничности героев и отдает в этом отношении первое место Ставрогину, называя его «абсолютным ироником» [3, 158–159]. К сожалению, исследователь не обратил должного внимания на возможную «разновекторность» приложения иронии. С этой точки зрения открывается еще одна, дополнительная, перспектива: обращенность иронии «вовне» и «на себя». И в этом случае Ставрогин занимает далеко не первое место. Ирония вообще – признак зрелого ума. Ставрогин умный, но еще не созрел. Он легко иронизирует по поводу других («Я не пью», «Вы, разумеется, не войдете в семейство»), но даже легкий намек на иронию в свой адрес («У Тихона») воспринимает болезненно, самоиронии герою явно недостает. Дефицит самоиронии ощущается и в Степане Трофимовиче (как мы уже отметили, в основном, за счет «избыточной» иронии повествователя). В Версилове же ирония и самоирония достигают наибольшей сбалансированности. Стоит отметить, что у провинциального помещика Федора Павловича эта самоирония, достигнув гипертрофированного развития, вырождается уже в откровенное ерничество и шутовство. Возможно, шутовство Федора Павловича представляет собой сниженный вариант этой светской иронии. Характерно замечание повествователя в «Братьях Карамазовых», описывавшего поведение Федора Павловича: «Есть у старых лгунов, всю жизнь свою проактерствовавших, минуты, когда они до того зарисуются, что уже воистину дрожат и плачут от волнения, несмотря на то, что даже в это самое мгновение (или секунду только спустя) могли бы сами шепнуть себе: «ведь ты лжешь, старый бесстыдник, ведь ты актер и теперь, несмотря на весь твой я ”святой” гнев и “святую минуту гнева”» [2, XIV, 68]; или в другом месте: «Опять нотабене. Никогда и ничего такого особенного не значил наш монастырь в его жизни, и никаких горьких слез не проливал он из-за него. Но он до того увлекся выделанными слезами своими, что на одно мгновение чуть было себе сам не поверил; даже заплакал было от умиления...» [2, XIV, 83–84]. По сравнению со Ставрогиным, Версиловым и даже Свидригайловым, в которых в той или иной степени «просвечивают» элементы «русского дворянского барства», интеллигентности, образ Федора Павловича является наименее «умышленным», откровенно профанным.

В «Преступлении и наказании» ирония повествователя практически отсутствует. В этом романе ироничны (в основном, в адрес главного героя, Раскольникова) лишь реплики Свидригайлова, Порфирия Петровича и служанки Настасьи. В «Идиоте» функция

иронии значительно шире: ею подсвечены образы многих героев. Заметно нарастает и авторская ирония: ею окрашены как ремарки повествователя (в отношении множества персонажей), так и реплики отдельных героев (Рогожина, Лебедева, Генерала Епанчина, Фердыщенко, Келлера, Ипполита Терентьева и некоторых других). В «Бесах» иронией пронизано уже буквально все – роман просто наэлектризован иронией и потому как бы искривляется ею с первых же страниц романа. Такой «переизбыток» иронии имеет жанровое оправдание: роман «Бесы» – политический памфлет, ирония во многом сглаживает идеологические искривления художественного пространства произведения. Здесь иронизируют очень многие: прежде всего хроникер (в отношении Степана Трофимовича, Варвары Петровны, Кармазинова, Юлии Михайловны и Андрея Антоновича фон Лембке), Степан Трофимович (в отношении целого сонма лиц), с переменным успехом Ставрогин (по убывающей – в отношении Петра Степановича, «наших», Шатова, Кириллова, Лебядкина, Тихона, Липутина...) В «Подростке» царит атмосфера светской иронии и самоиронии отцов – Версилова и старого князя Сокольского. Причем ирония явно распределяется по старшинству: князь Сокольский иронизирует в большей степени по поводу Версилова («вериги», «бабий пророк» и проч.), в нем также проглядывает и самоирония: «Ну, пусть там монах или пустынник, – а тут человек ходит во фраке, ну, и там все... и вдруг его мощи! Странное желание для светского человека и, признаюсь, странный вкус. Я там ничего не говорю: конечно, все это святыня и все может случиться... К тому же все это *de l'inconnu*, но светскому человеку даже и неприлично. Если бы как-нибудь случилось со мной, или там мне предложили, то, клянусь, я бы отклонил. Ну я, вдруг, сегодня обедаю в клубе и вдруг потом – являюсь! Да я насмешу!» [2, XIII, 32]. Ирония Версилова направлена, в основном, на Аркадия и самого себя. Примечательно, что в «Братьях Карамазовых» происходит как бы возврат иронии повествователю (ею окрашены юмористические «вставные новеллы» о злоключениях Митеньки, многовалентные взаимоотношения мадам Хохлаковой, сцены суда...).

Литература

1. Аскольдов, С. А. Психология характеров у Достоевского / С. А. Аскольдов // Достоевский: Статьи и материалы. Сб. 2 под ред. А. С. Долинина. – Л.: Мысль, 1924. – С. 5-27.
2. Достоевский, Ф. М. Полное собр. соч.: в 30 т. / Ф. М. Достоевский. – Л.: Наука. 1973–1990.
3. Касаткина, Т. А. Характерология Достоевского / Т. А. Касаткина. – М.: Наследие, 1996. – 336 с.

References

1. Askol'dov, S. A. Psixologiya xarakterov u Dostoevskogo // Dostoevskij: Stat'i i materialy. Sb. 2 pod red. A. S. Dolinina. – Leningrad, 1924. – S. 5-27.
2. Dostoevskij, F. M. Polnoe sobr. soch.: v 30 t. – Leningrad: Nauka.1973–1990.
3. Kasatkina, T. A. Xarakterologiya Dostoevskogo. – Moscow: Nasledie, 1996. – 336 s.

F.M. DOSTOEVSKY'S NOVELS: FUNCTION OF IRONY

F.V. Makarichev

Doctor of Philology, Assistant Professor, Saint-Petersburg University
of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation
(Saint-Petersbur, Russia)

Abstract

In article functions of irony in novels by Dostoyevsky "Demons" and "The Adolescent" are designated. The author's irony, irony of the reporter and also irony and self-irony of characters are the focus of attention. The functional dependence of irony on the genre nature of the narration comes to light. Changes in the status of the subject and an object of irony from the novel to the novel are traced.

In article functions of irony in novels by F.M. Dostoyevsky, first of all – in "Demons" and "The Adolescent" are estimated. The author's irony, irony of the narrator and also irony and self-irony of characters are the focus of attention. Also the functional dependence of irony on the genre nature of the narration comes to light. Changes in the status of the subject and an object of irony from the novel to the novel are traced. Concentration of irony in the novel "Demons" is much higher, than in other novels by F. M. Dostoyevsky at the expense of a combination of irony and self-irony of the storyteller and characters and the author's irony characteristic of a genre of the political pamphlet. In the following novel confession "The Adolescent" against the background of fading of irony of the storyteller, the role of irony and Versilov's self-irony increases. In "The Brothers Karamazov", owing to features of the genre nature of the work, there is a return to a more balanced distribution of irony between the reporter and characters.

Keywords: function of irony, self-irony, ironic, duplicity, romantic image

Поступила в редакцию 24.01.2019

УДК 83.3
ББК 821.161

Н. А. Макаричева¹
Санкт-Петербургский государственный
экономический университет
812nataly@mail.ru

**ГЕНДЕРОЛОГИЧЕСКИЕ ИСКАНИЯ
Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО В ПОВЕСТЯХ «ДЯДЮШКИН
СОН» И «СЕЛО СТЕПАНЧИКОВО И ЕГО ОБИТАТЕЛИ»**

В центре внимания – две «комические повести» Ф. М. Достоевского, написанные в один период. В плане художественной гендерологии между произведениями наблюдается несомненная связь. Гендерологические искания Достоевского достаточно выразительно воплощаются в первом послекаторжном произведении – в «Дядюшкином сне». В повести «Дядюшкин сон» автор в комическом виде рисует картину победы «феминизма» в семейных отношениях. Мотив разительной возрастной разницы почти в пародийном виде выражен в повести: дряхлый, но состоятельный старик-князь не прочь жениться на молодой девушке. Причем его мечтания продиктованы не половым, а эстетическим инстинктом. В «Дядюшкином сне» развернут широкий спектр именно женских типажей и характеров, для которых мужчины как будто заведомо «не в счет» (Наталья Дмитриевна и ее ничего не значащий муж, Софья Петровна, быющая мужа и выпивающая несколько рюмок водки в день, Степанида Матвеевна, «обладающая» князем и его свободой). Но центральную роль играет Москалева. Если в «Дядюшкином сне» очевиден комический феминизм, то в «Селе...» общая картина складывается почти обратным образом. Как будто Достоевский кардинально меняет полюса в другом произведении для соблюдения некоего баланса точек зрения. В «Селе Степанчикове и его обитателях» дается обратный вариант – показан результат пагубного воздействия мужского влияния Фомы Опискина на семью Ростанева. В роли интригана, умело манипулирующего за счет знания женской психологии, в повести выступает мужчина – Мизинчиков. Именно от этого образа развивается галерея мужских персонажей в последующем творчестве Ф. М. Достоевского: князь Валковский, Свидригайлов, Тоцкий и другие.

¹ Макаричева Наталья Александровна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и литературы, Санкт-Петербургский государственный экономический университет, г. Санкт-Петербург, Россия

Ключевые слова: художественная гендерология, сюжет неравного брака, феминизм, антифеминизм, мужские и женские роли

Перспектива для гендерологических исканий Достоевского после каторги была связана, прежде всего, с его жизненным опытом. А в жизненном опыте важнейшими были влюбленность и женитьба на Марии Исаевой (младше на 3 года); затем отношения с Аполлинарией Суловой (разница в 19 лет). И наконец, в его жизнь вошла Анна Сниткина (уже 25 лет разницы в возрасте).

Примечательно, что и художественном творчестве Достоевского разница в возрасте между мужчинами и женщинами тоже периодически подчеркивается. Иногда она компенсируется мотивом влюбленности, но чаще трактуется писателем негативно. Как правило, это связано со сладострастием мужчин (Юлиан Мастакович, Свидригайлов, Тоцкий, Федор Павлович Карамазов).

Гендерологические искания Достоевского достаточно выразительно воплощаются в первом послекаторжном произведении – в «Дядюшкином сне».

Мотив значительной возрастной разницы почти в пародийном виде выражен в повести: дряхлый, но состоятельный старик-князь не прочь жениться на молодой девушке. Причем его мечтания продиктованы не половым, а эстетическим инстинктом – Зина Москалева очень хороша собой и прекрасно поет.

С женской стороны также не может идти речь о половом инстинкте – он замещается меркантильным. Замужество дочери позволит ее маменьке, Марье Москалевой, реализовать собственные амбиции. В «Дядюшкином сне» мать уговаривает дочь: «Но зачем же, дитя мое, смотреть непременно с этой точки зрения, – с точки зрения обмана, коварства, корыстолюбия? <...> Взгляни на себя в зеркало: ты так прекрасна, что за тебя можно отдать королевство! И вдруг ты, – ты, красавица, жертвуешь старику свои лучшие годы! Ты, как прекрасная звезда, осветишь закат его жизни; ты, как зеленый плющ, обовьешься около его старости» [2, II, 326].

Когда уговоры не срабатывают, мать подключает гуманистическую, как бы «христианскую» точку зрения. Не срабатывает и она – мать – апеллирует к девичьим инстинктам: дочь влюблена в молодого человека, который умирает от чахотки, и именно брак по расчету позволил бы спасти возлюбленного, а возможно, и воссоединиться с ним (ведь дряхлый муж не вечен). Именно это оказывается верным ключиком к сердцу девушки.

Примечательно, что Зина поддается на уговоры матери по женскому инстинкту – она явно влюблена в своего бедного Васю, – но драпируется это под самоотвержение: нужно спасти юношу посредством замужества с богатым князем. Подобное же намерение позднее, в «Преступлении и наказании», преобразится в готовность Дуни Раскольниковой выйти замуж даже за пошлого Лужина ради благополучия близких. В обоих случаях происходит конфликт девичьих инстинктов. В отношении к кандидату в мужья наблюдается явно выраженное гендерное неприятие. Но оно в принципе преодолимо, когда ему противостоит влюбленность или самоотверженное желание спасти своих близких. В обоих случаях планы разрушены волею обстоятельств. В более позднем романе, быть может, сыграли свою роль еще и зарождающиеся чувства Дуни к Разумихину.

Следующее (и, на наш взгляд, важнейшее) гендерологическое открытие писателя в «Дядюшкином сне» связано с соотношением женской и мужской личностной состоятельности персонажей. Достоевский, как известно, придерживался консервативных взглядов на взаимоотношения мужчин и женщин. Но в своей *комической повести* он демонстрирует пародийные результаты полной победы феминизма. Это движение зародилось в России именно в 1850-е годы. Получается, что в большой литературе Достоевский оказался едва ли не первым, кто на это явление откликнулся, причем резко негативно. Многих серьезных задач феминизма (женское образование, право на труд, избирательные права) он в повести не затрагивает. Но общий и психологически решающий вопрос – равноправие мужчин и женщин, в том числе в семейно-брачных отношениях – представлен Достоевским в пародийно искаженном выражении, как полное доминирование женщин. Все персонажи-мужчины явно им проигрывают, женщины не принимают их самостоятельность всерьез. В предельном виде это сказывается в намерениях Марьи Москалевой относительно князя: «В крайнем случае можно даже и напоить его или, еще лучше, держать его постоянно пьяным» [2, II, 357].

Примечательно, что в «Дядюшкином сне» развернут широкий спектр именно женских типажей и характеров, для которых мужчины как будто заведомо «не в счет» (Наталья Дмитриевна и ее ничего не значащий муж, Софья Петровна, бьющая мужа и выпивающая несколько рюмок водки в день, Степанида Матвеевна, «обладающая» князем и его свободой). Но центральную роль играет Москалева. Повесть начинается именно с ее характеристики: «Марья Александровна Москалева, конечно, первая дама в Мордасове, и в этом не может быть никакого сомнения. Она держит себя так, как будто ни в ком не нуждается, а, напротив, все в ней нуждаются. Правда,

ее почти никто не любит и даже очень многие искренно ненавидят; но зато ее все боятся, а этого ей и надобно. Такая потребность есть уже признак высокой политики» [2, II, 296]. Примечательно, что ее личностные качества и стратегия взаимоотношений с окружающими дают автору-повествователю повод сравнивать ее с Наполеоном: «...признавая вполне всю странность такого сравнения, я осмелюсь, однако же, сделать один невинный вопрос: отчего, скажите, у Наполеона закружилась наконец голова, когда он забрался уже слишком высоко? <...> я осмелюсь прибавить в свою очередь: отчего у Марьи Александровны никогда и ни в каком случае не закружится голова, и она всегда останется первой дамой в Мордасове?» [2, II, 297].

Главенствующий инстинкт этой героини – властолюбие и потребность манипулировать людьми. Особенно ярко это сказывается по отношению к персонажам-мужчинам – и не только к престарелому князю, но и к своему супругу, Афанасию Матвеечу. Первый для нее – возможная жертва и объект интриги; второй – жертва уже давняя и поднадоевшая. Но даже и в этом отношении она временами невольно драпирует свою женскую ущербность подо что-то более достойное. Например, в уговорах дочери вдруг возникает будто бы признание: «Я сама любила, и, может быть, сильнее, чем ты. Я сама страдала; у меня тоже были свои возвышенные идеалы» [2, II, 324]. Ранее, в «Бедных людях», и позднее, в «Записках из подполья», важен женский инстинкт – *и меня любили*. В «Дядюшкином сне» Марья Москалева подстраивается под сходный инстинкт, демонстрирующий женское достоинство: *...и я любила*.

Но ее отношения к супругу как будто это опровергают (разве что любила она когда-то вовсе не супруга). Например, она предъявляет Афанасию Матвеечу претензию: «...как смеешь ты напоминать мне, что я твоя жена, когда я стараюсь забыть об этом всеми силами, всеми средствами моей души?» [2, II, 359]. Но возникает ситуация, когда в этой женщине просыпается и другой инстинкт, противоположный феминистскому. Тогда она, исчерпав собственные возможности, требует от мужа быть мужчиной: «Афанасий Матвееч! – взвизгнула Марья Александровна каким-то неестественным голосом. – Неужели вы не слышите, как нас срамят и бесчестят? Или вы уже совершенно избавили себя от всяких обязанностей? Или вы и в самом деле не отец семейства, а отвратительный деревянный столб? Что вы глазами-то хлопаете? Другой муж давно бы уже кровью смыл обиду своего семейства!» [2, II, 383]. (Примечательно, что подобный же внезапный поворот женской психологии окажется востребован у Достоевского и в романе «Идиот»).

Если присмотреться к мужским персонажам в «Дядюшкином сне», то на общем фоне абсолютно пассивных и безликих в гендерном плане выделяются лишь двое – умирающий учитель Вася и Мозгляков. Оба – претенденты на сердце Зины Москалевой. Первый из них в этом отношении успешен и может напоминать студента Покровского из романа «Бедные люди», в том числе и своей трагической судьбой. Заметим, что сам по себе мотив влюбленности девушки в бедного провинциального учителя для Достоевского был автобиографичен. В годы написания повести Достоевский переживал по поводу увлеченности будущей жены, Марьи Дмитриевны Исаевой, учителем Н. Б. Вергуновым.

Вася в «Дядюшкином сне» как мужчина повел себя недостойно – допустил распространение компрометирующего Зину письма. В «Дядюшкином сне» Вася горько кается в своей ошибке – и Зина прощает его. Любовь оказывается сильнее обиды, тем более, когда речь идет об умирающем. Тем не менее, опять-таки женское великодушие доминирует над мужским запоздалым сожалением.

Иное дело Мозгляков; сама говорящая фамилия с подачи автора не оставляет в глазах читателей шансов этому персонажу сохранить мужское достоинство. Единственное, что можно поставить ему в заслугу, – невольное прозрение, когда он бросает в лицо Марье Москалевой: «Вы... вы все, что хотите, а не дама! – вскричал Мозгляков. Не знаю, что именно хотелось ему выразить своим восклицанием, но, вероятно, что-нибудь очень громовое» [2, II, 349]. Добавим, что не столько «громовое» здесь сказалось, сколько концептуальное. Потому что традиционно *дамское* в этой героине действительно почти не выражено.

Примечательно отношение Мозглякова к Зине. С одной стороны, он «как будто боится ее пристального взгляда; по крайней мере, его как-то коробит, когда он осмеливается взглянуть на нее. Движения ее свысока небрежны» [2, II, 304]. С другой стороны, в мечтания Мозглякова о женитьбе на Зине проникает нечто иное: «Потом красавица жена, ему преданная и постоянно удивляющаяся его героизму и возвышенным чувствам; мимоходом под шумок, – внимание какой-нибудь графини из «высшего общества», в которое он непременно попадет через брак свой с Зиной, вдовой князя К., вице-губернаторское место, денежки» [2, II, 362–363]. Здесь перед нами как бы черновой проект будущего Гани Иволгина. Оба персонажа – воплощение ординарности уже потому, что не способны на подлинную, всепоглощающую влюбленность. Зато оба способны выйти из себя, когда их меркантильные планы рушатся. Мозгляков, например, бросает

в лицо Зине: «А! так я дурак, – кричал он, – так я теперь уж дурак! Хорошо! Прощайте! Но прежде чем уеду, всему городу расскажу, как вы с маменькой облапошили князя, напоив его допьяна! Всем расскажу! Узнаете Мозглякова» [2, II, 349]. Ганя же, уязвленный Аглаей, находится в сходном психическом состоянии: «А! Так вот как! – скрежетал он, – так мои записки в окно швырять! А! Она в торги не вступает, – так я вступлю! И увидим! За мной еще много... увидим!.. В бараний рог сверну!.. – Он кривился, бледнел, пенился; он грозил кулаком» [2, VIII, 74].

В обоих произведениях эти несостоявшиеся претенденты на женские сердца после крушения надежд оказываются в сходных позициях. В «Идиоте» Ганя, смиряясь и наблюдая за судьбой «избранницы», все-таки лелеет надежды и «ждет своего часа». В «Дядюшкином сне» для понимания ситуации важны некоторые художественные мизансцены. Мозгляков униженно молит Зину оставить ему хоть какую-то надежду, и следует мизансцена: «Зина почти бессознательно посмотрела на него и молча продолжала свою дорогу. Так как на высоком деревянном тротуаре было тесно двум рядом, а Зина не сторонилась, то Павел Александрович соскочил с тротуара и бежал подле нее внизу, непрерывно заглядывая ей в лицо» [2, II, 394]. Это так выразительно, что Достоевский не отказал себе в возможности воспроизвести позднее подобное же в «Бесах». Так же возле тротуара бежит за Ставрогиным, заглядывая ему сбоку в глаза, Петр Верховенский. Не думаю, что допускаю здесь некую натяжку: ведь нечто вроде влюбленности испытывает и Петр Степанович к своему кумиру (сам же он в этом и признается).

Другая мизансцена развернута в самом финале повести. Здесь Мозгляков оказывается свидетелем торжества Зины в роли супруги важного человека в другом провинциальном городе: «Это был высокий, худощавый и строгий генерал, старый воин, израненный в сражениях, с двумя звездами и с белым крестом на шее. Он <...> пригласил всех <...> чиновников к себе на бал, дававшийся в тот же самый вечер по случаю именин генерал-губернаторши» [2, II, 397]. В ситуации, знакомой нам по «Евгению Онегину» (вспомним супруга Татьяны Лариной – Н. М. Перлина [2, II, 512]), Мозгляков ведет себя примерно как лермонтовский Грушницкий, то есть именно в своем духе, подчиняясь шаблону: «Угрюмо-рассеянный вид, едкая мефистофелевская улыбка не сходили с лица его во весь вечер. Живописно прислонился он к колонне (зала, как нарочно, была с колоннами) и в продолжение всего бала, несколько часов сряду, простоял на одном месте, следя своими взглядами Зину. Но увы!

все фокусы его, все необыкновенные позы, разочарованный вид и проч. и проч. – все пропало даром» [2, II, 398]. Таков удел ординарности, когда она драпируется под любовь. Разумеется, эта параллель уместна с Онегиным лишь в пародийном значении.

Как известно по письмам Достоевского, «Дядюшкин сон» создавался фактически параллельно с повестью «Село Степанчиково и его обитатели», и оба эти произведения первоначально восходили к единому замыслу «комического романа» [2, XXVIII/I, 209; 2, III, 498-499]. Для нас принципиально важно, что в гендерологическом аспекте выявляется достаточно причудливая взаимосвязь обеих повестей.

Если в «Дядюшкином сне» очевиден комический феминоцентризм, то в «Селе...» общая картина складывается почти обратным образом. Как будто Достоевский кардинально меняет полюса в другом произведении для соблюдения некоего баланса точек зрения. В крайней форме «антифеминизм» выражен в репликах соседа Ростанева, помещика Бахчеева: «Про сестрицу Егора Ильича, Прасковью Ильиничну, что в девках сорок лет сидит, и говорить не желаю. Ахи да охи, да клочет как курица – надоела мне совсем – ну ее! *Только разве и есть в ней, что дамский пол: так вот и уважай ее ни за что, ни про что, за то только, что она дамский пол! Тыфу!»* [2, III, 24]. И далее: «А я вам, батюшка, по дружбе скажу: *не люблю бабья! Только слава, что человек, а по правде, так один только срам, да и спасению души вредит*» [2, III, 28].

Показательна разница в обрисовке мужских и женских персонажей в «Селе Степанчикове и его обитателях» – как центральных, так и второстепенных. Фактически эти «обитатели» почти все, в том или ином смысле, – *приживальщики*. Между тем, *приживалки* в этой повести ничего существенного не демонстрируют. А вот приживальщики-мужчины в повести очень колоритны и разнообразны. Начиная с центрального (Фома Опискин) вплоть до претенциозного, но ничтожного Павла Обноскина, все они разворачивают широкий спектр вариантов мужской психологии. Особенно примечательны в этом ряду Ростанев и Мизинчиков.

Например, Егор Ростанев, по первому впечатлению, с нравственной точки зрения он обрисован автором позитивно. Но все не так просто. Формально он – хозяин в своем доме. По сути же, он долгое время остается приживальщиком при чужих мнениях и авторитетах. С одной стороны, потакание взбалмошной матери и ее «фавориту» Фоме Опискину трудно поставить ему в упрек.

Он и сам до времени почитает этого «ученого» и «незаслуженно пострадавшего человека». С другой стороны, Ростанева красит его способность к подлинной любви (его отношение к гувернантке Настеньке Ежевикиной). В условиях конфликта интересов – когда его возлюбленную угнетают, а его принуждают жениться на богатой женщине – он колеблется, но все-таки в конечном счете *бунтует* и отстаивает свое право на любовь и счастье. Однако приживальщики-противники (матушка и Фома Фомич) показывают свою гибкость, легко идут на компромисс и фактически остаются в своих правах. Таким образом, первоначальное позитивное впечатление как бы «смазывается»: в читательском восприятии этот персонаж воспринимается как *мечтатель* в особом значении – то есть существо почти «бесполое», или мужчина с преобладанием женских инстинктов [1].

«Иван Иванович Мизинчиков» занимает важное место среди мужских персонажей. Именно ему принадлежат развернутые характеристики «фантастической женщины» Татьяны Ивановны, «которую навязывали ему в невесты и за которой почти все в доме ухаживали за ее богатство». Хотя рассказчик тоже добавляет значимые характеристики героини: «Мне, впрочем, понравились ее глаза, голубые и кроткие; и хотя около этих глаз уже виднелись морщинки, но взгляд их был так простодушен, так весел и добр, что как-то особенно приятно было встречаться с ним» [2, III, 44]. Что касается самого Мизинчикова, то в нем примечателен целый ряд незаурядных качеств: наблюдательность, расчетливость, цинизм, склонность к манипулированию людьми в своих корыстных интересах. В то же время – если верить ему «на слово», – он, в отличие от своего соперника Обноскина, «знает меру» в собственных эгоистичных притязаниях.

Рассчитывает он соблазнить Татьяну Ивановну романтическим «увозом», с тем чтобы затем воспользоваться ее наследственным капиталом и «поправить свои дела». Сергею Александровичу (рассказчику) он предлагает роль соучастника и делится с ним: «...если предложить ей увоз, побег, то она тотчас пойдет. В том-то и дело: только чтоб было что-нибудь романическое и эффектное. Разумеется, все это немедленно завершится между нами законным браком. Только бы выманить-то ее отсюда!» [2, III, 96].

Его характеристика Татьяны Ивановны развернута и представляется достаточно убедительной. К тому же, в ней нет цинизма (который присутствует лишь в самом замысле), но есть признаки даже некой тактичности. Например, Мизинчиков

признает: «Видите ли: она до прошлого года была в ужасной бедности, с самого рождения жила под гнетом у благотельниц. Сердце у ней необыкновенно чувствительное; замуж ее никто не просил – ну, понимаете: мечты, желания, надежды, пыл сердца, который надо было всегда укрощать, вечные муки от благотельниц – все это, разумеется, могло довести до расстройства чувствительный характер. И вдруг она получает богатство: согласитесь сами, это хоть кого перевернет. Ну, разумеется, теперь в ней ищут, за ней волочатся, и все надежды ее воскресли» [2, III, 97].

Планы «на перспективу» у Мизинчикова также показывают в нем не столько цинизм, сколько способность проникнуться женской психологией (правда, именно в таком, почти болезненном варианте). Он, например, предполагает жить с будущей женой врозь и аргументирует это так: «Сообразите, приглядитесь к ее характеру: ну способна ли она быть женой и жить вместе с мужем? <...> Ведь это легкомысленнейшее создание в свете! Ей необходима непрерывная перемена; она способна на другой же день забыть, что вчера вышла замуж и сделалась законной женой. Да я сделаю ее несчастною вконец, если буду жить вместе с ней и буду требовать от нее строгого исполнения обязанностей. Натурально, я буду к ней приезжать раз в год или чаще, и не за деньгами – уверяю вас. <...> Приезжая дня на два, на три, я буду доставлять даже удовольствие, а не скуку: я буду с ней хохотать, буду рассказывать ей анекдоты, повезу на бал, буду с ней амурничать, дарить сувенирчики, петь романсы, подарю собачку, расстанусь с ней романически и буду вести с ней потом любовную переписку. Да она в восторге будет от такого романического, влюбленного и веселого мужа. <...> я займу сердце Татьяны Ивановны сладчайшим образом на всю ее жизнь. Чего ж ей больше желать? скажите! Да ведь это рай, а не жизнь!» [2, III, 99-100].

Все это может (и должно, по нашему мнению) напоминать планы и расчеты Марьи Москалевой относительно «дядюшки», князя К., как она их разворачивает в уговорах дочери Зины. Все планируется из корыстных соображений и в то же время – с учетом натуры объекта вожделения и его реальных жизненных интересов. Особенно примечательно, что здесь – согласно нашему прежнему наблюдению – срабатывает *антифеминизм*. Вернее будет сказать, *мужские* и *женские* роли поменялись местами. В роли прежнего «дядюшки» теперь выступает «Татьяна Ивановна», а в роли интригана–искателя Марью Москалеву сменяет Мизинчиков.

Вместе с тем, художественное наполнение образов Москалевой и Мизинчикова у Достоевского в этой повести разное. Далее в романах писателя нам еще встретятся, конечно, расчетливые женщины. Но планы их, как правило, будут терпеть крах. От Мизинчикова же как «рудиментарного образа» [3, 152] начинается более выразительная и *развивающаяся* художественная галерея. Ближайший наследник здесь – князь Валковский из «Униженных и оскорбленных». Следующий и, быть может, самый близкий – Свидригайлов. Затем – Тоцкий, Ставрогин, Версиков и Федор Карамазов. То есть фактически в каждом из великих романов Достоевского находятся художественные «наследники» Мизинчикова. Причину такой рассогласованности (художественно–психологическое «наследие» Москалевой постепенно иссякает, а Мизинчикова, напротив, развивается) мы видим в том, что Достоевский планирует судьбы персонажей и судит о них со своей, мужской точки зрения и позиции. Поначалу, в раннем творчестве, он в своей заинтересованности женской психологией дает волю своей интуиции и обо многом *догадывается*. Впоследствии же, увлекаемый идеологизмом, он как бы делает ставку на то, что лучше уже *узнает*, а не только *догадывается*. Женская психология оказывается в роли манящего, колоритного – но сопровождающего и дополнительного художественного измерения в его романах.

Литература

1. Бердяев, Н. А. О «вечно бабьем» в русской душе / Н. А. Бердяев // Бердяев Н. А. Философия творчества, культуры, искусства: в 2 т.– М.: Искусство, 1994. – Т. 2 – С. 290–300.
2. Достоевский, Ф. М. Полное собр. соч.: в 30 т. / Ф. М. Достоевский. – Л.: Наука. 1973–1990.
3. Кирпотин, В. Я. Ф. М. Достоевский. Творческий путь. (1821–1859) / В. Я. Кирпотин. – М.: Гослитиздат, 1960. – 607 с.

References

1. Berdyaev, N. A. O «vechno bab`em» v russkoj dushe // Berdyaev N. A. Filosofiya tvorchestva, kul`tury, iskusstva: v 2 t.– Moscow: Iskusstvo, 1994. – Т. 2 – S. 290–300.
2. Dostoevskij, F. M. Polnoe sobr. soch.: v 30 t. – Leningrad: Nauka. 1973–1990.
3. Kirpotin, V. Ya. F. M. Dostoevskij. Tvorcheskij put`. (1821–1859). – Moscow: Goslitizdat, 1960. – 607 s.

NOVELS "UNCLE'S DREAM"
AND "THE VILLAGE OF STEPANCHIKOVO":
F.M. DOSTOYEVSKY'S GENDEROLOGICAL QUEST

N. A. Makaricheva

Candidate of philology, Assistant Professor, Russian Language
and Literature Department, Saint-Petersburg State University of Economics
(Saint-Petersbur, Russia)

Abstract

In the focus of attention there appear two "comic stories" of F. M. Dostoyevsky written in one period. In respect of art gender studies between works undoubted communication is observed. In the story "Uncle's Dream" the author in a comic look draws a picture of a victory of "feminism" in the family relations. In "The village of Stepanchikovo" the counter option is given – the result of adverse effect of men's influence of Foma Opiskin on Rostanov's family is shown. As the intriguer who is skillfully manipulating due to knowledge of female psychology in the story the man – Mizinchikov acts. From this image the gallery of male characters in the subsequent creativity of F. M. Dostoyevsky develops: prince Valkovsky, Svidrigaylov, Totsky and others.

Keywords: art gender studies, mismatch plot, feminism, anti-feminism, male and female roles.

Поступила в редакцию 24.01.2019

РАЗДЕЛ III. ФИЛОЛОГИЯ И МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ СВЯЗИ

ББК 83.3(2=411.2)

УДК 8; 82.02/.09

Д. Вальчак¹

*Варшавский университет
dorota.walczak1990@gmail.com*

КОНФИСКАЦИЯ И УНИЧТОЖЕНИЕ ИКОН КАК ЭЛЕМЕНТ ГОСУДАРСТВЕННЫХ РЕПРЕССИИ ПО ОТНОШЕНИЮ К СТАРООБРЯДЦАМ (НА МАТЕРИАЛЕ РАССКАЗА Н. С. ЛЕСКОВА «ЗАПЕЧАТЛЕННЫЙ АНГЕЛ» И РОМАНА П. И. МЕЛЬНИКОВА-ПЕЧЕРСКОГО «В ЛЕСАХ»)

В настоящей статье проводится подробный анализ способа функционирования и функции мотива агрессии по отношению к старообрядческим иконам со стороны представителей российских государственных властей в рассказе Н. С. Лескова «Запечатленный ангел» (1873) и в романе П. И. Мельникова-Печерского «В лесах» (1871–1881), а также устанавливается связь между биографией и мирозерцанием авторов и их отношением к вопросу конфискации и уничтожения староверских образов.

Как в произведении Н. С. Лескова, так и в первой части дилогии П. И. Мельникова-Печерского конфискация и уничтожение староверских икон указаны как одни из более существенных элементов государственных репрессий по отношению к старообрядцам, хотя и оценка репрессий, направленных против образов, у каждого из вышеперечисленных писателей совершенно иная. Несмотря на тот факт, что оба автора желали воссоединения старообрядчества с Православной Церковью, они по-разному расценивали принудительные меры государственных чиновников по отношению к приверженцам старой веры. Сочувствующий старообрядцам православный публицист Лесков в своем «Запечатленном ангеле» создает крайне пессимистическую картину абсолютного самоволия и самовластия государственных чиновников по отношению

¹ Вальчак Дорота, аспирант, магистр исторических наук, Варшавский университет, г. Варшава, Республика Польша

к лишенным гражданских прав старообрядцам, которые переходят все нравственные границы и не останавливаются даже перед очевидным кощунством, совершенным по отношению к общеправославной святыне – иконе Ангела. В то же самое время активно борющийся со старообрядцами государственный чиновник П. И. Мельников-Печерский показывает конфискацию староверской иконы Богоматери Казанской как вполне оправданную меру, способствующую скорейшей ликвидации церковного раскола.

Ключевые слова: икона, иконоборчество, православие, раскол, старообрядцы, репрессии, Н. С. Лесков, П. И. Мельников-Печерский

Агрессия по отношению к старообрядческой иконе со стороны государственной власти и Русской Православной Церкви имеет долгую историю. Сами старообрядцы первым и главным иконоборцем считали патриарха Никона, который будто бы в 1654 г. в установленный в честь победы над иконоборчеством праздник Торжества Православия разбил несколько икон, которые, по его мнению, были «плохо написанными» [1, 12]. В XIX–XX веках особую популярность среди старообрядцев получает «Повесть о ерархе нашем Никоне», к которой и прилагается печатное изображение «Никон разбивает св. иконы». В старообрядческом сознании все представители новой, «никонианской» Церкви являются иконоборцами, а сами древние иконы – их жертвами, а в некотором смысле даже мучениками «антихристовой» власти. Русский историк О. Ю. Тарасов утверждает, что в мире старообрядцев страдания уничтожаемых икон сравнивались со страданиями Христа:

«Довольно сложный для русского опыта мотив страдания и невинного поругания получал отсюда дополнительную глубину, – пишет он, – отражающий и утверждающий его визуальный код святости, помимо традиционных образов страстотерпцев, включил и огромное количество переписанных и уничтоженных икон» [9, 147].

Ситуацию усугубляли официальные постановления о публичном сожжении икон первомучеников старообрядческого благочестия, прежде всего знаменитого протопопа Аввакума [9, 148]. Принимаемые государственными властями меры были абсолютно недействительными и только вызывали еще большее озлобление среди староверов, к тому же, старообрядцы верили, что сожженные образа сразу поднялись на небо.

Ничего удивительного, что агрессия по отношению к старообрядческим образам нашла свое отражение также и в русской

литературе. Так, в рассказе Николая Семеновича Лескова «Запечатленный ангел» (1873), как и в дилогии Павла Ивановича Мельникова-Печерского «В лесах» и «На горах» (1871–1881) конфискация и уничтожение староверских икон показаны как элемент государственных репрессий по отношению к старообрядцам, хотя оценка мер, направленных против них, у каждого из вышеперечисленных писателей описывается по-разному.

В рассказе Н. С. Лескова «Запечатленный ангел» иконы отбираются у старообрядцев-каменщиков группой государственных чиновников. Отнятие и частичное уничтожение старообрядческих образов является там некой разновидностью личной мести владельца, так как начальник чиновников чувствует себя обманутым старообрядцами: молитвы, которые староверы должны были совершать перед своими иконами за успех его (добавим – абсолютно нечестного) дела оказались недейственными. Ни сам чиновник, ни его подчиненные не считают агрессию по отношению к иконам безнравственной. Более того, начальник предлагает старообрядцам «сделку»: если они дадут ему большую взятку, он вернет иконы, в противном же случае угрожает, что уничтожит все образа: «Давай по сту рублей со штуки, иначе все выпекую» [7, 550].

Чиновники во время обыска значительно портят иконы. «Один печати накладывает, другие в описи пишут, а третьи буравами дыры сверлят, да на железный прут иконы как котелки нанизывают» [7, 578 – 579], – ужасается артельщик-рассказчик. Когда начальник чиновников узнал о том, что старообрядцы никак не смогут дать ему назначенной суммы выкупа за каждую икону и вместо ста предлагают по два рубля от штуки, впал в ярость, которая еще более усугубилась, когда увидел, что жена хозяина артели, Луки Кирилова, Михалица, пробует скрыть перед чиновниками самую ценную икону – образ Ангела. Хотя чиновники незаконно отбирают образа у старообрядцев, их же называют ворами и мошенниками. Начальник в ярости поставил раскаленную печать прямо на лице Ангела:

«Ага! Вы, мошенники, хотели ее скрасть, чтоб она на болт не попала; ну так она же на него не попадет, а я ее вот как! – да, накопивши сургучную палку, прямо как ткнет кипящую смолой с огнем в самый ангельский лик!» [7, 580].

Мучения запечатленного Ангела приравняются старообрядцем-рассказчиком к человеческим страданиям, на запечатленном лице иконы он видит не расплавленные краску и олифу, а кровь и слезы:

«Помню только, что пресветлый лик этот божественный был красен и запечатлен, а из-под печати олифа, которая под огневою смолой самую малость сверху растаяла, струила вниз двумя потоками, как кровь в слезе растворенная...» [7, 580].

Агрессия начальника по отношению к иконе Ангела является выражением злости чиновника, а не частью каких-либо более продуманных репрессий против старообрядцев, хотя показана Лесковым ситуация показывает, что староверы являются совершенно бесправной и беззащитной социальной группой, которая не может рассчитывать на то, что их права будут соблюдаться.

Несмотря на то, что отнятие и запечатление иконы Ангела составляет главную линию рассказа Лескова, исследователи практически не пытались рассматривать данного произведения в контексте репрессии по отношению к старообрядцам. Польский литературовед Б. Трояновская, посвятившая старообрядческой святыне целую главу в своей монографии, вообще не затрагивает эту тему [10]. А ведь в трактовке Лескова это явление получает глубокий идейный смысл; как пишет К. Гримстад, отнятие у старообрядцев их иконы переносит чисто физическое странствие каменщиков на новый, духовный уровень – их мытарства парадоксально становятся путем к воссоединению с официальной Православной Церковью [3, 131]. Старообрядцы, желая возратить себе и распечатать отобранную у них святыню, долго странствуют по безблагодатному миру. Сперва они находят иконописца, согласившегося написать для них точную копию иконы, а потом с помощью хорошо относящегося к ним инженера-англичанина и его жены пытаются подменить помещенный в местную церковь образ, но их поражает чудо – печать со списка иконы сошла сама собой. Пораженные старообрядцы решают перейти в православие и остаются в православной Церкви даже и после того, как выясняется, что никакого чуда не было – жена инженера, не желая портить икону, прикладывает печать не к самому образу, а к бумажке, которая потом и отклеилась. Развязка рассказа была встречена очень язвительной рецензией Ф. М. Достоевского, посчитавшего, что, если главной причиной обращения старообрядцев в православие было фальшивое чудо, осознав ошибку, они должны были вернуться к своей прежней вере [2, 55].

Как мы видели, несмотря на в общем-о оптимистическое окончание, в своем произведении Лесков создает крайне пессимистическую картину абсолютного самоволия государственных чиновников по отношению к бесправным старообрядцам, которое переходит все нравственные границы и не останавливается даже перед очевидным кощунством по отношению к общеправославной святыне –

иконе Ангела, в то время, как другой писатель, П. И. Мельников-Печерский показывает конфискацию староверской иконы Богородицы как вполне оправданную меру, способствующую скорейшей ликвидации церковного раскола. Отношение писателя к староверам объясняется фактами из биографии писателя – П. И. Мельников был чиновником Министерства внутренних дел, нарочно посланным в Поволжские леса, чтобы бороться с церковным расколом. В 1849 году он лично конфисковал и вывез из одного из старообрядческих скитов особо почитаемую староверами икону Богоматери Казанской. «Ему всего-то 30 лет, и у него нет воинского сопровождения, а он вторгается в глушь Черной Рамени, в дремучие дебри керженских скитов. Просто Кортес от МВД», – насмешливо охарактеризовал Мельникова современный писатель А. В. Иванов в своем романе «Псоглавцы» [4, 269].

П. И. Мельников, который под псевдонимом «Андрей Печерский» опубликовал известнейшую диологию о жизни старообрядцев в приволжских лесах – «В лесах» и «На горах», в ней он много внимания посвятил и известному «выселению» старообрядцев, в котором принимал деятельное участие. Большая часть действия романа «В лесах» происходит в расположенной в керженских лесах женской старообрядческой обители, игуменьей которой является мать Манефа, приведшая скит к цветущему положению. Как многократно подчеркивает Мельников-Печерский, в манефиной обители хранятся многочисленные древние очень ценные иконы, особо почитающиеся старообрядцами:

«Мать Манефа была вся в свою предшественницу Екатерину. Обитель при ней процветала. Она считалась лучшей обителью не только во всем Комарове, но и по всем скитам керженским, чернораменским. Среди ее, на широкой поляне, возвышалась почерневшая от долгих годов часовня с темной, поросшей белесоватым мхом кровлей. До трех тысяч икон местных, средних и штилистовых стояли в большом и в двух малых придельных иконостасах, а также на полках по всем стенам часовни. В середине большого пятиярусного иконостаса, поставленного у задней стены на возвышенной солее, находились древние царские двери замечательной резьбы; по сторонам их стояли местные иконы в серебряных ризах с подвешенными пеленами, парчовыми или бархатными, расшитыми золотом, украшенными жемчугом и серебряными дробницами <...>. Малые образа древней иконописи, расставленные по полкам, были украшены ризами обронного, сканого и басменного дела с жемчужными цатами и ряснами.

Тут были иконы новгородского пошиба, иконы строгановских писем первого и второго, иконы фряжской работы царских кормовых зографов Симона Ушакова, Николы Павловца и других. Все это когда-то хранилось в старых церквях и монастырях или составляло заветную родовую святыню знатных людей допетровского времени» [8, I, 333–334].

Однако, как утверждал рассказчик, особым почитанием пользовалась икона Богоматери Казанской, с которой местная легенда и связывала само основание керженских старообрядческих скитов. Легенду эту Мельников-Печерский пересказывает в своем романе дважды – устами рассказчика и устами матери Манефы – чем и подчеркивает ее особое значение для самого существования лесных обитателей. Суть же легенды заключается в том, что один из монахов Соловецкого монастыря (которые отказались подчиниться церковным реформам патриарха Никона), инок Арсений, чудесным образом бежавший из осажденных царскими войсками Соловков, увидел на облаке икону Богоматери Казанской и услышал исходящий от нее голос: «Гряди за мною ничто же сумняся, и где я остановлюся, тамо поставь обитель, и пока икона моя будет в той обители, древнее благочестие будет в ней процветать» [8, I, 321]. Рассказчик говорит о том, что по преданию летающий на облаках образ якобы довел Арсения до Шарпана, где инок и основал лесной скит, в котором впоследствии была поставлена чудотворная икона.

Во второй раз легенда об Арсении и чудесном явлении ему иконы приводится в разговоре между наставительницей скита, матерью Манефой и богатой богомолицей, Марьей Гавриловной Залетовой. Монахиня жалуется гостю на притеснения старообрядцев со стороны государственных властей и высказывает свое беспокойство, вызванное известием, что государственные чиновники, встревоженные популярностью чудесного образа, хотят отобрать из Шарпанского скита икону Казанской Богоматери.

«Слышно еще, будто и насчет Шарпана вышел указ... Какой-то злодей, прости Господи, послал доношение: в Шарпанском-де скиту Казанскую икону Пресвятой Богородицы особне чествуют, на ее-де праздники много в Шарпан народу собирается старообрядцев и церковников. И на тех-де праздниках старицы Шарпанской обители поставляют кормы великие, а во время-де кормов читают народу про чудеса, от той иконы бываемые. И оттого-де многие от церкви отшатались... Правда ли, нет ли, а слухи пошли, будто велено Казанскую из Шарпана взять... Сбудется такое дело – конец

Керженцу... Престанет тогда наше житие пространное!» [8, I, 577 – 578], – говорит инокия.

Не очень хорошо знакомая с местными преданиями Марья Гавриловна, долго не могла понять очевидной для Манефы связи между иконой и существованием скитов:

«Отчего ж скитам настанет конец, коль из Шарпана возьмут икону Казанскую? – спросила Марья Гавриловна» [8, I, 578].

Мать Манефа терпеливо объяснила незнающей гостье, что написанный до церковного раскола образ Казанской Богоматери является чудотворным, а по старинному преданию его присутствие в Шарпане является залогом дальнейшего существования лесных скитов:

«Икона та, сударыня, чудотворная, – ответила Манефа. – Стояла она в комнате у царя Алексея Михайловича, когда еще он пребывал в благочестии...<...> Пока тамо стоит, по тех пор, по гласу Богородицы, наши скиты целы и невредимы... Возьмут икону из Шарпана – всем скитам наступит конец, и место свято запустеет» [8, I, 578].

Опасность конфискации святыни подтверждают также письма, получаемые Манефой из Петербурга от живущих там старообрядцев. Некто Дрябин предостерегал игуменью, что в столице было принято решение о запечатании нелегально построенных скитов и в особенности о конфискации чудотворной иконы:

«Писал Дрябин, что дошло до Петербурга о Шарпанской иконе и о том, что тамошни старицы многих церковников в старую веру обратили... Навели справку в прежних делах, нашли, что Шарпанский скит лет пятнадцать перед тем сгорел дотла, а это было после воспрещения заводить новые скиты. Потому и хотят послать из Петербурга доверенных лиц разузнать о том доподлинно и, если Шарпан ставлен без дозволения, запечатать его, а икону, оглашаемую чудотворной, взять...» [8, II, 21].

Боясь потерять старообрядческую святыню, монахиня решила на время послать ценные иконы единоверцам в Москву и Петербург на хранение. Манефа хотела также уговорить игуменью из Шарпана, мать Августу, чтобы также отослала туда Казанскую икону Богородицы.

«Посылаю я к вам в Москву и до Питера казначею нашу матушку Таифу, – писала Манефа, – а с нею расположилась отправить к вам на похранение четыре иконы высоких строгоновских писем, да икону Одигитрии Богородицы царских

изографов, да три креста с мощами, да книг харатейных и старопечатных десятка три либо четыре. А увидясь с матушкой Августой, шарпанской игуменьей, посоветую ей и Казанскую Богородицу к вам же на Москву отправить, доколь не утишится воздвигаемая на наше убожество презельная буря озлоблений и напастей. А то, оборони Господи, лишиться можем столь бесценного сокровища, приизобильно верующим подающего исцеления» [8, II, 23].

Вопреки ожиданиям игумений других керженских скитов мать Августа на собрании решительно высказалась против того, чтобы спрятать чудотворную икону Казанской Богоматери у московских староверов, ссылаясь на то, что по преданию об иноке Арсении чудотворная икона никогда и ни при каких обстоятельствах не должна покидать Шарпана:

«Так видишь ли, матушка Фелицата, и все вы, честные отцы и матери, – сказала мать Августа. – Про то, что всем скитам конец настанет, егда нашу святую икону в никонианскую церковь внесут, ни единым словом в подлинном сказании не помянуто, а сказано: «Пока сия икона моя будет в той обители, дотоле древлее благочестие процветать в ней будет...». Где ж тут общее дело нашли вы?.. С чего же взяли, что от нашей иконы зависит судьба всех скитов и обителей?.. Видите словеса... До нас до одних пророчество, бывшее преподобному Арсению, относится, мы одни и повинны соблюдать сокровище наше яко зеницу ока и отнюдь не выносить его из обители. А придет час воли Божией, возьмут владычицу, восплчем, взрыдаем, но воле Божией покоримся безропотно... Сый человеколюбец все ко спасению людей строил ими же знает путями... Не довлеет нам, скудельным сосудам, испытывать неисповедимые судьбы его... Буди святая воля его!» [8, II, 405].

Оставленная в Шарпанском скиту Богоматерь Казанская и была вывезена в Петербург автором романа «В лесах» П. И. Мельниковым, а старообрядческие скиты на Керженце уничтожены. Так из биографии писателя, как и из его романа видно, что он был хорошо знаком с местной легендой о чудесном явлении Казанской иконы, и его действия носили вполне осознанный характер – конфискация образа представлялась ему очень хорошим средством для того, чтобы подавить морально и психически старообрядцев и тем самым достигнуть главной цели, которой была, возможно, быстрейшая ликвидация церковного раскола. При этом русский филолог В. И. Лепяхин подчеркивает факт,

что вне зависимости от своей государственной деятельности П. И. Мельников вовсе не был иконоборцем, а скорее наоборот – знатоком и ценителем древней иконописи:

«По его романам, по «Очеркам поповщины», по «Письмам о расколе» мы видим, что писатель не просто любил и ценил древние иконы, но и признавал огромную роль старообрядцев в деле спасения многих памятников древнерусской иконописи от забвения и истребления» [6, 227].

В русской литературе XIX века найдем еще несколько описаний агрессии по отношению к старообрядческим иконам со стороны государственных властей. В антинигилистической дилогии Всеволода Крестовского «Кровавый пух» старик-старообрядец не хочет поверить революционным агитаторам в то, что русские солдаты якобы поубивали верующих в польской католической церкви, признавая при этом, что репрессии по отношению к старообрядческим иконам случаются довольно часто:

«Вот у нас, точно что бывало, злотворцы наши, чиновники земские понаедут, молельни позапирают, иконы святые отберут, иной озорник и надругательство какое сотворит, это все точно бывает об иную пору, а чтобы баб с ребятами в церкви колоть — это уж неправда!» [5, 165].

Разное отношение Н. С. Лескова и П. И. Мельникова к конфискации старообрядческих икон во многом объясняется различиями в их биографии и мировоззрении. Хотя оба они желали воссоединения старообрядчества с Православной Церковью, их взгляды в этом вопросе были совершенно разными. Лесков, писатель и публицист, был сторонником постепенных и мирных действий по отношению к старообрядцам, решительно осуждал самоволие государственных чиновников и повреждение ими иконы Ангела, в то время как государственный деятель Мельников считал, что только такие меры, как конфискация особо почитаемых икон, могут подавить дух старообрядцев и способствовать скорейшей ликвидации раскола. Характерно, что ни у одного из авторов не показана роль Православной Церкви в деле борьбы с расколом: есть единственный момент – отобранная у лесковских старообрядцев икона была помещена в православный храм.

Литература

1. Dąb-Kalinowska, B., Między Bizancjum a Zachodem. Ikony rosyjskie XVII–XIX wieku / B. Dąb-Kalinowska. – Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1990. – 157 s.
2. Достоевский, Ф. М., Смятенный вид / Ф. М. Достоевский // Достоевский Ф. М. Полн. собр. сочинений: в 30 т. – Т. XXI. – Л.: Художественная литература, 1980. – С. 54 – 60.
3. Grimstad, K. A. Styling Russia. Structuring Mechanisms in the Prose Fiction of Nicolai Leskov / K. A. Grimstad. – Trondheim: NUST, 2000. – 213 pp.
4. Иванов, А. В. Псоглавцы / А. В. Иванов. – СПб: Азбука-классика, 2013. – 352 с.
5. Крестовский, В. В. Кровавый пух. Пангурово стадо: роман / В. В. Крестовский. – М.: ЭКСМО. – 2007. – 637 с.
6. Лепахин, В. И. Икона в русской художественной литературе: Икона и иконопочитание, иконопись и иконописцы / В. И. Лепахин. – М.: Отчий дом, 2002. – 735 с.
7. Лесков, Н. С., Запечатленный ангел / Н. С. Лесков // Лесков Н. С. Собр. сочинений. – Т. 1. – М.: Терра – Книжный клуб, 2007. – 668 с.
8. Мельников-Печерский, П. И. В лесах / П. И. Мельников-Печерский. – Т. I–II. – М.: Государственное издательство художественной литературы, 1955.
9. Тарасов, О. Ю. Икона и благочестие. Очерки иконного дела в Императорской России / О. Ю. Тарасов. – М.: Прогресс – Культура; Традиция, 1995. – 495 с.
10. Trojanowska, B. "Odchodząca Ruś" i Rosja w twórczości Mikołaja Leskova: postaci, motywy, tematy, sposoby wyrażania / B. Trojanowska. – Bydgoszcz: Wydawnictwo Uniwersytetu Kazimierza Wielkiego 2008. – 332 s.

References

1. Dąb-Kalinowska, B. Między Bizancjum a Zachodem. Ikony rosyjskie XVII – XIX wieku [Between Byzantium and the West. Russian icons from the seventeenth to the nineteenth centuries]. – Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1990. – 157 s.
2. Dostoyevskiy, F. M. Smyatenny vid [Disturbed View] // Dostoyevskiy, F. M. Polnoye sobraniye sochineniy v tridsati tomach [Complete Works in thirty volumes. – T. XXI. – Leningrad: Khudozhestvennaya literatura, 1980. – S. 54 – 60.

3. Grimstad, K. A. Styling Russia. Structuring Mechanisms in the Prose Fiction of Nicolai Leskov. – Trondheim: NUST, 2000. – 213 pp.
4. Ivanov, A. V. Psoglavtsy [Doghead]. – Sankt-Petersburg: Azbuka-klassika, 2013. – 352 s.
5. Krestovskiy, V. V. Krovavyy puf. Pangurovo stado: Roman [Bloody poof]. – Moscow: EKSMO, 2007. – 637 s.
6. Lepakhin, V. I. Ikona v russkoy khudozhestvennoy literature: Ikona i ikonopochitaniye, ikonopis' i ikonopistysy [Icon in Russian Fiction: Icon and veneration of icons, iconography and icon painters]. – Moscow: Otchiy dom, 2002. – 735 s.
7. Leskov, N. S. Zapechatlennyy Angel [The Sealed Angel] // Leskov N. S. Sobraniye sochinenii [Collected Works]. – T. I. – Moscow: Terra – Knizhnyy klub, 2007. – 668 s.
8. Mel'nikov-Pecherskiy, P. I. V lesakh [In the Forests]. – T. I–II. – Moscow: Gosudarstvennoye izdatel'stvo khudozhestvennoy literatury, 1955.
9. Tarasov, O. Yu. Ikona i blagochestiye. Ocherki ikonnoogo dela v Imperatorskoy Rossii [Icon and devotion. Essays on icon painting in the Imperial Russia]. – Moscow: Progress – Kul'tura Traditsiya, 1995. – 495 s.
10. Trojanowska, B. "Odchodząca Ruś" i Rosja w twórczości Mikołaja Leskova: postaci, motywy, tematy, sposoby wyrażania ["The outgoing Ruthenia" and Russia in the works of Nicholai Leskov]. – Bydgoszcz: Wydawnictwo Uniwersytetu Kazimierza Wielkiego 2008. – 332 s.

CONFISCATION AND DESTRUCTION OF ICONS AS ELEMENTS
OF GOVERNMENT REPRESSIONS AGAINST OLD BELIEVERS
ON THE BASIS OF NIKOLAI LESKOV'S STORY
"THE SEALED ANGEL" AND PAVEL MELNIKOV-PECHECKY'S
NOVEL "IN THE FORESTS"

D. Walczak

University of Warsaw, Republic of Poland

Abstract

In this article the functioning of the literary motif of aggression against the Old Believers' icons by the state authorities in the story "The Sealed Angel" (1873) by Nikolai Leskov and in Pavel Melnikov-Pechersky's novel "In the Forests" (1871 – 1881) was analyzed. A relation was established between the biographies and the worldviews of the authors and their attitude towards the problem of confiscation and destruction of Old Believers' images.

So in the Nikolai Leskov's novel, as well as the first part of Pavel Melnikov-Pechersky's dilogy, the confiscation and destruction of Old-Believers' icons are indicated as one of the more significant elements of state repression against Old Believers, although the assessment of repression

directed against each of the above writers is completely different. Despite the fact that both authors wanted to reunite the Old Believers with the Orthodox Church, the coercive measures of government officials in relation to the adherents of the old faith were considered differently. The sympathizing Old Believers Orthodox journalist Leskov in his “The Sealed Angel” creates an extremely pessimistic picture of the absolute self-will and the self-rule of state officials towards the Old Believers deprived of civil rights, which goes beyond all moral boundaries and does not stop even before the obvious blasphemy committed against the all-Orthodox holy – icon of Angel. At the same time, the government official Melnikov-Pechersky, who is actively fighting with the Old Believers, shows the confiscation of the Old Believers’ Icon of Our Lady of Kazan as a fully justified measure, which contributes to the speedy elimination of the church schism.

Keywords: icon, iconoclasm, orthodoxy, schism, Old Believers, repressions, Nikolai Leskov, Pavel Melnikov-Pechersky

Поступила в редакцию 15.01.2019

Л. А. Гараева¹

*Муниципальное бюджетное учреждение культуры
«Объединение городских библиотек» г. Магнитогорска
larga12@yandex.ru*

Т. Б. Зайцева²

*Магнитогорский государственный
технический университет им. Г. И. Носова
tbz@list.ru*

АВАТАР ЧИТАТЕЛЯ ГОРОДСКОЙ БИБЛИОТЕКИ

Актуальность и новизна: впервые предлагается и рассматривается современный метод составления и использования аватара читателя как способ повышения эффективности работы библиотечной системы.

Намечаются и описываются необходимые этапы составления аватара читателя: 1) формирование перечня вопросов, необходимых для составления аватара клиента с учетом библиотечной специфики; 2) проведение социологического исследования целевой аудитории путем анкеты-опроса; 3) сегментирование аудитории пользователей; 4) составление портретов «идеального» читателя.

Благодаря предлагаемому методу проявляются особенности целевой аудитории библиотеки, выявляется отношение читателей разных возрастов, уровня образования и социального статуса к современному и будущему образу библиотеки, определяется степень удовлетворенности услугами библиотеки; обозначаются особенности и перспективы развития взаимоотношений с самыми разными читателями.

Современная библиотека может и должна улучшать качество жизни людей, помогать образовательным учреждениям воспитывать молодых и служить отдушиной для пожилых и одиноких, играть большую роль в формировании мировоззрения читателей

¹ Гараева Лариса Анваровна, кандидат филологических наук, доцент, главный библиотекарь филиала № 2 Муниципального бюджетного учреждения культуры «Объединение городских библиотек», г. Магнитогорск, Россия

² Зайцева Татьяна Борисовна, доктор филологических наук, доцент кафедры языкознания и литературоведения Магнитогорского государственного технического университета им. Г. И. Носова, г. Магнитогорск, Россия

и их внутренней культуры. Библиотека должна стать достойной альтернативой книжным магазинам и Интернету, чтобы хорошие новые книги стали доступны самым широким слоям населения. Работу библиотеки следует построить так, чтобы она могла удовлетворить запросы самых разных категорий пользователей.

Использование метода аватара, впервые сформировавшегося в маркетинговых исследованиях, соответствует представлениям о важном месте библиотеки в современном мире и о ее незаменимой роли в формировании и приумножении человеческого и культурного капитала; служит решению первостепенных задач, стоящих перед библиотекой, по привлечению читателя и обеспечению оптимальных условий коммуникации между пользователями услуг и библиотекой. Применение маркетинговых технологий помогает обеспечить конкурентоспособность библиотеки в соответствии с потребностями читателей цифровой эпохи.

Ключевые слова: аватар читателя, человеческий капитал, городская библиотека, маркетинговые исследования, сегментация целевой аудитории

Начиная с последних десятилетий XX века, внимание ученых и специалистов из разных областей – экономистов, психологов, политологов, управленцев, культурологов и других – привлекает человек как главная ценность. Все достижения науки, техники, культуры и искусства рассматриваются с точки зрения удовлетворения различных потребностей человека, полезности или неполезности для него; человек стал мерилom всего [10]. Появилось понятие «человеческий капитал» [5, 19].

Качество человеческого капитала во многом определяется культурным капиталом среды его жизнедеятельности. «Культурный капитал можно рассматривать как накопленные результаты творческой деятельности человечества в материальной, нематериальной формах, обладающие свойством создавать активы. Культурный капитал включается в структуру человеческого капитала через каналы образования, науки, информационного обслуживания, культуры и искусства, системы здравоохранения, экологического образования и воспитания» [5, 19].

Большую роль в формировании и приумножении человеческого и культурного капитала традиционно играют библиотеки. Они сохраняют и передают следующим поколениям накопленные человечеством знания и представления об окружающем мире,

способствуют развитию человека, обеспечивая ему доступность информации и знания. Да, в эпоху цифровой революции нужную информацию стало найти гораздо легче, конкурировать с Интернетом сложно. Но библиотека способна и здесь выступить в роли координатора, поскольку помогает отфильтровать поступающую информацию не только благодаря работе с проверенными источниками, но и, что чрезвычайно важно, доступу к первоисточникам. «В информационном обществе все более актуальным становится разработка методов приобщения к книжной культуре, продвижения чтения, развития и расширения информационных потребностей человека» [4, 131]. Сегодня для библиотеки «первоочередной задачей является привлечение читателя, диалог с читателем и обществом» [2, 106].

Кроме того, в последние годы библиотека начала выполнять новые, ранее ей несвойственные функции: она становится местом живого человеческого общения, где люди могут найти единомышленников в разных сферах. Современная библиотека – это культурно-образовательный центр с очень широким спектром деятельности и перечнем оказываемых населению услуг. Роль библиотеки «заключается в реализации не только образовательных, просветительских, но и воспитательных задач, в превращении учреждения в эпицентр значимых событий и акций городской культурной жизни» [1, 132].

«Личностное развитие и самосовершенствование является основополагающими категориями в жизни современного человека. Человек выходит на новый уровень поиска и потребления информации, значит, и социальные институты данной отрасли должны применять новые виды работы» [3, 153], для того чтобы правильно выстроить работу библиотеки и наметить дальнейшие перспективы развития коммуникаций с читателем. Среди традиционных распространенных методов изучения читателя и его чтения выделяют следующие: наблюдение, контент-анализ, опрос, метод экспертных оценок, анализ документации, анализ книжных формуляров, анализ материалов библиотечной статистики и т. д. [6].

Для реализации стратегии и тактики развития библиотеки мы предлагаем использовать современный метод исследования читателя – метод аватара, который зародился в недрах науки о рекламе и в последнее время активно используется в бизнесе для целенаправленного и успешного привлечения неслучайных клиентов. «Законы коммерческого «рынка» продвижения информации как товара или услуги можно применить и к сфере культуры, в частности, к деятельности библиотек» [3, 153].

Современные маркетинговые методы, на наш взгляд, являются наиболее эффективным инструментом при принятии управленческих решений в целях обеспечения конкурентоспособности библиотеки и в соответствии с потребностями читателей цифровой эпохи. При этом, конечно, мы будем учитывать специфику библиотечного дела.

Цель и задачи нашего исследования: составить на основании социологического портрета читателя городской библиотеки – аватар современного читателя. Для этого необходимо изучить и проанализировать целевую аудиторию библиотеки, выявить отношение читателей разных возрастов, уровня образования и социального статуса к современному и будущему образу библиотеки, прояснить литературные предпочтения современного читателя библиотеки и понять, чем они обусловлены, определить условия формирования литературного вкуса, а также степень удовлетворенности услугами библиотеки; в конечном итоге, обозначить особенности и перспективы развития взаимоотношений с самыми разными читателями.

Аватар читателя – понятие, сложившееся под влиянием современных маркетинговых технологий [см.: 7; 9]. Что же мы подразумеваем под аватаром читателя?

Аватар читателя – это максимально полная характеристика типичного читателя библиотеки, его детальный реалистичный портрет. Аватар читателя – своеобразный инструмент повышения эффективности работы библиотечной системы, обеспечивающий успех коммуникаций между библиотекой и читателем.

Важно разобраться, почему читатель обращается к услугам библиотеки, чего ждет от нее. Аватар читателя городской библиотеки призван более конкретно представить перспективы, средства, способы развития библиотечного дела, определить мотивацию, интересы и нужды пользователей, то есть стратегически верно спланировать взаимодействие библиотеки с читателем в современных условиях.

Составление аватара читателя позволит осуществлять планирование деятельности библиотечной организации с перспективой на будущее, лучше ориентироваться на рынке услуг; поможет понять, какой вектор развития необходимо наметить для того, чтобы читатель оставался с библиотекой, реализуя свои потребности в образовании, саморазвитии, общении, культурном досуге.

Маркетологи советуют давать аватару имя и фото, возможно, существующих на самом деле людей. В отделах маркетинга крупных компаний, таких как Coca-Cola и Procter&Gamble, есть даже специальные почетные доски с аватарами реальных клиентов

(с фотографией и описанием) [8]. Можно рекомендовать последовать этому примеру и завести своеобразную Доску почета «идеальных» читателей, чтобы было наглядно видно – для кого работают библиотекари: для реальных людей, а не для абстрактных пользователей библиотечными услугами.

Для того чтобы составить аватар читателя, надо пройти несколько этапов.

1. Ответить на ряд вопросов для детального описания портрета «идеального» читателя.

1. Имя читателя.
2. Его/ее пол.
3. Возраст.
4. Семейное положение.
5. Наличие/отсутствие детей.
6. Описание второй половины (при наличии). Отношение к чтению и книгам. Кто в семье принимает решения (в случае наличия семьи).
7. Род занятий. Где работает? Чем занимается на пенсии?
8. Доход (личный и семейный).
9. Социальный статус.
10. Образование.
11. Религиозные и философские взгляды.
12. Сфера интересов и увлечений.
13. Круг чтения.
14. Трудности и болевые точки (Самая большая неудовлетворенность в жизни этого читателя. Шаги, которые он принимает, чтобы устранить неудовлетворенность. Что его раздражает, сердит и что делает его недовольным).
15. О чем больше всего мечтает и чего хочет в глубине души читатель? Жизненные ценности и приоритеты.
16. Как выглядит обычный день читателя?

Ответить на все вопросы помогут социологические маркетинговые исследования целевой аудитории.

Мы предложили читателям филиала № 2 МБУК «Объединение городских библиотек» г. Магнитогорска анкету-опросник.

Результаты социологического опроса (анкеты).

Опрошено 188 пользователей: из них в возрасте до 30 лет – 18,5 %, с 31 до 50 лет – 19 %, старше 50 лет – 59,2 %, не указали возраст – 2,6 %.

Среди них учащиеся школ и колледжей – 10,6 %, вузов – 3,7 %, имеют среднее образование – 40,2 %, высшее образование – 31,2 %, имеют среднее образование – 40,2 %, высшее образование – 31,2 %.

неполное среднее – 1 %, образование не указали – 24 чел. (12,6 %). Из не указавших образование – 15 человек (7,9 %) – пенсионеры старше 60 лет. Видимо, они очень отстали от общественной жизни и не ощущают себя полноправными членами общества. Предположительно, они имеют среднее образование.

Из опрошенных взрослых читателей (не учащихся) имеют рабочую профессию 6,3 %, работники сферы услуг – 5,8 %, служащие – около 18 %, индивидуальные предприниматели – 1 %, инвалид детства – 1 чел. (0,5 %), пенсионеры – 48,6 %, не указали место работы – 6,3 %.

Приведем вопросы анкеты и укажем процентное соотношение выбранных вариантов ответа.

1. Сколько лет Вы являетесь нашим читателем?

- а) менее года – 17 %;
- б) 1-2 года – 18,6 %;
- в) 3-5 лет – 15,4 %;
- г) больше 5 лет – 48,9 %.

2. С какой целью Вы обращаетесь в библиотеку?

Чаще всего звучал ответ:

а) получить учебную, научную, художественную, справочную литературу – 88,5 %;

б) поработать с электронными изданиями, периодическими изданиями, каталогами, картотеками – 1 %;

в) воспользоваться интернетом – 4,7 %;

г) отдохнуть и провести время – 14,8 %;

д) посетить мероприятия, проводимые библиотекой, – 5,3 %.

3. Как часто Вы посещаете библиотеку?

а) почти каждый день – 1,5 %;

2) 1-2 раза в неделю – 7,4 %;

3) 1-2 раза в месяц – 72,3 %;

4) от случая к случаю – 18,6 %.

4. Какой отдел библиотеки чаще посещаете?

а) Абонемент – 93,6 %;

б) Читальный зал – 6,9 %;

в) Зал электронных документов – 2,1%.

5. Смогли ли Вы удовлетворить свои запросы, используя фонд отдела?

а) частично – 40,9 %;

б) полностью – 56,9 %;

в) нет – 1,6 %.

Никак не ответил 1 читатель: он посещает только зал электронных документов, используя наш интернет.

6. Устраивает ли Вас состав и наполненность фонда библиотеки?

а) да – 75 %;

б) нет – 25 %.

7. Довольны ли Вы качеством обслуживания в библиотеке?

а) да – 100%;

б) нет – 0 %.

8. Ваши предложения по комплектованию фонда библиотеки:

– предложений нет – 53,7 %;

остальные читатели хотят новинок, из них хотят

– побольше новинок отечественной и зарубежной художественной литературы – 28,7 %;

– в том числе побольше книг О. Роя – 2 чел., стихов Б. Ручьева, Э. Асадова, А. Знаменской, М. Семеновой; хочется открывать новых авторов – 3 чел.;

– побольше детективов – 4,7 %, в том числе новые детективы Шиловой, Донцовой, новые адвокатские детективы;

– побольше любовных романов – 3,1 %;

– побольше свежих изданий русской и зарубежной классики – 2,6 %;

– побольше книг про Великую Отечественную войну и по истории – 2,6 %;

– больше книг по психологии – 2,1 %, в том числе по женской психологии – 1 чел.;

– побольше детской литературы – 2,1 %;

– побольше фантастики – 1,5 %;

– побольше научно-познавательной литературы – 1 %;

– современную публицистику – 1 %;

– по 1 чел. (по 0,5 %) – побольше исторических романов, философской литературы,

– энциклопедий, духовной литературы, толстые литературные журналы «Новый мир», «Москва», «Октябрь», «Иностранная литература»; новые журналы по рукоделию и шитью, китайскую художественную литературу, новые учебники, словари; побольше книг на немецком языке; новую литературу по языкознанию.

9. Умеете ли Вы пользоваться электронными ресурсами библиотеки?

а) да – 34,5 %;

б) нет – 60,6 %.

Ничего не ответили 9 человек (4,7 %). Все они пенсионеры. Можно предположить, что они тоже не умеют, поэтому и проигнорировали данный вопрос.

10. Цель использования информации:

- а) учебный процесс – 12,2 %;
- б) научная работа – 1 %;
- в) собственный интерес – 92 %.

Цифры здесь пересекаются, потому что некоторые выбирали два варианта ответа – и учебный, и собственный интерес.

11. Все ли Вас устраивает в библиотеке в плане комфорта?

а) да – 97,8 %;

б) нет – 2,1 %. Замечания: не хватает столов и стульев в читальном зале (прошло мероприятие, столы поставить не успели); освещение темноватое (перегорело несколько лампочек); хочется водички в читальном зале; нужны новые стеллажи и новые книги.

Выводы

Средний сегодняшний читатель нашей библиотеки – это пожилой человек старше 50 лет (59,2 %) со средним или высшим образованием. Из этих читателей 48,6 % – пенсионеры. Больше половины (64,3 %) опрошенных читателей пользуются услугами нашей библиотеки 3 года и более (от 3 до 5 лет – 15,4 %, свыше 5 лет – 48,9 %), значительное большинство ходят к нам регулярно, 1-2 раза в месяц (72,3 %).

Большая часть респондентов считает библиотеку информационным центром (89,5 %). Подавляющее большинство читателей (92 %) берут в библиотеке литературу для собственного интереса. Эта цифра коррелирует с возрастным портретом нашего среднего читателя: по понятным причинам, пенсионеры уже не занимаются ни учебной, ни научной работой. Кроме того, к сожалению, библиотека сегодня не может предложить современную научную и учебную литературу для молодых читателей.

Для учебного процесса берут литературу 12,2 % читателей, чаще всего это классика по школьной программе.

Больше половины наших читателей (60,6 %) не умеют пользоваться электронными ресурсами библиотеки, а это значит, что востребованность курсов по повышению компьютерной грамотности у нас будет еще долго высокой.

Около 20 % читателей приходят в библиотеку, чтобы отдохнуть и провести время, посетить мероприятия, проводимые библиотекой, и это радует. Но, конечно, хотелось бы привлечь в библиотеку побольше молодых читателей, а для этого необходимо в первую очередь обновить книжный фонд. В целом, состоянием нашего фонда удовлетворены 75 % читателей. Но никаких замечаний по комплектованию нет лишь у 53,7 %. Остальные читатели, даже если

они в целом удовлетворены состоянием фонда, хотели бы побольше новинок. Больше всего им не хватает новинок современной отечественной и зарубежной литературы (28,7 %). Читатели ожидают новинок практически во всех разделах художественной литературы, а также по истории, психологии, философии, публицистике, языкознанию, в научно-популярной литературе; хотят читать новые литературно-художественные журналы и журналы по рукоделию и шитью, новые учебники, энциклопедии и словари.

Радует, что читатели единодушно довольны обслуживанием в нашей библиотеке – 100 %. Некоторые не просто написали «все устраивает», а добавили: «Очень комфортно», «Знающий коллектив, корректный, толерантный», «Все устраивает. Спасибо!».

4 человека высказали замечания по организации пространства библиотеки, и мы постараемся их учесть.

Наша библиотека ориентирована на всех читателей от 12-14 лет и старше, а это значит, что сюда обращаются люди разных возрастных групп, разного социального статуса, с разными потребностями и ценностями. Очевидно, что необходимо сегментировать читательскую аудиторию, что также можно сделать по результатам опросов читателей. По результатам анкетирования читателей было составлено несколько аватаров для представителей разных сегментов нашей целевой аудитории. Эти сегменты следующие.

1. Учащиеся (студенты), интеллигентные молодые рабочие (служащие) в возрасте от 12 до 25-30 лет.

2. Работающие семейные люди в возрасте от 30 до 55-60 лет.

3. Инвалиды, пенсионеры или одинокие люди от 30 лет и старше.

Итогом нашего исследования стали три аватара городского читателя.

Аватар № 1

1. Сведения о читателе.

Александр, 20 лет, учится в политехническом колледже, живет в Магнитогорске с родителями.

Увлекается современной музыкой, любит читать фантастику. Хочет после окончания колледжа устроиться работать на ММК, найти спутницу жизни и создать свою семью; найти свое место в жизни.

Проблемы: не очень уверен в себе; ограничен в средствах.

2. Зачем приходит в библиотеку?

Он хочет: найти необходимую учебную литературу, в том числе на иностранных языках, или книги для удовольствия; поработать с книгами, которые на дом не выдаются (словари, энциклопедии и особо ценные книги), в читальном зале, отсканировать какие-то

статьи из них; пообщаться с единомышленниками – любителями фантастики и современной музыки; возможно, мечтает познакомиться с воспитанной, скромной и начитанной девушкой.

Для него важно: чтобы книги были хорошего качества, изданные в авторитетном издательстве, с красивой обложкой и, по возможности, с иллюстрациями; чтобы они содержали исчерпывающую информацию; чтобы, в случае необходимости, можно было бы поработать в виртуальном читальном зале; чтобы библиотекарь был доброжелательным и компетентным; чтобы в библиотеке было комфортно и чтобы встречи в клубе по интересам проходили в его свободное время (по выходным или после 17. 00).

3. Источники информации:

- а) о книгах – преподаватель; интернет; друзья;
- б) о библиотеке и ее клубах и мероприятиях – сайт Центральной библиотеки; группа нашей библиотеки во «ВКонтакте»; СМИ; родители; преподаватель; друзья.

4. По каким критериям принимает решение пойти в библиотеку?

Для него важно: богатый выбор авторитетной научной и учебной литературы, наличие классики и современной отечественной и зарубежной литературы, наличие большого количества книг на иностранных языках, скорость и удобство предоставления услуг; возможность проконсультироваться с библиотекарем; бесплатность услуг.

5. Трудности и болевые точки.

Чего он хочет избежать: чрезмерных расспросов о его личной жизни; понести большие расходы на приобретение книг и за участие в мероприятиях библиотеки.

Чего он боится: не найти нужную книгу или журнал; взять неинтересную книгу; попасть на неинтересное мероприятие; показаться глупым или неловким.

6. Возражения и роль библиотеки в процессе выбора книги или мероприятия.

Александр боится быть чересчур откровенным, сообщать слишком подробные сведения о себе; боится показаться несовременным.

Ему нужна консультация библиотекаря и организаторов мероприятия.

7. Что не устраивает читателя в работе библиотеки? Что можно улучшить?

Александру не нравятся старые, давно не переиздававшиеся книги; отсутствие последних новинок учебной и научной литературы;

небольшое количество новинок отечественной и зарубежной литературы; невозможность сделать ксерокопию нужной статьи.

Необходимо придумать мероприятия, в которых Александр захотел бы принять участие, чтобы его тянуло в библиотеку, чтобы библиотека стала модным местом для встреч молодежи.

8. Будущее отношений библиотеки с Александром.

В будущем Александр, скорее всего, создаст свою семью, у него будут дети. Надо сделать так, чтобы он захотел привести в библиотеку своих детей. Возможно, он порекомендует библиотеку своим родителям и друзьям, и они тоже захотят стать читателями, посещать мероприятия библиотеки.

Аватар № 2.

1. Сведения о читателе.

Марина, 38 лет, образование высшее, работает в государственном (муниципальном) учреждении или на ММК, замужем, двое детей, живет в Магнитогорске.

2. Зачем приходит в библиотеку?

Она хочет: найти необходимую научную, учебную или художественную литературу для детей; отксерокопировать статьи из тех книг, которые на дом не выдаются (из словарей, энциклопедий и особо ценных книг).

Для нее важно: чтобы книги были хорошего качества, изданные в авторитетном издательстве, с красивой обложкой и, по возможности, с иллюстрациями, с крупным шрифтом; чтобы они содержали исчерпывающую информацию; чтобы библиотекарь обслуживал быстро и эффективно.

3. Источники информации:

а) о книгах – преподаватели детей;

б) о библиотеке – сайт Центральной библиотеки; группа нашей библиотеки во «ВКонтакте»; СМИ; родители (бабушки и дедушки ее детей); преподаватели детей; сама ходила сюда, когда училась в школе, или нашла случайно; доска объявлений в библиотеке.

4. По каким критериям принимает решение пойти в библиотеку?

Для нее важно: расположение рядом с домом, богатый выбор учебной и научной литературы, наличие классики и современной отечественной и зарубежной литературы, скорость и удобство предоставления услуг.

5. Трудности и болевые точки.

Чего она хочет избежать: долгих поисков книги; необходимости изучать книги в библиотеке; взять неинтересные или бесполезные книги.

Чего она боится: не найти нужную книгу; платных услуг; навязчивой рекламы услуг библиотеки.

6. Возражения и роль в процессе выбора книги.

Ей нужна консультация библиотекаря в поиске книг для детей; информация о работающих в библиотеке клубных объединениях и проводимых мероприятиях.

Говорит, что самой ей книги читать некогда.

7. Что не устраивает читателя в работе библиотеки? Что можно улучшить?

Марине не нравятся старые, давно не переиздававшиеся книги, книги с мелким шрифтом без иллюстраций; отсутствие последних новинок учебной и научной литературы; небольшое количество новинок отечественной и зарубежной литературы; невозможность сделать ксерокопию нужной статьи.

Необходимо проинформировать Марину о мероприятиях, проходящих в библиотеке, и о работающих в библиотеке клубах, чтобы если не она сама, так члены ее семьи (пожилые родители, дети) захотели их посетить.

8. Будущее отношений библиотеки с Мариной.

Марина может потерять работу; дети вырастут; кроме того, со временем она выйдет на пенсию. У нее появится свободное время, и важно, чтобы она захотела читать и пришла в нашу библиотеку. Возможно, ей не будет хватать общения с ровесниками, и она захочет ходить в какой-нибудь клуб.

А возможно, она преувеличивает нехватку времени, и какая-нибудь модная книжная новинка ее заинтересует; возможно, она захочет взять с собой в поездку необременительный дамский роман или детектив.

Аватар № 3

1. Сведения о читателе.

Николай, 50 лет, инвалид 2 группы, не работает, живет с мамой в Магнитогорске, образование среднее.

Проблемы: не уверен в себе, замкнут, одинок, ограничен в средствах.

2. Зачем приходит в библиотеку?

Он хочет: найти книги для удовольствия; в глубине души мечтает расширить рамки ежедневного общения с мамой и 1-2 друзьями; познакомиться и подружиться с такой же одинокой женщиной (ведь родители не вечны) и более успешными (по его мнению) ровесниками.

Для него важно: чтобы книги были разнообразные и чтобы их было много, чтобы почаще появлялись новинки; чтобы

библиотекарь был чутким и доброжелательным; чтобы в библиотеке было комфортно; чтобы работали интересные клубы для одиноких людей его возраста.

3. Источники информации:

а) о книгах – интернет; свободный просмотр литературы на полках библиотеки и на выставках; мама; друзья;

б) о библиотеке и ее клубах и мероприятиях – сайт Центральной библиотеки; группа нашей библиотеки во «ВКонтакте»; СМИ; мама; друзья; доска объявлений в библиотеке.

4. По каким критериям принимает решение пойти в библиотеку?

Для него важно: расположение рядом с домом, богатый выбор классики, современной художественной и отраслевой литературы (общественные науки, психология, техника, география и т. п.), скорость и удобство предоставления услуг, бесплатность услуг, возможность свободного и уединенного просмотра книг на полках и взятия их на дом на большой срок.

5. Трудности и болевые точки.

Чего он хочет избежать: повышенного внимания к себе, чрезмерных расспросов о его личной жизни; расходов на приобретение книг и за участие в мероприятиях библиотеки.

Чего он боится: что перечитает все книги в библиотеке и нечего будет читать; опасается взять неинтересную книгу; показаться глупым, некрасивым или неловким.

6. Возражения и роль в процессе выбора книги или мероприятия.

Николай боится общаться с библиотекарем, стесняется попросить о консультации.

Ему нужна ненавязчивая реклама функционирующих при библиотеке клубов и проводимых мероприятий, а также поступивших в библиотеку новинок; побольше различных книжных выставок.

7. Что не устраивает читателя в работе библиотеки? Что можно улучшить?

Николай очень благодарный и не слишком требовательный читатель. Но ему, как и другим читателям, не нравятся старые, давно не переиздававшиеся книги; книги, изданные на плохой бумаге и с мелким шрифтом; отсутствие последних новинок научной и научно-популярной литературы, научно-популярных журналов; небольшое количество новинок отечественной и зарубежной литературы.

Необходимо ненавязчиво, чтобы не отпугнуть, проинформировать Николая о мероприятиях, проходящих

в библиотеке, и о работающих в библиотеке клубах, чтобы он захотел их посетить.

8. Будущее отношений библиотеки с Николаем.

В будущем, возможно, Николай начнет посещать работающие в библиотеке клубы по интересам, познакомится в библиотеке с такой же одинокой женщиной, и они вместе будут ходить сюда за книгами; его читательские интересы расширятся; у этой женщины будут внуки, которым понадобятся книги.

В случае, если Николай так и останется одинок, ему постоянно будут нужны новые интересные книги разной тематики; возможно, он будет продолжать посещать разные библиотечные клубы.

Заключение.

Таким образом, необходимо построить работу библиотеки так, чтобы она могла удовлетворить запросы самых разных категорий читателей. И в этом ей помогут составленные нами аватары.

Аватар читателя городской библиотеки целесообразно использовать в следующих случаях:

- 1) при создании интернет-контента для сайта библиотеки или ведения групп в социальных сетях;
- 2) при написании информационных сообщений и создании рекламного материала;
- 3) при комплектовании библиотечного фонда;
- 4) для развития системы библиотечных услуг;
- 5) для организации работы клубов по интересам и проведения мероприятий для взрослых читателей.

Современная библиотека может и должна улучшать качество жизни людей, помогать образовательным учреждениям воспитывать молодых и служить отдушиной для пожилых и одиноких, играть большую роль в формировании мировоззрения читателей и их внутренней культуры. Библиотека должна стать достойной альтернативой книжным магазинам и Интернету, чтобы хорошие новые книги стали доступны самым широким слоям населения. Нужно сделать так, чтобы ходить в библиотеку было и комфортно, и модно.

Литература

1. Диска, Н. И. Посетители библиотек в ситуации культурного разнообразия: проблемы и вызовы социокультурной реальности / Н. И. Диска // Вестник культуры и искусств. – 2017. – 4 (52). – С. 127–135.

2. Маркова, Т. Б. Коммуникация между библиотекой и читателем / Т. Б. Маркова // *Информация – Коммуникация – Общество*. – 2010. – № 1. – С. 104–107.
3. Матвеева, И. Ю. Библиографическая информация в сетевых сообществах интернета / И. Ю. Матвеева, Т. С. Постарнак // *Libri Magistri*. – 2017. – Вып. 4. Филология в XXI веке. – С. 149–154.
4. Матвеева, И. Ю., Карпинская Е. В. Возможности использования информационно-коммуникационных технологий в активизации читательской деятельности пользователей библиотек / И. Ю. Матвеева, Е. В. Карпинская // *Libri Magistri*. – 2018. – Вып. 5. Аксиологический диалог культур. – С. 130–136.
5. Никонорова, Е. В. Устойчивое развитие культурного и человеческого капитала: роль библиотек и ее оценка / Е. В. Никонорова // *Библиотековедение*. – 2017. – Т. 66. – № 1. – С. 19–28.
6. Павлюк, В. Н. Изучение читателя и его чтения в библиотеке / В. Н. Павлюк // *Макушинские чтения*. – 2012. – № 9. – С. 221–225.
7. Солодар, М. Как составить портрет идеального клиента? Пошаговое руководство по созданию аватара [Электронный ресурс] / М. Солодар. – Режим доступа: <https://mariyasolodar.com/materialy-po-marketingu/kak-pravilno-sostavlyat-avatory-klientov>
8. Церебро Таргет. Составляем аватар клиента [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://vk.com/page-73662138_49793951
9. Чемякин, Е. Аватар клиента, без которого не сделать эффективной рекламы [Электронный ресурс] / Е. Чемякин. – Режим доступа: <https://in-scale.ru/blog/avatar-klienta.html>
10. Ярославцева, Е. И. Постнеклассическая наука и современные гуманитарные практики / Е. И. Ярославцева // *Постнеклассические практики: опыт концептуализации: коллективная монография под общ. ред. Аршинова В. И., Астафьевой О. Н.* – СПб: Изд-во «Мирь», 2012. – С. 109–125.

References

1. Diskaya, N. I. Posetiteli bibliotek v situatsii kul'turnogo raznoobraziya: problemy i vyzovy sotsiokul'turnoi real'nosti [Library Visitors in the Situation of Cultural Diversity: Problems and Challenges of Sociocultural Reality] // *Vestnik kul'tury` i iskusstv [Culture and Arts Herald]*. – 2017. – 4 (52). – S. 127–135.

2. Markova, T. B. Kommunikatsiya mezhdu bibliotekoi i chitatelem [Communication Between Library and Reader] // Informatsiya – Kommunikatsiya – Obshchestvo [Information – Communication – Society]. – 2010. – № 1. – S. 104–107.
3. Matveeva, I. Yu. Bibliograficheskaya informatsiya v setevykh soobshchestvakh internet [Bibliographic information in online communities the Internet] // Libri Magistri. – 2017. – № 4. – S. 149–154.
4. Matveeva, I. Yu. Vozmozhnosti ispol'zovaniya informatsionno-kommunikatsionnykh tekhnologiy v aktivizatsii chitateľ'skoj deyatel'nosti pol'zovateľey bibliotek [Possibilities of using information and communication technologies in enhancing the reading activity of library users] // Libri Magistri. – 2018. – № 5. – S. 130–136.
5. Nikonorova, E. V. Ustoychivoe razvitiye kul'turnogo i chelovecheskogo kapitala: rol' bibliotek i eyo otsenka [Sustainable Development of Cultural and Human Capital: the Role of Libraries and Its Assessment] // Bibliotekovedeniye [Library and Information Science]. – 2017. – Vol. 66. – № 1. – S. 19–28.
6. Pavlyuk, V. N. Izuchenie chitateľya i ego chteniya v biblioteke [The Study of the Reader and His Reading in the Library] // Makushinskiye chteniya [Makushinsky readings]. – 2012. – № 9. – S. 221–225.
7. Solodar, M. Kak sostavit' portret ideal'nogo klienta? Poshagovoe rukovodstvo po sozdaniyu avatara [How to Draw Up a Portrait of an Ideal Customer? Step-By-Step Guide to Creating an Avatar] [E`lektronny`j resurs]. – Rezhim dostupa: <https://mariyasolodar.com/materialy-po-marketingu/kak-pravilno-sostavlyat-avatary-klientov>
8. Tserebro Target. Sostavlyaem avatar klienta [Cerebro Target Drawing Up an Avatar of a Client] [E`lektronny`j resurs]. – Rezhim dostupa: https://vk.com/page-73662138_49793951
9. Chemyakin, E. Avatar klienta, bez kotorogo ne sdelat' effektivnoi reklamy [The Avatar of a Client, Without Which You Cannot Make an Effective Advertising] [E`lektronny`j resurs]. – Rezhim dostupa: <https://in-scale.ru/blog/avatar-klienta.html>
10. Yaroslavtseva, E. I. Postneklassicheskaya nauka i sovremennyye gumanitarnyye praktiki // Postneklassicheskiye praktiki: opyt kontseptualizatsii: kollektivnaya monografiya, ed. Arshinov V. I., Astaf'eva O. N. [Post-Non-Classical Science and Modern Humanitarian Practices, Post-Non-Classical Practices: The Experience of Conceptualization: a Collective Monograph, ed. Arshinov V. I., Astafieva O. N.]. – Sankt-Peterburg, izdatel'stvo Mir [Saint Petersburg, Mir Publishing]. – 2012. – S. 109–125.

URBAN LIBRARY: A READER AVATAR

Larisa A. Garaeva,

Candidate of Sciences (Philology), Municipal budgetary cultural institution
‘Association of city libraries’ (Magnitogorsk, Russia)

Tatiana B. Zaitseva,

Doctor of Sciences (Philology), Assistant Professor of the Department
of Linguistics and Literary Studies, Nosov Magnitogorsk State
Technical University (Magnitogorsk, Russia)

Abstract

The article introduces and describes the necessary steps of creation of a reader avatar: 1) establishment of a list of questions necessary to create a reader avatar while taking into consideration the specific features of a library; 2) conducting a sociological research of the target audience using a questionnaire; 3) segmentation of the user audience; 4) composing a portrait of an "ideal" reader.

The proposed method helps clarify the features of the target audience of a library and specify the attitude of readers of different age groups to the modern and the future image of a library. It helps define the degree of satisfaction of the library service and delineate specific features and prospects of developing the relationships with readers of all types.

A modern library can and should improve the quality of people's lives, help educational institutions teach the young and be an area where the older and the lonesome vent. It should play a big role in forming a reader's worldview and their inner culture. The library should become a decent alternative to bookstores and the Internet, so that good new book would be available to the population. The library should organize its work to meet the demands of all sorts of readers.

The use of the avatar method first introduced in the marketing research corresponds to the ideas of an important part a library takes in the modern world and its indispensable role in forming and enhancement of human and cultural capital. It helps take up the primary goals of libraries – to attract a reader and create the most optimal framework for communication between the service users and the library. The use of marketing techniques helps provide libraries with a competitive advantage in keeping with the demands of readers of the digital age.

Keywords: reader's avatar, human capital, city library, marketing research, segmentation of the target audience

Поступила в редакцию 23.01.2019

УДК 02:378
ББК 78+74.48

М. Ю. Ваганова¹

*Челябинский государственный институт культуры
margarita605@ya.ru*

ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС САМОРАЗВИТИЯ СТУДЕНТОВ НА ОСНОВЕ ОСОЗНАНИЯ И ПРЕОДОЛЕНИЯ ТРУДНОСТЕЙ ЧТЕНИЯ

Исследуется проблема трудностей чтения студентов. Трудности чтения рассматриваются как ситуативная подсистема чтения, которая состоит из объективных сложностей. Осознание и преодоление трудностей чтения являются факторами саморазвития студентов. Преодоление трудностей чтения посредством их осознания в процессе читательской рефлексии рассматривается как важнейший фактор читательского саморазвития. В отличие от развития саморазвитие – это всегда осознаваемый процесс. Через осознание идет трансформация личности читателя. Саморазвитие реализуется преодолением субъективных трудностей чтения через выход в рефлексивную позицию. В рефлексивной деятельности выделено несколько этапов: 1) выявление наличествующих проблем; 2) постановка цели; 3) планирование деятельности; 4) деятельность; 5) анализ качества деятельности, проверка результатов; 6) исправление обнаруженных недостатков; 7) сопоставление результатов с достигнутой целью. Все они рассмотрены как механизм осознания трудностей чтения. Представлен технологический процесс саморазвития, включающий четыре блока: эмоционально-рефлексивный; мотивационно-целевой; процессуально-ориентировочный; результативно-проектный и приоритетные методы. Показано, что они могут протекать последовательно, от предфазы – к постфазе читательской деятельности. Технология осознания трудностей чтения литературы отраслевой тематики состоит из следующих блоков: эмоционально-рефлексивного, мотивационно-целевого, процессуально-ориентировочного, результативно-проектного. Предложенная технология дает студенту базовую психолого-педагогическую подготовку, методологическую основу для осознанного преодоления трудностей чтения и сознательного управления саморазвитием. Первый блок методов

¹ Ваганова Маргарита Юрьевна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры библиотечно-информационной деятельности, Челябинский государственный институт культуры, г. Челябинск, Россия

(эмоционально-рефлексивный) направлен на осознание и устранение трудностей чтения. Второй блок метод (мотивационно-целевой) призван обеспечить заинтересованность студентов в работе и направлен на осознание и устранение трудностей чтения. Описанная библиотечно-педагогическая технология на основе осознания и преодоления трудностей чтения призвана расширить образовательное пространство и расширяет возможности педагогического диалога.

Ключевые слова: чтение, трудности чтения, читательская рефлексия, осознание и преодоление трудностей чтения, саморазвитие студентов, технология саморазвития

Ценностным ориентиром профессионального образования сегодня является подготовка специалистов, способных к саморазвитию [2; 4]. Успех в этой деятельности во многом зависит от метапредметных умений, в частности от умения читать. Однако в высшие учебные заведения студенты нередко приходят с «багажом школьной культуры чтения и письма». Написание курсовых, дипломных работ, публикации статей в сборниках, профессиональных журналах, участие в студенческих конференциях, олимпиадах, конкурсах, участие в грантовых исследовательских проектах для студентов являются сложным делом. Кроме того, они часто не осознают трудности чтения, не могут их назвать или не хотят признаться в своих затруднениях, приобретают необходимые умения и навыки методом «проб и ошибок».

Трудности чтения – это ситуативная подсистема чтения, которая состоит из объективных сложностей (лексические, синтаксические и смысловые особенности текста, ситуация чтения), и субъективных трудностей (лексико-лингвистические, коммуникативно-речевые, психологические, логические, рефлексивные, квалификационные) [3, 50].

Самостоятельно осознать перечисленные трудности студентам сложно. Осознание и преодоление вышеперечисленных трудностей чтения являются факторами саморазвития студентов. Данное утверждение основано на следующих психолого-педагогических положениях. Прежде всего, саморазвитие – это всегда осознаваемый процесс, в отличие от развития. Через осознание идет трансформация личности читателя. Осознание есть результат работы сознания, а его механизмом является читательская рефлексия – мыследеятельностный или чувственно-переживаемый процесс осмысления субъектом собственной деятельности, включающий размышления о своем чтении, самонаблюдение, самопознание. Осознание осуществляется в результате читательской рефлексии [11, 125].

Преодоление трудностей чтения посредством их осознания в процессе читательской рефлексии является важнейшим фактором читательского саморазвития. Рефлексивная деятельность, состоит из следующих действий: 1) выявление наличествующих проблем; 2) постановка цели; 3) планирование деятельности; 4) деятельность; 5) анализ качества деятельности, проверка результатов; 6) исправление обнаруженных недостатков; 7) сопоставление результатов с достигнутой целью [10, 211]. Перечисленные рефлексивные действия являются механизмом осознания трудностей чтения. Соблюдение последовательности данных этапов поможет осуществить рефлексивный процесс, который в конечном итоге ведет к саморазвитию читателя.

Применительно к сфере чтения названные этапы могут быть представлены как рефлексивные акты, предполагающие умение поставить себя в состояние рефлексивного осмысления собственной читательской деятельности. Условно их можно сгруппировать в четыре блока: эмоционально-рефлексивный; мотивационно-целевой; процессуально-ориентировочный; результативно-проектный; они могут протекать последовательно, от предфазы – к постфазе читательской деятельности.

Применение технологического процесса нацелено на научение студентов в момент затруднения видеть проблему, фиксировать свою неспособность решить трудность имеющимися знаниями, ставить цель, задачи, находить методы и приемы решения, контролировать действия. Интеграция библиотечных и педагогических приемов, методов составляет основу технологического процесса осознания преодоления трудностей чтения литературы отраслевой тематики студентами [1; 7].

Технология осознания трудностей чтения литературы отраслевой тематики состоит из следующих блоков: эмоционально-рефлексивного, мотивационно-целевого, процессуально-ориентировочного, результативно-проектного.

Первый блок методов направлен на осознание и устранение трудностей чтения: эмоционально-рефлексивный блок. На первом этапе важно стимулировать ситуацию читательского успеха, интереса, любознательности, удивления; создать атмосферу взаимного принятия и успешной деятельности; выявить проблемы, сформировать рефлексивную позицию читателя. Поставленные задачи выполняются с использованием следующих методов: вопросно-развивающая беседа, мультимедийные средства (презентации), книжные выставки, читательский кейс, в первую часть которого входят читательская биография, анкета читателя, направленная на выявление

осознаваемых трудностей чтения, протокол самонаблюдения, метод неоконченных предложений, «мой метод», библиографический список книг.

Вторым блоком методов, направленных на осознание и устранение трудностей чтения, является мотивационно-целевой блок. Здесь необходимо обеспечить заинтересованность студентов в работе, мотивацию самостоятельной деятельности и творческой активности. Важно сформировать мотив самореализации; умение ставить цель, планировать деятельность, умение самоконтроля, самокоррекции. На втором этапе используются методы: вопросно-развивающая беседа [5, 84], читательский кейс, прием рефлексивных самовопросов, дискуссионный метод, метод внутреннего самодialogа, читательского целеполагания, читательского планирования, поведенческого научения», упражнения, задания.

Третьим блоком является процессуально-ориентировочный блок. В нем решаются следующие задачи: сформировать ценностное отношение к систематическому читательскому рефлексированию как основе позитивного самопознания; сформировать рефлексивно-методологические основы читательской деятельности; сформировать устойчивый навык применения приемов и способов рефлексивно-методологической деятельности на практике. Используются методы: рефлексивно-аналитическая беседа, организационно-деятельностная игра (ОДИ), читательский кейс, закладки с заданиями, работа с каталогами, картотеками, библиографический список литературы, упражнения (включая такую их разновидность как комментированные упражнения), метод «говорящая рефлексия или мышление вслух», прием рефлексивных самовопросов; метод поведенческого научения, метод алгоритмов.

Четвертым блоком является *результативно-проектный*. В нем решаются следующие задачи: формирование самоконтроля, умения корректировать читательскую деятельность; проверка результатов, исправление обнаруженных недостатков, сопоставление результатов с достигнутой целью; организация студентами собственной траектории преодоления читательских трудностей; создание индивидуальных информационных продуктов по читательской рефлексии и преодолению трудностей чтения. Применяются следующие методы: рефлексивно-аналитическая беседа, метод читательского кейса [8, 248], книжные выставки, алгоритмы, закладки с заданиями, библиографические списки литературы, метод ошибок, создание индивидуальных проектов. В результативно-проектном блоке отметим методы, которые используются для рефлексивного анализа ситуации чтения. Формирование рефлексии проводится при помощи метода рефлексивного вопроса, рефлексивно-аналитической беседы, метод ошибок или «знаю трудность».

Таким образом, представленная библиотечно-педагогическая технология на основе осознания и преодоления трудностей чтения расширяет образовательное пространство, возможности диалога различных педагогических систем и технологий обучения саморазвитию студентов.

Литература

1. Акулина, С. В., Петухова, Е. В. Роль вузовской библиотеки в формировании информационной грамотности и компетенции в процессе подготовки специалистов / С. В. Акулина, Е. В. Петухова // Вестник российского университета кооперации. 2014. – № 4 (18). – С. 70–76.
2. Батыркаев, Р. Р. Саморазвитие студента / Р. Р. Батыркаев, Ю. А. Корепанова, В. Д. Паначев, А. С. Сырчиков // Путь науки. – 2014. – № 5 (5). – С. 90–91.
3. Ваганова, М. Ю. Осознаваемые и неосознаваемые трудности чтения литературы отраслевой тематики (на примере старшеклассников) / М. Ю. Ваганова // Чтение на Евразийском перекрестке: междунар. интеллектуал. форум (Челябинск, 27–28 мая 2010 г.): сб. материалов форума. – Челябинск, 2010. – С. 49–53.
4. Егорова, Ю. А. Студент вуза как субъект саморазвития / Ю. А. Егорова // Педагогика высшей школы. – 2015. – № 1 (1). – С. 3–7.
5. Корнаухова, М. П., Михелькевич, В. Н. Эволюция развития и использования сократовского вопросно-развивающего метода в обучении и творческой профессиональной деятельности / М. П. Корнаухова, В. Н. Михелькевич // Вестник Самарского государственного технического университета. Серия: Психолого-педагогические науки. – 2013. – № 2 (20). – С. 80–85.
6. Минсадыкова, Г. Н., Шаймарданова, Л. В. Сущность методов устного изложения знаний в условиях современного образования / Г. Н. Минсадыкова, Л. В. Шаймарданова // Развитие современного образования: теория, методика и практика. – 2016. – № 4 (10). – С. 62–65.
7. Митин, Д. В. Формирование информационно-образовательной среды библиотеки вуза / Д. В. Митин // Сборники конференций НИЦ социосфера. – 2014. – № 1. – С. 141–144.
8. Мытько, Н. В. Чтение как основа реализации компетентностного подхода в подготовке библиотечных кадров высшей квалификации / Н. В. Мытько // Вестник научных конференций. – 2016. – № 8-1 (12). – С. 86–93.
9. Филиппова, Л. Л. Кейс-метод как современная технология профессионального обучения / Л. Л. Филиппова // Психология и педагогика: методика и проблемы практического применения. – 2009. – № 8. – С. 246–250.

10. Хуторской, А. В. Современная дидактика / А. В. Хуторской. – М.: Высш. шк., 2007. – 639 с.

11. Штолер, А. В. Читатель как объект читательской рефлексии / А. В. Штолер // Книга и мировая цивилизация: материалы 11 международной научной конференции по проблемам книговедения: в 4 томах / Российская академия наук, Научный совет «История мировой культуры», Комиссия по истории книжной культуры и комплексному изучению книги, Академиздатцентр «Наука», Научный центр исследований истории книжной культуры, Российская книжная палата, Московский государственный университет печати. – М., 2004. – С. 124–126.

References

1. Akulina, S. V., Petuxova, E. V. Rol' vuzovskoj biblioteki v formirovanii informacionnoj gramotnosti i kompetencii v processe podgotovki specialistov [Role of academic library in formation of information literacy and competence in the process of experts training] // Vestnik rossijskogo universiteta kooperacii [Vestnik of the Russian University of Cooperation]. – 2014. – № 4 (18). – S. 70–76.

2. Batyrkaev, R. R., Korepanova, Yu. A., Panachev, V. D., Syrchikov, A. S. Samorazvitie studenta [Self-education of students] // Put nauki [The Way of Science]. – 2014. – № 5 (5). – S. 90–91.

3. Vaganova, M. Yu. Osoznavaemy'e i neosoznavaemy'e trudnosti chteniya literatury` otraslevoj tematiki (na primere starsheklassnikov) // Chtenie na Evrazijskom perekrestke: mezhdunar. intellektual. forum (Chelyabinsk, 27–28 maya 2010 g.): sb. materialov foruma. – Chelyabinsk, 2010. – S. 49–53.

4. Egorova, Yu. A. Student vuza kak sub`ekt samorazvitiya // Pedagogika vy`sšej shkoly`. – 2015. – № 1 (1). – S. 3–7.

5. Kornauxova, M. P., Mixel'kevich, V. N. E`volyuciya razvitiya i ispol`zovaniya sokratovskogo voprosno-razvivayushhego metoda v obuchenii i tvorcheskoj professional`noj deyatel`nosti [Evolution of development and use of the socraticquestion-developmental method in teaching and creative professional activity] // Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo texnicheskogo universiteta. Seriya: Psixologo-pedagogicheskie nauki [Vestnik of the Samara State Technical University. Psychology and Pedagogy Series]. – 2013. – № 2 (20). – S. 80–85.

6. Minsady`kova, G. N., Shajmardanova, L. V. Sushhnost` metodov ustnogo izlozheniya znaniy v usloviyax sovremennogo obrazovaniya // Razvitie sovremennogo obrazovaniya: teoriya, metodika i praktika. 2016. – № 4 (10). – S. 62–65.

7. Mitin, D. V. Formirovanie informacionno-obrazovatel'noj sredy` biblioteki vuza // Sborniki konferencij nicz sociosfera. – 2014. – № 1. – S. 141–144.

8. My`t`ko, N. V. Chtenie kak osnova realizacii kompetentnostnogo podxoda v podgotovke bibliotechny`x kadrov vy`sšej kvalifikacii // Vestnik nauchny`x konferencij. – 2016. – № 8-1 (12). – S. 86–93.

9. Filippova, L. L. Kejs-metod kak sovremennaya texnologiya professional'nogo obucheniya // Psixologiya i pedagogika: metodika i problemy` prakticheskogo primeneniya. – 2009. – № 8. – S. 246–250.

10 Xutorskoj, A. V. Sovremennaya didaktika. – Moscow: Vy`ssh. shk., 2007. – 639 s.

11. Shtoler, A. V. Chitatel` kak ob`ekt chitatel`skoj refleksii // Kniga i mirovaya civilizaciya: materialy` 11 mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii po problemam knigovedeniya: v 4 tomax / Rossijskaya akademiya nauk, Nauchny`j sovet «Istorii mirovoj kul`tury`, Komissiya po istorii knizhnoj kul`tury` i kompleksnomu izucheniyu knigi, Akademizdatcentr «Nauka», Nauchny`j centr issledovanij istorii knizhnoj kul`tury`, Rossijskaya knizhnaya palata, Moskovskij gosudarstvenny`j universitet pechat. – Moscow, 2004. – S. 124–126.

THE PROCESS OF SELF-DEVELOPMENT OF STUDENTS
ON THE BASIS OF AWARENESS AND OVERCOMING
THE DIFFICULTIES OF READING

M. Yu. Vaganova

Candidate of Sciences (Education), Assistant Professor of the Department
of Library and Information Activities, Chelyabinsk State Institute of Culture
(Chelyabinsk, Russia)

Abstract

The problem of students ' reading difficulties is considered. Self-development is realized by overcoming subjective difficulties of reading through the exit to a reflexive position. The technological process of self-development is presented, which includes four blocks: emotional-reflexive; motivational-target; process-oriented; effective-project and priority methods. The proposed technology gives the student a basic psychological and pedagogical training, methodological basis for conscious overcoming the difficulties of reading and conscious management of self-development.

Keywords: reading, reading difficulties, reader's reflection, awareness and overcoming of reading difficulties, self-development of students, technology of self-development

Поступила в редакцию 03. 12.2018

РАЗДЕЛ IV. ЛИНГВИСТИКА. МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ. ПЕРЕВОД И ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЕ

**ББК 80
УДК 811.161.1**

М. В. Калинина¹
*Волгоградский государственный
институт искусств и культуры
kalinina_8181@mail.ru*

ЛИНГВОЦИНИЗМЫ И НАРУШЕНИЕ ЭТИКО-РЕЧЕВЫХ НОРМ В СОВРЕМЕННОЙ КОММУНИКАЦИИ

Предметом исследования в данной статье являются актуальные для современной лингвистики вопросы, связанные с нарушением этико-речевых норм, включающих такие понятия, как доброжелательность, милосердие, честность, бескорыстие, уважение к людям разных национальностей. Отмечается, что этические нормы исключают грубое, агрессивное поведение, которое делает неэффективным общение людей, приводит к межличностным конфликтам и оказывает негативное влияние на эмоциональное состояние собеседников. В работе рассматриваются примеры неэкологичной рекламы, упоминаются насмешливые, циничные названия российских магазинов, приводятся образцы употребления в средствах массовой информации некорректных слов, выражений, аббревиатур, отражающих цинизм современного общества. Делается вывод о том, что в современном российском обществе происходит ценностный сдвиг, связанный с распространением массовой прозападной культуры, для которой характерно превосходство материальных ценностей над ценностями духовно-нравственными. Способом преодоления цинизма в языке и речи, с точки зрения автора статьи, является формирование в образовании и средствах массовой информации здорового отвращения к явлениям, разрушающим традиционную систему ценностей. Борьбе с цинизмом в оценке всего происходящего вокруг

¹ Калинина Маргарита Владимировна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского, иностранных языков и литературы, Волгоградский государственный институт искусств и культуры, г. Волгоград, Россия

поможет и разработка словарей, специально направленных на укрепление и утверждение этико-речевых норм коммуникации.

Практическая значимость работы заключается в том, что целенаправленное изучение языка массмедиа в культурно-речевом аспекте будет способствовать повышению общей культуры общества и формированию нравственной культуры подрастающего поколения.

В работе были использованы методы *лингвистического наблюдения и описания*, что позволило обнаружить языковые и речевые факты, нарушающие этические нормы русского языка.

Ключевые слова: лингвоцинизмы, циничные аббревиатуры, этические и коммуникативные нормы, язык средств массовой информации

Процессы демократизации и свободы в речевом поведении привели к целому ряду негативных явлений, связанных с нарушением этико-речевых норм. Этические нормы включают такие понятия, как доброжелательность, милосердие, честность, бескорыстие, уважение к людям разных национальностей. В процессе общения эти качества проявляются в формах вежливости, толерантности, тактичности, чуткости, деликатности, внимательности, скромности и искренности. Они исключают грубое, агрессивное поведение, которое делает неэффективным общение людей, приводит к межличностным конфликтам и оказывает негативное влияние на эмоциональное состояние собеседников.

Отступления от этико-речевых норм могут быть связаны и с употреблением лингвоцинизмов – «слов, оборотов речи и целых высказываний, в которых нашел отражение цинизм индивидуального или группового мышления (мировоззрения)» [7, 49]. Если говорить о цинизме как явлении вообще, то он подразумевает под собой злую насмешку, сарказм над общепринятыми нормами и идеалами, стремление разрушить традиционную систему ценностей [5, 109].

К речевым единицам, нарушающим лингвистическую этику, исследователи относят речевую агрессию, немотивированное использование языковой игры, грубую вульгаризацию явлений, заслуживающих глубокого уважения, эксплуатацию сексуальных мотивов, использование инвективной, обценной и жаргонной лексики.

Лингвоцинизмы как явление, связанное с нарушением этико-речевых норм, появляются из жаргонизмов и вульгаризмов, делающих речь грубой и грязной с точки зрения лингвистической экологии. В некоторых контекстах те же самые вульгарные слова воспринимаются как лингвоцинизмы. Это происходит в тех случаях,

когда говорится насмешливо, иронично о событиях, явлениях и людях, значимых для общества. В качестве примера приведем несколько высказываний, прозвучавших в студии программы «Место встречи» (июнь 2018 г.). Политик и журналист О. Тимофеева в разговоре с украинским политологом А. Окара сказала о георгиевской ленточке: *«Георгиевская ленточка означает победу в Великой Отечественной войне»*; на что А. Окара ответил: *«В украинской символике – это символ агрессии. В Украине она (георгиевская ленточка) обозначает фашизм»*.

Циничными могут быть и целые высказывания, содержащие описание ситуации, выходящей за рамки морально-нравственных норм. Так, Н. Соколова (министр занятости, труда и миграции Саратовской области) позволила себе в разговоре с депутатом от КПРФ Н. Бондаренко сказать, что пенсионеры могут питаться на 3,5 тысячи рублей в месяц. По словам Н. Соколовой, на эту сумму можно приобрести «физиологический минимум», покупая «макарошки». Бесспорно, что данное выражение задевает нравственные чувства людей, поэтому употреблять его в речи совершенно недопустимо.

Лингвоцинизмы, как отмечает В. А. Буряковская, являются своеобразными указателями на новые ценностные ориентиры, противоречащие традиционным [2, 53]. В качестве примера циничного, презрительного отношения к людям хочется привести высказывание светской дамы Ю. Юсуповой, комментирующей одну из посетительниц ресторана г. Москвы: *«Напротив, рядом за столиком, сидит несуразная женщина, как медуза, кушает, чавкая, смотрит на меня, у нее лежит рядом какой-то дешевый пуховик, я не знаю, она какая-то грязная вся, от нее пахнет, у меня, конечно же, глядя на нее, испортился аппетит, и мне просто захотелось пересесть, вот, но почему я должна пересаживаться из-за внешнего вида данной женщины?»* (На самом деле, 10.01.2019). Далее Ю. Юсупова позволила себе оскорбить и унижить человека, назвав его мерзким животным. Данное высказывание содержит неприемлемые оценочные суждения о внешнем виде человека, неуместные сравнения, нарушает целый ряд этических правил: максимуму симпатии, максимуму такта, максимуму одобрения и др. К сожалению, в современном российском обществе происходит ценностный сдвиг, связанный с распространением массовой прозападной культуры, для которой самым важным является то, насколько респектабельно, богато, солидно выглядит человек, а не то, какими духовно-нравственными качествами он обладает. К сожалению, стоит согласиться с Л. И. Дьяченко, отмечающей, что многие публичные люди показывают такие формы общения и поведения, которые свойственны людям, стоящим на низших ступенях культурного и нравственного развития [3, 184].

Употребление лингвоцинизмов может быть связано и с неуместным использованием в речи просторечных, жаргонных, бранных слов и выражений, а также с употреблением нецензурной лексики. Например, певец А. Кабанов, объясняя в студии программы «На самом деле» 10.01.2019 г. свои нецензурные комментарии в адрес одной из бывших поклонниц, с гордостью говорит: *«После того, как Александра дала мне карт-бланш на свинство, я его исполнил»*. Бесспорно, что сознание человека отражается в языке, а по тем примерам, которые мы привели, можно судить о негативных тенденциях, которые появляются в современном обществе.

Кроме того, циничными являются и те контексты, в которых о сакральных вещах, связанных со смертью, религией, историческими победами, национальными героями и т. п., говорится в неуважительном тоне, с долей иронии или сарказма. Подобным фактом нарушения этических норм является, на наш взгляд, пост в Twitterе журналиста А. Бабченко. Он после гибели главы ДНР А. Захарченко выложил видеозапись, на которой Кобзон и Захарченко вместе исполняют песню «Я люблю тебя, жизнь» с хором имени Александрова. Внизу журналист иронично подписал: *«Удачных всем выходных. Хотя и так уже неплохо»* [Выделено нами – М. К.]. Напомним, что использование иронии имеет определенные этические ограничения. Как известно, ирония неприемлема в ситуациях, связанных со смертью. Грубым нарушением норм этики и морали является насмешка и по поводу физических недостатков человека. Но, видимо, А. Бабченко не знал, что тема смерти – это сакральное понятие в русской культуре. Считаем, что позволять себе в таком тоне говорить о гибели другого человека просто недопустимо.

Иногда даже использование частицы может придать фразе циничное, оскорбительное звучание. Например, в статье Л. А. Брусенской и Э. Г. Куликовой приводится фрагмент из интервью с кинорежиссером Э. Рязановым в канун его 80-летия:

Э. Рязанов: *Я, как большинство населения нашей страны, не понимаю: почему режиссер, чьи фильмы били рекорды по посещаемости, должен ходить к банкирам и кланяться им в пояс? Не для себя деньги прошу, а чтобы сделать очередную картину!*

Корр.: *Значит, у вас еще есть замыслы?*

Э. Рязанов: *Вопрос очень оскорбительный по сути своей. А у вас есть еще замыслы в жизни? У меня ЕЩЕ есть. У меня и аппетит хороший. Я и выпить могу. И с девушкой погулять тоже. А вы: “Вам в гроб пора, дорогой”* (цит. по 1, С. 12 – 13). «Циничную» частицу мы выделили жирным курсивом.

Еще вспоминается случай, произошедший в Волгограде в 2015 году. В честь Года литературы на площади Павших борцов

появился баннер, на котором были допущены ошибки в датах рождения и смерти знаменитых писателей. Так, прозаика Бориса Екимова сочли умершим, хотя писатель жив, а в ноябре 2018 году отметил 80-летие.

Итак, о лингвоцинизмах мы говорим тогда, когда адресант бесстыдно нарушает этический компонент речевой культуры, который связан с соблюдением правил деликатности, миролюбия и такта.

А сколько циничных наименований мы встречаем на улицах наших городов... Чего стоит призывный слоган питейного заведения «Бухни», громкое наименование пивного ларька «Бухен Хауз», «корректная» афиша кафе «Жиртрест», «толерантное» название сети торговых отделов японской кухни «Япошка», а на вывеске одного из мебельных магазинов г. Волгограда красуется жаргонное слово «Русичка». Не стоит забывать, что нормы этики должны соблюдаться и в рекламных текстах. На волгоградских баннерах встречаются речевки, содержащие слова-намек, лексику «телесного низа», каламбуры сексуальной направленности, жаргонную, просторечную лексику и т. п. Например, на скандальном билборде кампании «КомсомоЛЛ-Волгоград» в 2013 году было размещено изображение девушки, которая сидит в туалете с газетой со спущенными кружевными трусами. Слоган кампании КомсомоЛЛ: *Увидел – и “ох...”!* Сеть ресторанов нового поколения BG заывает своих клиентов девизом: *«Все ПО... Поесть, Попить, Поиграть, Поговорить»*.

Встречаются и тексты, в которых происходит изменение семантической структуры основных этических концептов языка, происходит подмена понятий, сознательно нарушаются правила общения. Например, реклама Билайна *«Еще 5 ГБ бессердечности»* (зрительный ряд: задумчивый молодой человек с планшетом и выглядывающая из-за его спины девушка в наушниках и с телефоном в руках) призывает считать истинными ценностями не любовь, дружбу и живое общение с близким человеком, а бесплатное пребывание в Интернете.

Несоответствие этико-речевой норме может быть неявным, когда неуместность языковой единицы ощущается немногими коммуникантами. Так, в СМИ стало обычным делом использовать аббревиатуры ВОВ (Великая Отечественная война), РПЦ (Русская православная церковь), ХХС (Храм Христа Спасителя): *«РПЦ заявила о нежелании подчиняться решению Константинополя»* (Коммерсантъ, 24.10.2018); *«Константинополь отказался разрывать отношения с РПЦ»* (Коммерсантъ, 19.10.2018); *«К 75-летию Победы в ВОВ будет построен главный храм ВС России»* (Аргументы и факты, 4.09.2018); *«Под Волгоградом обезвредили авиабомбу времен ВОВ»* (Аргументы и факты, 13.08.2018); *«Народная пенсия». Как на Дону помогли беженкам – участницам ВОВ с Украины* (Аргументы и факты, 18.07.2018), *«Ключарь ХХС объяснил “масонские звезды” в храме»*

(Московский комсомолец, 21.01.2017), «Путин приложился к мощам Николая Чудотворца в ХХС» (Московский комсомолец, 24.05.2017). Н. О. Светличная подобные аббревиатуры называет «варварскими» [6], а Н. А. Еськова отмечает, что «человек, наделенный языковым чутьем, ощущает неуместность аббревиатуры ВОВ, хотя его нисколько не смущают США, ФРГ, ООН, МГУ, БДТ, ГАБТ и так далее. Это имеет свое объяснение. Аббревиатуры – получивший широкое распространение способ сокращенной передачи состоящих из нескольких слов названий государств, организаций, учреждений и тому подобное. Но не исторических эпох и событий! Историки не пишут о «деятелях ВФР» (Великой французской революции), «героях КБ» (Куликовской битвы), «победителях рыцарей-крестоносцев в ЛП» (Ледовое побоище)... Но Великой Отечественной войне «повезло»: в связи со льготами ее участникам она попала в сферу действия бюрократов» [4, 38].

По наблюдениям лингвистов, аббревиатура РПЦ сейчас становится все более обычной, причем даже в речи самих деятелей церкви. Очевидно, что к этой аббревиатуре привыкли, она хорошо узнаваема и перестала выглядеть неэтичной или оскорбительной для верующих. Кроме того, появилась еще и новая аббревиатура – РПЦЗ (Русская православная церковь за границей), к которой нам, наверное, предстоит еще привыкнуть: «РПЦЗ разорвала евхаристическое общение с Константинопольским патриархатом» (Коммерсантъ, 19.10.2018).

Итак, одним из способов преодоления подобных явлений в языке и речи является формирование здорового отвращения к ним, прежде всего, в образовании и СМИ. Борьбе с цинизмом в оценке всего происходящего вокруг поможет и разработка словарей, специально направленных на укрепление и утверждение этико-речевых норм коммуникации.

Литература:

1. Брусенская, Л. А., Куликова, Э. Г. Медийное пространство в свете этико-речевой нормы: влияние на коммуникативное поведение / Л. А. Брусенская, Э. Г. Куликова // Экология языка и коммуникативная практика. – 2018. – № 2. – С. 6–20.
2. Буряковская, В. А. Трансформация семантики некоторых языковых единиц как идентификатор ценностных сдвигов в обществе/ В. А. Буряковская // Электронный научно-образовательный журнал ВГСПУ «Грани познания». – №1(35). – 2015. – С. 50–55.
3. Дьяченко, Л. И. Лингвоцинизмы в средствах массовой информации / Л. И. Дьяченко // Наука и образование – 2005: материалы Всеросс. научн.-практ. конференции, посвященной 15-летию со дня принятия Декларации о государственном суверенитете Республики

Башкортостан и 5-летию образования Нefтекамского филиала БашГУ. – Нefтекамск: РfО БашГУ, 2006. Ч. II. – С. 183–186

4. Еськова, Н. А. Варварская аббревиатура / Н. А. Еськова // Наука и жизнь. – 2000. – № 5. – С. 38.

5. Ляшева, М. Н. Лингвоцинизмы в современном Интернет-дискурсе: функциональный аспект / М. Н. Ляшева // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. – 2017. – № 1. – С. 108–112.

6. Светличная, Н. О. Аббревиация и дезаббревиация в современном русском языке: лингвопрагматический аспект: дис. канд. филол. наук / Н. О. Светличная. – Ростов н/Д., 2009. – 166 с.

7. Сковородников, А. П. К определению термина «лингвоцинизмы» / А. П. Сковородников // Мир русского слова. – 2014. – № 3 – С. 49–54.

REFERENCES

1. Brusenskaya, L. A., Kulikova, E. G. Mediynoye prostranstvo v svete etiko-rechevoy normy: vliyaniye na kommunikativnoye povedeniye [The media space in the light of ethical and speech norms: influence on communicative behavior] // Ekologiya yazyka i kommunikativnaya praktika [Ecology of Language and Communicative Practice]. – 2018. – № 2. – S. 6–20.

2. Buryakovskaya, V. A. Transformatsiya semantiki nekotorykh yazykovykh edinit kak identifikator tsennostnykh sdvigov v obshchestve [Transformation of semantics of some language units as index of value shifts in society] // Elektronnyy nauchno-obrazovatelnyy zhurnal VGSPU «Grani poznaniya». – № 1 (35). – 2015. – S. 50–55.

3. Diachenko, L. I. Lingvotsinizmy v sredstvakh massovoy informatsii // Nauka i obrazovaniye – 2005: materialy Vseross. nauchn.–prakt. konferentsii, posvyashchennoy 15–letiyu so dnya prinyatiya Deklaratsii o gosudarstvennom suverenitete Respubliki Bashkortostan i 5–letiyu obrazovaniya Neftekamskogo filiala BashGU. Neftekamsk: RIO BashGU. 2006.– Part II. – S. 183–186.

4. Eskova, N. A. Varvarskaya abbreviatura // Nauka i zhizn. – 2000. – № 5. – S. 38.

5. Lyasheva, M. N. Lingvotsinizmy v sovremennom Internet-diskurse: funktsionalnyy aspekt [Linguacynicisms in Modern Internet-Discourse: Functional Aspect] // Izvestiya Yuzhnogo federalnogo universiteta. Filologicheskiye nauki [Izvestia. Ural Federal University Journal. Series]. – 2017. – № 1. – S. 108–112.

6. Svetlichnaya, N. O. Abbreviatsiya i dezabbreviatsiya v sovremennom russkom yazyke: lingvopragmaticheskiy aspekt: dis. kand. filol. nauk. – Rostov n/D., 2009. – 166 s.

7. Skovorodnikov, A. P. K opredeleniyu termina «lingvotsinizmy» // Mir russkogo slova. – 2014. – № 3. – S. 49–54.

**MODERN COMMUNICATION:
LINGUOCINISM AND VIOLATION
OF THE ETHIC–LINGUISTIC NORMS**

M. V. Kalinina

Candidate of Sciences (Philology), associate professor, Department
of Russian, Foreign Languages and Literature, Volgograd State Institute
of Art and Culture (Volgograd, Russia)

Abstract

The article deals with topical issues of modern linguistics related to the violation of ethical and speech norms, including such concepts as goodwill, mercy, honesty, unselfishness, respect for people of different nationalities. It is noted that ethical norms exclude rude, aggressive behavior that makes people's communication ineffective, leads to interpersonal conflicts and has a negative impact on the emotional state of the interlocutors. This paper considers examples of non-ecological advertising, mentions mocking, cynical names of Russian stores, provides examples of the use in the media of incorrect words, expressions, abbreviations that reflect the cynicism of modern society. It is concluded that in modern Russian society there is a value shift associated with the spread of mass Pro-Western culture, which is characterized by the superiority of material values over spiritual and moral values. The way to overcome cynicism in language and speech, from the point of view of the author of the article, is the formation in education and the media of a healthy aversion to the phenomena that destroy the traditional system of values. Combating cynicism in the assessment of what is happening around you to help and development of dictionaries specifically aimed at strengthening and approval of the ethic-linguistic rules of communication.

The practical significance of the work lies in the fact that the purposeful study of the mass media language in the cultural and speech aspect will contribute both to the improvement of the General culture of society and help in the formation of the moral culture of the younger generation.

The methods of linguistic observation and description were used in the work, which made it possible to detect linguistic and speech facts that violate the ethical norms of the Russian language.

Keywords: linguocinisms, cynical abbreviations, ethical and communicative norms, language of mass media

Поступила в редакцию 24.01.2019

С. В. Харитонова¹

*Магнитогорский государственный
технический университет им. Г. И. Носова
s.haritonova@magtu.ru*

АНАЛИЗ ПЕРЕВОДА РЕКЛАМНЫХ СЛОГАНОВ ПРОДУКЦИИ КОМПАНИЙ МОБИЛЬНЫХ ТЕЛЕФОНОВ

В статье рассматриваются особенности рекламных слоганов мобильных телефонов. В качестве лексических особенностей выделено: преимущественное употребление глаголов, причем зачастую в повелительном наклонении, особый характер использования личных и притяжательных местоимений, атрибутивные словосочетания, использование приемов сравнения и фонетического созвучия. Сложность перевода английских слоганов на русский язык обусловлена как структурными различиями русского и английского языков, так и определенными культурными традициями языка оригинала и языка перевода. Кроме этого, для успешного достижения целей перевода сам переводчик должен обладать достаточным уровнем знания национальной психологии и производителя, и потребителя. При рассмотрении способов перевода рекламного слогана был выявлен тот факт, что он может претерпевать значительные изменения в связи с тем, что носители одного языка могут не обладать тем же культурным и историческим наследием, что и носители другого языка. Ученые, занимающиеся исследованиями рекламы, отмечают, что для обеспечения успешности рекламного слогана он должен обладать такими качествами, как экспрессивность, оригинальность и краткость. Анализ рекламных слоганов показал, что наиболее распространенными способами перевода с английского языка на русский язык являются: дословный перевод, целостное преобразование и лексические замены, что связано, в первую очередь, со спецификой построения производителями мобильных телефонов своих рекламных кампаний, направленных не на одну, а на целый ряд стран. Учет всех этих факторов является основой создания качественного слогана, выполняющего свою основную задачу – побудить потребителя к совершению покупки.

¹ Харитонова Светлана Викторовна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры языкознания и литературоведения, Магнитогорский государственный технический университет им. Г. И. Носова, г. Магнитогорск, Россия

Ключевые слова: рекламный слоган, перевод, контекст, переводческие ошибки, трансформация

Рекламные слоганы, используемые изготовителями мобильных телефонов, обладают рядом грамматических и лексических особенностей, поэтому при их переводе необходимо обращать внимание на типичные трудности и ошибки перевода рекламных слоганов.

Перевод же рекламных слоганов, используемых компаниями мобильных телефонов, требует от переводчика учета и прогнозирования лингво-этнической реакции потенциального потребителя рекламы. Такой прогноз может основываться на личных знаниях переводчика, среди которых можно выделить:

- знание особенностей национальной психологии,
- знание различий в культурно-исторических традициях,
- знание реалий исходного и переводящего языков.

Качественный перевод не может быть осуществлен без учета этих данных, так как их игнорирование может привести к созданию не только качественно плохой, но и даже оскорбительной рекламы [2, 116], например:

Fly: “Chat. Without talking.” – «Общайся. Без разговоров».

В данном случае дословный перевод слогана несет в себе подтекст, понятный только русскоязычному потребителю, так как форма «без разговоров» несет в себе негативную установку, то есть воспринимается как приказ.

Существенные трудности возникают перед переводчиками в связи с передачей прагматического потенциала текста. Это объясняется тем, что текст может отображать факты и события, относящиеся к культуре народа – носителя исходного языка, а также может быть вызвано различиями в национальных обычаях и традициях.

При переводе рекламных слоганов мобильных телефонов основной задачей переводчика является попытка передачи исходного сообщения в максимально адекватной форме. Данная задача обосновывается практической необходимостью. В связи с этим следует говорить о том, что переводчик должен обладать неким набором знаний относительно товара (мобильного телефона), описываемого в тексте оригинала, а также должен быть способен определить коммуникативное намерение автора рекламного слогана [1, 136]. Помимо наиболее точной передачи формы исходного сообщения, от переводчика также требуется максимально полно передать смысл данного сообщения.

Рынок мобильных телефонов в России представлен большим количеством зарубежных производителей, в связи с этим встает проблема перевода исходного сообщения, а также его адаптации в русскоязычной среде. Причина данной проблемы заключается в типологических различиях русского и английского языков.

Как известно, английский язык относится к группе аналитических языков, в то время как русский язык относится в группе синтетических языков. В связи с этим, для решения проблемы перевода и адаптации английского рекламного текста переводчики отказываются от прямого перевода текста и применяют его семантический эквивалент.

Как показано ранее, хороший перевод слогана может быть получен только путем осуществления определенных шагов, игнорирование которых может привести к появлению неудачных рекламных текстов по причине некачественного перевода.

Двусмысленность, заложенная в тексте перевода, также может оказывать негативное влияние как на саму рекламную акцию, так и на товар и его производителя. Примерами такой ошибки могут служить ранее рассмотренные слоганы фирмы *Motorola*:

"iDon't take pictures in the dark." – «Я не делаю фотографии в темноте».

"iDon't take 5-megapixel pictures." – «Я не делаю 5-мегапиксельные фото».

Таким образом, помимо типологических различий русского и английского языка, основные переводческие трудности и ошибки основаны на том, что переводчик не обладает в полной мере знаниями об особенностях национальной психологии, различиях в культурно-исторических традициях, современных реалиях. В этой связи прогнозирование лингво-этнической реакции рядового потребителя рекламы на текст сообщения на языке перевода становится трудновыполнимым, а результат перевода может оказаться низкокачественным и порой даже оскорбительным.

Изучив грамматическую и лексическую организацию рекламных слоганов мобильных телефонов, а также основные трудности их перевода на русский язык, перейдем к анализу перевода оригинальных рекламных слоганов мобильных телефонов с английского языка на русский язык.

В общей сложности проанализировано 89 рекламных слоганов мобильных телефонов следующих производителей: *Apple, ASUS, Fly, Gigabyte GSmart, Huawei, HTC, Keneksi, LG, Motorola, Nokia, Philips, Prestigio, RugGear, Samsung, Sony*. Рассмотренные рекламные слоганы

были переведены с английского языка на русский язык и регулярно использовались при проведении рекламных кампаний на протяжении последнего десятилетия.

Ниже приведена таблица, содержащая оригинальные рекламные слоганы на английском языке, их переводы на русский язык, а также способ перевода и трансформации, используемые переводчиками для достижения максимального уровня адекватности перевода. С целью систематизации, рекламные слоганы были разделены по производителям.

№	Оригинальный слоган	Перевод слогана	Способ перевода
<i>Apple</i>			
1	<i>This is only the beginning.</i>	Это только начало.	Дословный перевод.
2	<i>The first phone to beat the iPhone.</i>	Первый телефон, способный превзойти iPhone.	Добавление.
3	<i>The fastest, most powerful iPhone yet.</i>	Самый быстрый и мощный iPhone.	Опущение.
4	<i>This changes everything... again.</i>	Это все меняет. Опять.	Дословный перевод.
5	<i>The world's thinnest smartphone.</i>	Самый тонкий смартфон на планете.	Перестановка, лексическая замена.
6	<i>It's the most amazing iPhone yet.</i>	Самый удивительный из всех iPhone.	Добавление, опущение.
7	<i>The biggest thing to happen to iPhone since iPhone.</i>	Большее, что, когда-либо могло случиться с iPhone с момента выхода iPhone.	Опущение, добавление.
8	<i>For the colorful</i>	Для ярких.	Дословный перевод.
9	<i>Forward thinking.</i>	Опережая мысли.	Целостное преобразование.
10	<i>Bigger than bigger.</i>	Больше. Во всех проявлениях.	Целостное преобразование.

ASUS			
11	<i>Your everyday companion.</i>	Мобильный компаньон.	Опущение, лексическая замена.
Fly			
12	<i>The slimmest smartphone in the world.</i>	Самый тонкий смартфон в мире.	Дословный перевод.
13	<i>Unbealievabile colours of life.</i>	Жизнь в ярких красках.	Перестановка, лексическая замена.
14	<i>Colorful emotion on the big screen.</i>	Яркие впечатления на большом экране.	Дословный перевод.
15	<i>Chat. Without talking.</i>	Общайся. Без разговоров.	Дословный перевод.
Gigabyte GSmart			
16	<i>Small but wonderful.</i>	Маленький, но мощный.	Лексическая замена.
17	<i>Simple Beauty.</i>	Красота в гармонии	Целостное преобразование.
18	<i>Enjoy the Happiness!</i>	Наслаждайтесь радостью!	Дословный перевод.
19	<i>Amazing feeling in your hands.</i>	Весь мир в Ваших руках.	Опущение, лексическая замена.
20	<i>Time to Enjoy Alto!</i>	Время наслаждаться Alto!	Дословный перевод.
21	<i>Capture the Best Moment!</i>	Не пропусти лучшие моменты жизни с Maya M1!	Антонимический перевод, добавление.
22	<i>One Touch, Double Value.</i>	Одно касание, двойное значение.	Дословный перевод.
23	<i>New Experience to You.</i>	Ваш новый опыт.	Перестановка.
24	<i>Powerful! Affordable!</i>	Мощный! Доступный! Самый доступный смартфон с двумя	Дословный перевод, добавление.

		SIM-картами на ОС Android 4.0.	
25	<i>Enjoy Joyful Work & Urban Chic Lifestyle.</i>	Удовольствие от работы и Современный изысканный стиль.	Грамматическая замена, опущение, лексическая замена.
26	<i>Your first dual-SIM with Android!</i>	Ваш первый смартфон с поддержкой двух SIM-карт на основе ОС Android 2.3.	Добавление.
Huawei			
27	<i>Live once. Live life.</i>	Живешь лишь раз. Живи сейчас.	Добавление, лексическая замена.
28	<i>Excellence With Edge.</i>	Совершенство без границ.	Антонимический перевод.
HTC			
29	<i>Let them stare.</i>	Притягивай взгляды.	Целостное преобразование.
30	<i>Beautifully designed. Inside and out.</i>	Прекрасный снаружи. Совершенный внутри.	Целостное преобразование.
31	<i>What will you bring to life?</i>	Чем ты наполнишь свою жизнь.	Целостное преобразование.
32	<i>Here is to compact.</i>	Да здравствует компактный дизайн.	Целостное преобразование.
33	<i>Reimagine your view.</i>	Взгляни с другой точки зрения.	Целостное преобразование.
34	<i>Do more of what you love.</i>	100 дел одновременно? Легко.	Целостное преобразование.
35	<i>Your photos, your way.</i>	Фотографии, какими ты хочешь их видеть.	Целостное преобразование.
36	<i>Lightning-fast data speeds.</i>	Молниеносная скорость передачи данных.	Перестановка.

37	<i>Optimized entertainment. Maximised value.</i>	Оптимальное развлечение. Максимальная ценность.	Дословный перевод.
38	<i>Fast browsing, sharp display, affordable price.</i>	Скорость работы в Интернете, четкий экран, доступная цена.	Опущение, грамматическая замена.
39	<i>The HTC smartphone tablet. Maximize everything.</i>	Смартфон–планшет HTC. Все по максимуму.	Перестановка.
40	<i>Quietly brilliant.</i>	Негромкий блеск.	Дословный перевод.
<i>Keneksi</i>			
41	<i>Created for you ...</i>	Создан для тебя...	Дословный перевод.
42	<i>Perfection of forms.</i>	Совершенство форм.	Дословный перевод.
43	<i>InTune with the times!</i>	В ногу со временем!	Дословный перевод.
44	<i>Reason for pride.</i>	Повод для гордости.	Дословный перевод.
45	<i>For sociable ones.</i>	Для общительных.	Дословный перевод.
46	<i>Tune into your wave.</i>	Настройся на свою волну.	Дословный перевод.
47	<i>Double your opportunities.</i>	Удвой возможности.	Опущение.
48	<i>The entertament world has become even greater.</i>	Мир развлечений стал еще больше.	Перестановка.
49	<i>Multitasking is easy!</i>	Многозадачность – легко!	Дословный перевод.
50	<i>Broad worldview.</i>	Смотри на мир широко.	Целостное преобразование.

51	<i>Natural power.</i>	Естественная мощь.	Дословный перевод.
52	<i>Extremely high speed of work.</i>	Космически высокая скорость работы.	Лексическая замена.
LG			
53	<i>Simple is the new smart.</i>	Совершенство простых решений.	Целостное преобразование.
54	<i>Simplicity is supreme.</i>	Все нужное. Ничего лишнего.	Целостное преобразование.
Motorola			
55	<i>I Don't take pictures in the dark.</i>	Я не делаю фотографии в темноте.	Дословный перевод.
56	<i>iDon't take 5-megapixel pictures.</i>	Я не делаю 5-мегапиксельные фото.	Дословный перевод.
Nokia			
57	<i>Live it. Sinc it. Share it.</i>	Стильный смартфон для ярких моментов.	Целостное преобразование.
58	<i>Unexpected Power.</i>	Неожиданная мощь.	Дословный перевод.
59	<i>It's what computers have become.</i>	Первый мобильный компьютер.	Целостное преобразование.
60	<i>Be closer. Be more Nokia.</i>	Будь ближе. Будь с Nokia.	Дословный перевод, целостное преобразование.
Philips			
61	<i>Innovations and you...</i>	Инновации и вы...	Дословный перевод.
62	<i>Let's Make Things Better.</i>	Изменим мир к лучшему.	Лексическая замена.
63	<i>Sense and Simplicity.</i>	Смысл и простота.	Дословный перевод.
Prestigio			
64	<i>Too slim to be seen.</i>	Слишком тонкий, чтобы быть замеченным.	Дословный перевод.

65	<i>Compact greatness.</i>	Богатство функций в компактной оболочке.	Целостное преобразование.
66	<i>Mega screen, mega possibilities!</i>	Больше экран, больше возможности!	Лексическая замена.
67	<i>A masterpiece of the latest technology.</i>	Произведение искусства новейших технологий.	Дословный перевод.
68	<i>Infinitely long performance, affordable price.</i>	Длительное время работы по доступной цене.	Опускание, добавление.
69	<i>Full advantage of Octa Core.</i>	Все преимущества восьмиядерного процессора.	Добавление.
70	<i>Elegantly shaped for the perfect touch.</i>	Элегантный дизайн, идеальный на ощупь.	Грамматическая замена.
RugGear			
71	<i>Almost a tablet... Yet a smartphone!</i>	Почти планшет... Но все же телефон!	Дословный перевод.
72	<i>The all-weather phone with ultra-bright torch.</i>	Всепогодный телефон с мощным фонарем.	Дословный перевод.
73	<i>The ultimate phone that floats.</i>	Телефон-Амфибия.	Целостное преобразование.
Samsung			
74	<i>Designed for humans, inspired by nature</i>	Создан для тебя, вдохновлен природой	Лексическая замена.
75	<i>Life companion</i>	Спутник в твоём мире	Перестановка, лексическая замена, добавление.

76	<i>Turn on Tomorrow</i>	Навстречу будущему	Грамматическая замена, лексическая замена.
77	<i>Next is now</i>	Будущее сегодня	Лексическая замена.
78	<i>Vivid. Fast. Slim.</i>	Яркий. Быстрый. Тонкий.	Дословный перевод.
Sony			
79	<i>Instant entertainment. Endless fun.</i>	Море драйва. Ноль усилий.	Целостное преобразование.
80	<i>Demand great.</i>	Лучше, чем просто большой.	Целостное преобразование.
81	<i>Demand great in a compact smartphone.</i>	Лучше, чем просто компактный. Больше, чем просто смартфон.	Целостное преобразование.
82	<i>The waterproof smartphone for everyone.</i>	Водостойкий смартфон, о котором мы мечтали.	Лексическая замена, добавление.
83	<i>Demand great fun.</i>	Развлекайтесь на полную.	Целостное преобразование.
84	<i>Introducing the PROselfie smartphone.</i>	Представляем смартфон для PROselfie.	Перестановка.
85	<i>Beautiful technology.</i>	Красота высоких технологий.	Перестановка, грамматическая замена, добавление.
86	<i>True digital camera quality in a waterproof smartphone.</i>	Качество съемки на уровне цифровых камер в водостойком смартфоне.	Перестановка.
87	<i>Premium experiences, ultra-fast.</i>	Превосходное качество, высокая скорость работы.	Целостное преобразование.

88	<i>Ultra Smart camera. Brilliant screen. Entertainment on-the-go.</i>	Интеллектуальная камера. Великолепный дисплей. Развлечения нон-стоп.	Опущение, лексическая замена.
89	<i>Talk. Text. Time.</i>	Слово. Текст. Время.	Лексическая замена.

Можно сделать вывод о том, что наиболее распространенными способами перевода являются:

- дословный перевод (32 примера);
- такие трансформации, как целостное преобразование (23 примера);
- лексическая замена (17 примеров);
- добавление (12 примеров);
- опущение (10 примеров);
- перестановки (10 примеров).

Грамматическая замена представлена всего пятью примерами. Самым редким способом перевода является антонимический перевод, который встречается лишь в двух примерах рекламных слоганов производителей мобильных телефонов у компании *Huawei* и *Gigabyte GSmart*.

Таким образом, можно говорить о стремлении переводчиков к дословной передаче рекламных слоганов с максимальным сохранением коммуникативного намерения автора рекламного текста [3, 27]. Такой прием, как антонимический перевод, показал свою несостоятельность, так как отрицательные формы являются наиболее сложными для передачи положительного воздействия на потенциального потребителя.

Наиболее яркими и разнообразными примерами перевода являются переводы слоганов, используемых в рекламе производителя мобильных телефонов *Gigabyte GSmart*, так как среди них встречаются все представленные ранее способы перевода слоганов. Однако, дословный перевод сохраняет за собой лидирующее положение.

Далее следует *Apple*, при переводе слоганов продуктов которого не встречается только прием антонимического перевода. Затем идут такие производители, как *Sony* и *Prestigio*. При переводе слоганов *Sony* и *HTC* переводчики склоняются к приему целостного преобразования, однако переводчики слоганов фирм *Prestigio* и *Keneksi*, как и подавляющее большинство, стремятся к дословному переводу.

Следует отметить, что дословный перевод является основным способом перевода с английского языка на русский язык слоганов

мобильных телефонов, и это связано с разработкой стандартизированных рекламных кампаний, ориентированных, чаще всего, на несколько стран.

Литература

1. Амири, Л. П. Новые приемы в российской рекламе / Л. П. Амири // Язык и мышление: психологические и лингвистические аспекты: Материалы 5-ой Всероссийской научной конференции (Пенза, 11-14 мая 2005 г.) / Отв. ред. проф. А. В. Пузырев. – М.; Пенза: Институт языкознания РАН; ПГПУ имени В. Г. Белинского; Администрация г. Пензы, 2005. – С. 136–137.
2. Комиссаров, В. Н., Рецкер, Я. И., Тархов, В. И. Пособие по переводу с английского языка на русский / В. Н. Комиссаров, Я. И. Рецкер, В. И. Тархов. – М.: Изд-во Литературы на иностранных языках, 1960. – 175 с.
3. Медведева, Е. В. Рекламный текст как переводческая проблема / Е. В. Медведева // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкульт. коммуникация. – 2003. – № 4. – С. 23–42.
4. Харитонов, С. В. Культурологический аспект во взаимодействии языка и культуры / С. В. Харитонов // Актуальные проблемы теоретических и прикладных исследований: язык, культура, ментальность: материалы международной научно-практической конференции. – Магнитогорск: Магнитогорский государственный технический университет им. Г. И. Носова, 2014. – С. 256–259.
5. Чепуренко, А. А. Лингвокультурологический потенциал русской фразеологии (на примере обстоятельственных фразеологизмов с семантикой пространства) / А. А. Чепуренко // Libri Magistri. – 2017. – Вып. 4. – Филология в XXI веке. – С. 127–131.

REFERENCES

1. Amiri, L. P. Novyye priemy v rossiyskoy reklame // Yazyk i myshleniye: psikhologicheskiye i lingvisticheskiye aspekty: Materialy 5-oy Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii (Penza. 11-14 maya 2005 g.) / Otv. red. prof. A. V. Puzirev. – Moscow; Penza: Institut yazykoznaniya RAN; PGPU imeni V. G. Belinskogo; Administratsiya g. Penzy. 2005. – S. 136–137.
2. Komissarov, V. N., Retsker Ya. I., Tarkhov, V. I. Posobiye po perevodu s angliyskogo yazyka na russkiy. – Moscow: Izd-vo Literatury na inostrannykh yazykakh. 1960. – 175 s.
3. Medvedeva, E. V. Reklamnyy tekst kak perevodcheskaya problema // Vestn. Mosk. un-ta Ser. 19. Lingvistika i mezhkult. kommunikatsiya. – 2003. – № 4. – S. 23–42.
4. Kharitonova, S. V. Kulturologicheskiy aspekt vo vzaimodeystvii yzka i kultury // Aktualnyye problemy teoreticheskikh i prikladnykh

issledovaniy: yazyk. kultura. mentalnost: Materialy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. – Magnitogorsk: Magnitogorskiy gosudarstvennyy tekhnicheskii universitet im. G. I. Nosova, 2014. – S. 256–259.

5. Chepurenko. A. A. Lingvokulturologicheskiy potentsial russkoy frazeologii (na primere obstatoyatelstvennykh frazeologizmov s semantikoy prostranstva) // Libri Magistri. –2017. – Vyp. 4. – Filologiya v XXI veke. – S. 127–131.

ANALYSIS OF THE TRANSLATION OF ADVERTISING SLOGANS OF PRODUCTS OF THE COMPANIES OF MOBILE PHONES

S. V. Kharitonova

Candidate of Sciences (Education), Associate Professor, Department
of Linguistics and Study of Literature, Nosov Magnitogorsk State Technical
University (Magnitogorsk, Russia)

Abstract

The article deals with the features of advertising slogans of mobile phones. As lexical features it is allocated: the preferential use of verbs, and often in imperative mood, special character of use of personal and possessive pronouns, attributive word combinations, use of methods of comparison and phonetic concordance. The complexity of the translation of English slogans into Russian is due to both structural differences between Russian and English, and certain cultural traditions of the original language and the target language. In addition, in order to successfully achieve the goals of translation, the translator must have a sufficient level of knowledge of the national psychology of both the producer and the consumer. When considering the ways of translating an advertising slogan, it was revealed that it can undergo significant changes due to the fact that native speakers of one language may not have the same cultural and historical heritage as native speakers of another language. Scientists involved in advertising research note that to ensure the success of an advertising slogan, it must have such qualities as expressiveness, originality and brevity. The analysis of advertising slogans showed that the most common methods of translation from English into Russian are: word-for-word translation, integral transformation and lexical replacements, which is primarily due to the specifics of mobile phone manufacturers ' construction of their advertising campaigns aimed not at one, but at a number of countries. Taking into account all these factors is the basis for creating a quality slogan that performs its main task – to encourage the consumer to make a purchase.

Keywords: advertising slogan, translation, context, translation errors, transformation

Поступила в редакцию 16.01.2019

ББК 74.489
УДК 372.881.1

А. А. Царан¹

*Магнитогорский государственный
технический университет им. Г. И. Носова
aatsaran@mail.ru*

ЛИЧНОСТНО-ОРИЕНТИРОВАННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ ОБУЧЕНИЯ АНГЛИЙСКОМУ ЯЗЫКУ С ПРИМЕНЕНИЕМ МЕТОДИК НЛП

В статье рассматривается возможность применения нейролингвистического программирования (НЛП) в процессе обучения английскому языку, приведены как достоинства, так и недостатки предлагаемых приемов и стратегий. Моделирование такого сложного и комплексного навыка, как изучение иностранного языка, требует разбиения его на ряд взаимосвязанных навыков. Инструменты нейролингвистического программирования позволяют выявлять также различные интересные моменты, скрытые от обычного преподавателя английского языка: движение глаз, паттерны поведения, убеждения, стратегии, невербальные реакции, действия якорей и многое другое. В изучении иностранного языка есть много того, что мы можем моделировать. Отличаясь от других областей знаний, нейролингвистическое программирование представляет собой одно из направлений человекознания, в числе первых шагнувшее в сферу описания успешных моделей опыта человечества, практически соприкасаясь с тем, как организованы и устроены мышление и поведение «модели» – человека, который владеет каким-либо мастерством, компетентностью. Рекомендуется создавать свои собственные проекты по моделированию, а понимание и осознание новых инструментов придут в результате проделанного исследования касательно опыта других людей. Таким образом мы сможем обогатить свой собственный опыт на основе освоения уникальных инструментов нейролингвистического программирования и расширить возможности нейролингвистического программирования на основе изучения уникальности каждого из выбранных инструментов. В большей степени сложность освоения любого иностранного языка связана не столько

¹ Царан Александр Александрович, кандидат педагогических наук, доцент кафедры языкознания и литературоведения, Магнитогорский государственный технический университет им. Г. И. Носова, г. Магнитогорск, Россия

со способностями человека, сколько с эффективными способами познания и программами обучения, которые выстроены на их основе. Предлагается ряд стратегий в области освоения английского языка.

Ключевые слова: нейролингвистическое программирование, личностно-ориентированное образование, личностная ориентация, моделирование, грамматическая конструкция

Сегодня сложно найти школу, в образовательной программе которой не затрагивалось бы личностно-ориентированное образование (ЛОО), под которым практики обычно понимают инновации или любой эксперимент, направленный на развитие обучаемого, при этом зачастую неважно, каким образом оно реализуется. В термин «личностно-ориентированное образование» многие вкладывают свой собственный смысл, часто путая его с дифференцированным обучением, индивидуальным подходом или развивающим обучением. Некоторые работники системы образования до сих пор не находят особых различий между знаниевой (ЗУНовской) моделью образования и личностно-ориентированной. («ЗУН» – распространенная в педагогике аббревиатура, означающая: знания, умения, навыки). Личностно-ориентированное образование, напротив, связано с развитием способностей обучающего применять творчески полученные знания для решения коммуникативных, организационных, социально важных личностных качеств.

Как считает И. С. Якиманская, признание ученика главной действующей фигурой всего образовательного процесса и есть личностно-ориентированная педагогика [4].

Модель личностно-ориентированной школы сильно отличается от других имеющихся моделей и педагогических систем. Прежде всего тем, что она дает ученикам большую свободу выбора в процессе обучения. В рамках модели не ученики подстраиваются под сформировавшийся обучающий стиль преподавателя, а преподаватель, который обладает разнообразным технологическим инструментарием, согласует методы и приемы работы с познавательным стилем обучения.

Рассматривая проблему личностно-ориентированного учебно-познавательного обучения во время изучения иностранных языков, мы неизбежно сталкиваемся с проблемой комплексного рассмотрения различных ее компонентов, которые вступают между собой в определенные взаимосвязи, способствуя формированию различных навыков. Проблема формирования лексических и грамматических

навыков является актуальной в процессе обучения любому иностранному языку [6].

Личностная ориентация (учет всех компонентов личностной сферы) позволяет обеспечить мотивы учебно-познавательной деятельности, сделать ее осмысленной и нужной в глазах учеников. Нужна специальная организация личностно-ориентированного обучения, которое было бы интересным, значимым и побуждало бы приобретать знания и навыки иноязычного общения.

Изучение любого иностранного задает практически все аспекты субъективного опыта учащегося. Именно поэтому для описания наиболее ключевых идей эффективного обучения иностранному языку в парадигме личностно-ориентированного образования наиболее удобно привлечь модели и эффективные стратегии, разработанные в рамках нейролингвистического программирования.

Нейролингвистическое программирование (НЛП) – область знаний, которая изучает структуру субъективного опыта людей, которые занимаются анализом языка, описывают его, раскрывают способы и механизмы моделирования опыта, чтобы совершенствовать и передавать выявленные модели другим людям.

НЛП позволяет описать на одном уровне быстрое взаимодействие физиологии, нервной системы, поведенческого программирования и языка, то есть основных компонентов, создающих субъективный опыт. Представленное в качестве процесса НЛП является стратегией эффективного общения и ускоренного обучения, включающая приемы и навыки развития системного познания, компетенции и гибкости, набор фреймов. НЛП – также особое отношение, в основе которого лежит система предположений и убеждений касательно масштабов человеческих процессов, возможностей, общения и изменений [2, 9].

Отличаясь от других областей знаний, НЛП представляет собой одно из направлений человекознания, в числе первых шагнувшее в сферу описания успешных моделей опыта человечества, практически соприкасаясь с тем, как организованы и устроены мышление и поведение «моделей» – человека, который владеет каким-либо мастерством, компетентностью.

Рекомендуется проводить свои собственные проекты моделирования, а понимание и осознание новых инструментов придут в результате проделанного исследования касательно опыта других людей.

Обычно изучение иностранного языка ассоциируется с тем, как это бывает в школе: скучные занятия, непонятное домашнее

задание, нежелание обучаться. Это называется на языке нейролингвистического программирования «негативное якорение». Чтобы сделать изучение иностранного языка праздником, необходимо создавать большое количество положительных якорей. Нас окружает огромное количество возможностей. Например, послушать экскурсию на английском языке по музею с помощью аудиогuida, прослушивая и просматривая мультимедийные лазерные диски. Любители кино могут включить субтитры и звук на английском языке, DVD-диски.

Чтобы смоделировать такой комплексный и сложный навык, как изучение иностранного языка, требуется разбить его на несколько взаимосвязанных навыков [5]. Инструменты НЛП позволят выявить различные интересные моменты, которые скрыты от обычного преподавателя иностранного языка: паттерны убеждения, поведения, стратегии, движение глаз, невербальные реакции, действия якорей и другие. В изучении иностранного языка можно многое моделировать.

Некоторые из личностно-ориентированных технологий с применением элементов технологий НЛП, а также эффективные стратегии и приемы в освоении английского языка с практическими примерами проведения уроков рассмотрены в работах А. Плигина и И. Максименко [3].

Перед началом обучения необходимо понять, какого уровня вы хотите достичь в английском языке, какие навыки надеетесь развить и где конкретно хотите использовать приобретенные знания. Любое качественное обучение можно представить в виде цепочки целей, которые необходимо преобразовать в конкретный результат. С этой точки зрения рекомендуется применить так называемую модель Т.О.Т.Е., разработанную психологами (К. Прибрам, Дж. Миллер, Ю. Галантер), у которых была цель сделать управление нашей деятельностью более эффективным [3, 30 – 34].

Аббревиатура Т.О.Т.Е. означает:

Т1 (Тест) – формулировка цели и критерии ее достижения. Для успешного овладения английским языком в начале обучения необходимо четко определить первый рубеж роста или уровень, который вы планируете достичь. Например: свободно вести семинары на изучаемом языке, читать и понимать книги без словаря, хорошо знать английскую грамматику и т.д.

О (Операции) – конкретные операции и действия по достижению цели. Как только вы определяетесь с целью, следует понять, что вы будете делать для ее достижения. Например: посещать курсы английского языка, читать простую адаптированную литературу, смотреть учебные фильмы на изучаемом языке. Сначала необходимо

написать возможные действия, а затем стараться выстроить их в наиболее эффективную последовательность.

T2 (Тест процесса) – сравнение производимых действий с критериями ее достижения. Спустя некоторое время после обучения происходит сравнение: то, чему вы уже научились, – с желаемыми результатами (Тест 1). Например: понимаете фильмы на английском языке на 40–60%, начали читать и понимать адаптированные тексты, стали отвечать на звонки иностранных граждан по-английски. На этом этапе принимаете решение – закончить процесс продвижения к поставленной цели или продолжить ее. Если вы достигли цели, то можете переходить к процессу перехода на следующий уровень изучения английского языка, который вы для себя определили сами.

Е (Выход) – принятие решения об остановке процесса реализации цели и фиксации результата. Как вы поймете, что достигли результата? Например: начнете думать по-английски; начнете понимать людей, говорящих по-английски, сможете вести переговоры на английском языке.

При изучении иностранного языка для самостоятельного контроля рекомендуется использовать метод, который называется «Колесо успеха» [3, 34–35]. Начав обучение иностранному языку, ученики по десятибалльной системе оценивают свои навыки (если они были) по каждому виду деятельности. 10 баллов – предполагаемый уровень, на который они хотят выйти, например, через два или три месяца изучения языка. Затем ученики соединяют между собой все точки, которые они поставили на прямых линиях. Получается колесо, которое необходимо улучшить. Ученики могут наглядно видеть те зоны, на которые следует обратить пристальное внимание, чтобы колесо имело как можно более правильный вид.

В большей степени сложности освоения любого иностранного языка связаны не столько со способностями человека, сколько с эффективными способами познания и программами обучения, которые выстроены на их основе. Так, А. Плигин и И. Максименко предлагают ряд стратегий в области освоения английского языка, а также специальные упражнения по их выявлению и коррекции в случае необходимости. В перечень изложенных стратегий и способов (полезных советов) входят [3, 58–73]:

- 1) Стратегия запоминания английских слов;
- 2) Стратегия восприятия английской речи (аудио- или видеозаписи);
- 3) Стратегия обучающего просмотра видеофильмов;

- 4) Стратегия пересказа текста;
- 5) Стратегия обучения грамматике;
- 6) Полезные советы для ускорения спонтанной речи и др.

Приведенные выше принципы построения учебных занятий и их содержание должны побуждать к самостоятельному творческому поиску.

Между тем, ряд авторов высказывают критические замечания по поводу использования указанных элементов НЛП в процессе обучения иностранным языкам. Так, например, Т. Байтукалов приводит следующие замечания [1].

1. Основной недостаток предлагаемых техник – это упражнения на перевод. Но если человек слабо говорит и понимает по-английски, то никакие упражнения на перевод не будут продвигать его к достижению намеченной цели. Даже если мы сделаем эти упражнения по переводу интересными и увлекательными, эффективность этих упражнений в плане освоения языка не будет довольно низкой.

2. Большое наличие схем и таблиц. Глядя на эти схемы и таблицы, ученик может понять принцип, согласно которому строятся английские предложения, но это не сильно поможет ему бессознательно и быстро сгенерировать эти предложения в своей речи. Услышав в звучащей речи данную грамматическую конструкцию, ученик поймет ее не сразу. Сначала он вспомнит схему или таблицу, а лишь потом через сложную систему сознательных микростратегий ему придет нечто похожее на понимание. Даже если грамматическая конструкция легкая, этот лишний этап вспоминания таблиц/схем может надолго застрять в голове обучающегося.

3. Следующий недостаток – побуждение ученика сравнивать русский и английский язык [3, 74–76]. Пытаться искать аналогии в русском языке к каждой грамматической форме английского языка можно бесконечно долго, но знание этих аналогий не будет способствовать естественному бессознательному порождению указанных английских конструкций в собственной речи.

К сожалению, поистине эффективных стратегий изучения иностранного языка не много. Можно придумать огромное количество упражнений, сделать их интересными, «лично-ориентированными», но будут ли они действительно продвигать человека к поставленной цели или лишь создавать имитацию продвижения?

Литература

1. Байтукалов, Т. Метод изучения Плигина и Максименко – полет фантазии авторов и кусочек НЛП [Электронный ресурс] / Т. Байтукалов. – Режим доступа: http://akusento.narod.ru/baytukalov_language_learning.pdf.
2. Ковалев, С. В. Основы нейролингвистического программирования: учеб. пособие / С. В. Ковалев. – М.: Московский психолого-социальный институт, 2001. – 160 с.
3. Павлова, Л. В. Организация личностно-ориентированной учебно-познавательной деятельности учащихся в процессе изучения иностранного языка (теория и практика) / Л. В. Павлова. – Магнитогорск: МаГУ, 2005. – 127 с.
4. Плигин, А. А., Максименко, И. Now Let's Play English. Личностно-ориентированное обучение английскому языку / А. А. Плигин, И. Максименко. – СПб.: Прайм-ЕВРОЗНАК, 2005. – 272 с.
5. Царан, А. А. Моделирование процесса нравственного самоопределения будущих менеджеров в процессе профессиональной подготовки в вузе [Moral self-determination modeling of future managements in the process of professional training at higher education institution] / А. А. Царан // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. Серия: Педагогика. Психология. Социальная работа. Ювенология. Социокинетика. – 2012. – Т. 18. – № 2. – С. 156–160.
6. Цыбизова, А. К., Павлова, Л. В. Коммуникативная методика формирования иноязычных лексических навыков у младших школьников / А. К. Цыбизова, Л. В. Павлова // Гуманитарно-педагогические исследования. – 2017. – Т. 1. – № 2. – С. 39–45.

REFERENCES

1. Bajtukalov, T. Metod izucheniya Pligina i Maksimenko – polet fantazii avtorov i kusochek NLP [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: http://akusento.narod.ru/baytukalov_language_learning.pdf
2. Kovalev, S. V. Osnovy nejrolingvisticheskogo programirovaniya: Ucheb. posobie. – Moscow: Moskovskij psihologo-social'nyj institut, 2001. – 160 s.
3. Pavlova, L. V. Organizaciya lichnostno-orientirovannoj uchebno-poznavatel'noj deyatel'nosti uchashchihsya v processe izucheniya inostrannogo yazyka (teoriya i praktika). – Magnitogorsk, MaGU, 2005. – 127 s.
4. Pligin, A. A., Maksimenko I. Now Let's Play English. Lichnostno-orientirovannoe obuchenie anglijskomu yazyku. – Sankt-Peterburg: Prajm-EVROZNAK, 2005. – 272 s.
5. Tsaran, A. A. Modelirovanie processa npravstvennogo samoopredeleniya budushchih menedzherov v processe professional'noj

podgotovki v vuze // Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta im. N.A. Nekrasova. Seriya: Pedagogika. Psihologiya. Social'naya rabota. YUvenologiya. Sociokinetika [Vestnik of Kostroma state university. series: pedagogy. psychology. sociokinetics]. – 2012. – T. 18. – № 2. – S. 156–160.

6. Tsybizova, A.K., Pavlova, L. V. Kommunikativnaya metodika formirovaniya inoyazychnyh leksicheskikh navykov u mladshih shkol'nikov // Gumanitarno-pedagogicheskie issledovaniya. – 2017. – T. 1. – № 2. – S. 39–45.

PERSONALITY-ORIENTED TECHNOLOGIES OF TEACHING THE ENGLISH LANGUAGE USING NLP TECHNIQUES

A. A. Tsaran

Candidate of Sciences (Education), Associate Professor, Department
of Linguistics and Study of Literature, Nosov Magnitogorsk State Technical
University (Magnitogorsk, Russia)

Abstract

The article deals with the possibility of using neuro-linguistic programming (NLP) in the process of teaching English. Both the advantages and disadvantages of the proposed techniques and strategies are presented. Modeling such a difficult and complex skill like learning a foreign language requires splitting it into a number of interrelated skills. NLP tools allow you to identify various interesting points that are hidden from the usual teacher of the English language. They are eye movements, patterns of behavior, beliefs, strategies, non-verbal reactions, actions of anchors and more. Learning a foreign language can be modeled. Differing from other areas of knowledge, neuro-linguistic programming is one of the areas of human knowledge, one of the first to step into the description of successful models of human experience, almost touching the way the thinking and behavior of the “model” is organized and arranged a person who owns any skills, competence. It is recommended to conduct your own modeling projects, and the understanding and awareness of the new tools will come as a result of the research done regarding the experience of other people. In this way, we can enrich our own experience based on unique neuro-linguistic programming tools and enrich neuro-linguistic programming based on the uniqueness of each. To a greater degree of complexity, the development of any foreign language is associated not so much with human capabilities as with effective methods of learning and training programs that are built on their basis. A range of the English language strategies are proposed.

Keywords: neuro-linguistic programming, student-centered education, personality orientation, modeling, grammatical structure

Поступила в редакцию 30.01.2019

ДЛЯ АВТОРОВ

Уважаемые коллеги!

Приглашаем Вас принять участие в восьмом и последующих выпусках периодического рецензируемого научного журнала «LIBRI MAGISTRI», издаваемого коллективом кафедры языкознания и литературоведения института гуманитарного образования Магнитогорского государственного технического университета им. Г. И. Носова.

Во втором номере (выпуск 8) «Libri Magistri» предполагается осмысление следующих вопросов:

1) Восток и Запад: исторические мифы и их отражение в текстах культуры.

2) Компаративистика сегодня: задачи – идеи – школы.

3) Лингвокультурология и страноведение.

4) Перевод и переводоведение.

5) Филология и междисциплинарные связи. Филология и IT-технологии.

6) Интермедиальность: тексты культуры.

7) Метатекстуальность: история и типология.

8) Семиотика: мир как текст.

9) Филология и ее проблемное поле, перспективы развития.

10) Аксиологические модели.

11) Современная литература в историко-культурном контексте.

12) Литература и другие формы общественного сознания: проблема диалога.

13) Филологический анализ текста: традиции, типы, конкретные разборы.

14) История и теория жанров: диалектика формы и содержания.

Материалы, поступившие в редакцию, проходят проверку в системе «Антиплагиат.ВУЗ» и подлежат обязательному двойному слепому рецензированию. Редакция имеет право отклонить рукопись или предложить автору ее доработать в соответствии с требованиями.

Издание 2 номера 2019 (восьмого выпуска) журнала «Libri Magistri» планируется в июне 2019 года. Номер журнала будет размещен в РИНЦ (номер договора 336-08/2017).

Форма заявки (в отдельном файле, ее озаглавить следующим образом **Фамилия_заявка**, например: *Иванов_заявка*):

1. Фамилия, имя, отчество (полностью) на русском и английском языках.

2. Название статьи на русском и английском языках.
3. Предполагаемый раздел номера.
4. Город, место работы, должность на русском и английском языках.
5. Ученая степень и ученое звание на русском и английском языках.
6. Домашний адрес с указанием индекса, номера телефона (с кодом города), e-mail.

Для аспирантов и магистрантов (статьи магистрантов публикуются только совместно с научным руководителем) указать кафедру, факультет /институт, учебное заведение, город, страна.

Внимание! Телефон не публикуется, используется только для связи с автором в период подготовки статьи к печати; e-mail публикуется; почтовый адрес не публикуется.

ГРАФИК ПРЕДОСТАВЛЕНИЯ МАТЕРИАЛОВ в 2019 г.

Номер № 2 (выпуск 8) – до 15 апреля 2019 г.,

Номер № 3 (выпуск 9) – до 15 июня 2019 г.,

Номер № 4 (выпуск 10) – до 15 октября 2019 г.

Требования к оформлению статьи:

1. Языки научных статей – русский, английский. По согласованию с редакцией возможна публикация статей на других языках.

2. Статьи предоставляются в электронном виде в формате редактора Microsoft Word 2003 или 2007 на одном из рабочих языков журнала. Файл со статьей именуется следующим образом – ***Фамилия_статья*** (например, *Иванов статья*).

3. Максимальное количество авторов – не более 3-х.

4. Автор предоставляет редакции статьи, ранее нигде не опубликованные. Процент оригинальности не менее 70%.

5. **Общий объем статьи** (включая заголовок, ключевые слова, список литературы, аннотацию) – 12 000-15 000 знаков с пробелами, превышение объема статьи возможно по согласованию с редакционной коллегией. Страницы не нумеруются.

6. **Общие требования. РАЗМЕР А5.** Для набора текста необходимо использовать редактор Microsoft Word для Windows. Шрифт – ***Times New Roman***, размер – **10**. Абзац – **1 см**, междустрочный интервал – **1**. Выравнивание по ширине. Все поля документа по **2 см**. Кавычки в тексте оформляются «елочкой». Без нумерации страниц, без

переносов, без сносок. В качестве средств выделения текста используются подчеркивание и *курсив*. Между инициалами автора и фамилией ставим пробел.

7. **Оформление заголовка (см. образец).** На первой и второй строках (выравнивание по левому краю) указываются **ББК** и **УДК** (полужирным курсивом). После интервала на четвертой строке (выравнивание по правому краю) указываются **инициалы и фамилия автора** (полужирным курсивом). На пятой и следующих строках (выравнивание по правому краю) – **статус автора и сведения о нем** (*научная степень, звание, полное название организации каждого автора, адрес электронной почты хотя бы одного из авторов, но лучше всех авторов*) (курсивом). После интервала – **НАЗВАНИЕ СТАТЬИ** (по центру прописными буквами полужирным). Название статьи (не более 15 слов) должно кратко отражать содержание статьи. Не рекомендуется использовать сокращения и аббревиатуры.

8. После интервала следует аннотация статьи (**без слова Аннотация**) на русском языке не менее 200 слов. Аннотация не должна повторять название статьи и должна точно отражать основное ее содержание. Рекомендуется отражать: предмет исследования, цель работы, метод или методологию проведения исследования, основные результаты работы и область применения результатов исследования, актуальность, методы, результаты, новизну и значимость исследования.

9. После интервала следуют **Ключевые слова** на русском языке (7-10 слов/словосочетаний) без точки в конце. Набор ключевых слов/словосочетаний должен включать понятия, термины, имена, названия и пр., концептуально значимые для статьи.

10. После текста статьи через интервал помещается список **Литературы** с автоматической нумерацией в алфавитном порядке с обязательным указанием издательства, количества или диапазона страниц (Шрифт – Times New Roman, размер – 10). См. ниже образец.

11. После списка литературы следует **REFERENCES**, он должен содержать транслитерацию списка из раздела «ЛИТЕРАТУРА». Источники на иностранных языках не транслитерируются и приводятся в оригинале. Транслитерацию наименований журналов следует сопровождать официальным наименованием (соответствующим названию издания в наукометрических системах РИНЦ и др.) на английском или другом иностранном языке. Названия городов указываются полностью: М. – в «References»: Moscow.

Описание русских, украинских и других работ, написанных не латинским (английским, французским, немецким, итальянским и т.п.) алфавитом, начинается с транслитерированной фамилии автора(ов). **Важно:** необходимо использовать ту транслитерацию фамилии(й),

которая используется в издании, на которое Вы ссылаетесь. Если там нет транслитераций, воспользуйтесь или наиболее распространенной транслитерацией этой фамилии (если возможно), или транслитерируйте согласно общим правилам, используя для автоматической транслитерации программу на сайте <http://www.translit.ru>.

Библиографическое описание работ, опубликованных на языках, не использующих латинский алфавит, состоит из двух частей: транслитерации и перевода на английский язык.

12. Текст рекомендуется структурировать *Введение* – постановка рассматриваемого вопроса, актуальность, краткий обзор научной литературы по теме, четкая постановка цели работы. *Основная часть* статьи должна быть разбита на пронумерованные разделы, имеющие содержательные названия. Возможны подразделы. Она должна содержать описание материала и методов исследования, описание проведенного анализа и полученные результаты. *Заключение* – основные выводы исследования.

13. После **REFERENCES** через интервал следуют **ЗАГОЛОВОК, ИМЯ АВТОРА**, информация о месте его работы, слово **Abstract** - по центру, **Ключевые слова** и далее сама **Аннотация** – все на английском языке.

14. Цитирование без подробных ссылок (с указанием источника и номера страницы в квадратных скобках) не допускается! Ссылки на неавторские Интернет-ресурсы (Википедия и т. п.) не допускаются.

15. Ссылки на литературу даются в квадратных скобках по образцу [1, 13] или [1, IV, 13], где первая позиция (1) – номер цитируемого источника согласно алфавитному списку, вторая позиция (появляется в некоторых случаях) (IV) – номер тома многотомного издания, третья позиция (13) – номер цитируемой страницы.

16. В статье не использовать табуляцию.

17. Кавычки должны быть одного начертания по всему тексту. Внешние кавычки – «елочки» (« »), внутренние – «лапки» (“ ”).

18. С содержанием номеров журнала можно ознакомиться на сайте elibrary https://elibrary.ru/title_about.asp?id=64809 и на сайте университета <http://magtu.ru/sveden/struct/instituty-fakultety-kafedry/institut-gumanitarnogo-obrazovaniya/kafedry-instituta-gumanitarnogo-obrazovaniya/napravlenie-filologiya-i-zhurnalistika/kafedra-yazykoznaniya-i-literaturovedeniya.html>;

19. Оргкомитет сохраняет за собой право отклонять статьи, не соответствующие тематике и не получившие положительной рецензии.

20. Публикация статей бесплатная.

ОБРАЗЕЦ ОФОРМЛЕНИЯ ЗАГОЛОВКА, СПИСКА ЛИТЕРАТУРЫ И АННОТАЦИИ

ББК 83.3(2=411.2)

УДК 821.161.1

С. В. Рудакова¹,

*Магнитогорский государственный
технический университет им. Г. И. Носова
rudakovamasu@mail.ru*

К. Н. БАТЮШКОВ И Е. А. БОРАТЫНСКИЙ: «ДИАЛОГИ» С ПАРНИ

Текст аннотации. Текст аннотации. Текст аннотации. Текст аннотации. Текст аннотации.

Ключевые слова: легкая поэзия, Парни, Батюшков, Боратынский, традиции, диалог, эпикуреизм

Текст статьи. Текст статьи. Текст статьи. Текст статьи. Текст статьи. Текст статьи.

Литература

1. Абрамзон, Т. Е. «Любовная гадательная книжка» А. П. Сумарокова в контексте культуры XVIII века, или Литературная безделка от «северного Расина» / Т. Е. Абрамзон. – М.: ОГИ, 2013. – 192 с.
2. Баратынский, Е. А. Полн. собр. стихотворений / Е. А. Баратынский / Вступ. ст. И. М. Тойбина. Сост., подгот. текста и примеч. В. М. Сергеева. – Л.: Советский писатель, 1989. – 464 с.
3. Рудакова, С. В. Философия счастья в лирике Е. А. Боратынского / С. В. Рудакова // Известия Уральского федерального университета. Серия 2. «Гуманитарные науки». – 2012. – № 4 (108). – С. 103–114.
4. Рылова, О. Н. Русская античность в отечественной литературе: к проблеме культурного диалога [Электронный ресурс] / О. Н. Рылова // Вестник ТГПУ. – 2010. – № 5 (95). – С. 100–106. – Режим доступа:
http://vestnik.tspu.ru/files/PDF/articles/rilova_o_n_100_106_5_95_2010.pdf

¹ Рудакова Светлана Викторовна, доктор филологических наук, профессор кафедры языкознания и литературоведения, Магнитогорский государственный технический университет им. Г. И. Носова, г. Магнитогорск, Россия

REFERENCES

1. Abramzon, T. E. «Lomonosovskij tekst» russkoj kul'tury` [“Lomonosov Text” of Russian Culture: Selected Pages]. – Moscow: OGI, 2011. – 240 s.
2. Baraty`nskij, E. A. Poln. sobr. stixotvorenij [Full. Coll. poems'] / Vstup. st. I. M. Tojbina. Sost., podgot. teksta i primech. V. M. Sergeeva. – Leningrad: Sovetskij pisatel`, 1989. – 464 s.
3. Rudakova, S. V. Filosofiya schast`ya v lirike E. A. Boraty`nskogo [Philosophy of Happiness in E. A. Boratynsky's Lyrical Poetry] // Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Seriya 2. «Gumanitarny'e nauki». [Izvestia. Ural Federal University Journal. Series 2. Humanities and Arts]. – 2012. – № 4 (108). – S. 103–114.
5. 4. Ry`lova, O. N. Russkaya antichnost` v otechestvennoj literature: k probleme kul`turnogo dialoga [Russian antiquity in Russian literature: on the problem of cultural dialogue] [E`lektronny`j resurs] / O. N. Ry`lova // Vestnik TGPU [Bulletin of TSPU]. – 2010. – № 5 (95). – S. 100–106. – Rezhim dostupa: http://vestnik.tspu.ru/files/PDF/articles/rilova_o_n_100_106_5_95_2010.pdf

K. BATYUSHKOV AND E. BORATYNSKY:
«DIALOGUES» WITH PARNI

Svetlana V. Rudakova

Doctor of Sciences (Philology), Professor of Department of Linguistics and
Study of Literature, Nosov Magnitogorsk State Technical University
(Magnitogorsk, Russia)

Abstract

Text. Text. Text. Text. Text. Text. Text. Text. Text. Text.

Keywords: Easy Poetry, Parni, Batiushkov, Boratynsky, Traditions, Dialogue, Epicureanism

LIBRI MAGISTRI

2019. 1 (7)

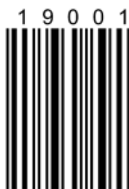
ФИЛОЛОГИЯ В XXI ВЕКЕ: НА ОСТРИЕ НАУЧНЫХ ПОИСКОВ ГУМАНИТАРИСТИКИ

Научный рецензируемый журнал

Подписано в печать 14.03.2019. Формат 60×84 $\frac{1}{16}$. Бумага тип. № 1
Плоская печать. Усл. печ. л. 10,5. Тираж 500 экз. Заказ 1908.

Издательство ООО «ВГ КАТРАН»
455000, Магнитогорск, ул. 50-летия Магнитки, 39–53.

ISSN 2587-6945



>